А.В. Ганин

Черногорец на русской службе: ГЕНЕРАЛ БАКИЧ

А.В. Ганин

Черногорец на русской службе: ГЕНЕРАЛ БАКИЧ

Москва
Русский путь
2004

ББК 63.3(2)6
Г 19

ISBN 5–85887–200–X

Научный редактор
кандидат исторических наук, доцент *О.Р. Айрапетов*
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Рецензенты
кандидат исторических наук, доцент *Е.В. Волков*
(Южноуральский государственный университет, Челябинск);
кандидат исторических наук, доцент *В.Ж. Цветков*
(Московский педагогический государственный университет)

Книга издана при финансовой поддержке *В.Н. Башкина*
и некоммерческого фонда по увековечению памяти участников
Белого движения «Память чести»

© А.В. Ганин, 2004
© Е.Л. Вельчинский, оформление, 2004
© Русский путь, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Рассматривая историю как процесс, в котором главную роль играет деятельность личностей, мы имеем полное право видеть в личности единственный фактор истории, по отношению к коему все остальное, что мы охотно представляем себе также действующим в истории, будет иметь значение простых условий.

Н.И. Кареев

Имя одного из вождей Белого движения, черногорца по национальности, генерал-лейтенанта Андрея Степановича Бакича неразрывно связано с эпохой революции и Гражданской войны в России и напоминает нам не только о ярких героических страницах истории Белой борьбы, но и о трагическом периоде исхода остатков белых армий Восточного фронта в изгнание. Несмотря на важную роль Бакича в развитии указанных событий, его жизнь и деятельность в тесной взаимосвязи с переломными моментами отечественной истории до сих пор по-настоящему не изучены. Существующая историография в чем-то даже мешает объективному взгляду на Бакича, направляя исследователя по ложному пути.

С уверенностью можно сказать, что латинская фраза vae victis (горе побежденным) применима и к прижизненной судьбе Бакича, и к тому, что писали о нем после смерти.

В работах советских историков было принято уничижительное отношение к Бакичу, которого один из авторов, И.Е. Молоков, позволил себе назвать не иначе как «этот тупой, с кругозором фельдфебеля авантюрист… За 20 лет, прожитых здесь, он научился носить военный мундир, но не овладел русским языком. Книг не читал, питал к ним отвращение. Генеральские погоны не прибавили ему ума»[1]. Сподвижнику Бакича, незаурядному руководителю белых партизан генералу Р.П. Степанову, по характеристике того же автора, «и в голову не приходило, что он всего лишь пешка в руках японских, английских и американских империалистов»[2]. Звучит впечатляюще, но насколько далеко от реальности! Этот же автор пишет, что Бакич не отрицал свою причастность к убийству Дутова[3], причем данный факт для него равносилен признанию Бакича в организации убийства, в действительности осуществленного советской разведкой.

Касавшийся биографии Бакича В.К. Шалагинов был гораздо изощреннее в своих суждениях. Советский журналист, близкий к спецслужбам и получивший еще в конце 1960-х – начале 1970-х годов доступ к

материалам следственного дела Бакича, он ставил своей задачей, не навешивая каких-либо ярлыков, создать у читателей впечатление о полной умственной неполноценности Бакича и умелой подтасовкой фактов, порой не имевших ничего общего с действительностью, совершенно дискредитировать генерала[4]. Лишь в последние годы стали появляться, в том числе и на родине Бакича, серьезные исследования, в которых содержатся более взвешенные оценки его деятельности[5]. К сожалению, в этих работах Бакичу уделено лишь несколько страниц, а излагаемые факты его биографии часто перемешаны с предположениями.

Помимо этих работ, непосредственно затрагивающих биографию Бакича, мною был привлечен значительный массив как общих, так и специальных исследований, освещающих те события периода 1914–1922 годов, активным участником которых был Бакич[6]. Особо мне хотелось бы выделить сохраняющие свое научное значение военно-исторические труды 1920–1940-х годов по истории Первой мировой и Гражданской войн[7], авторы которых, проводя, в частности, детальный анализ тех или иных операций Гражданской войны, активно использовали архивные документы белых армий, что не характерно для последующей советской историографии Гражданской войны. При подготовке исследования мною использовались и справочные издания[8].

Что касается биографий командного состава белых армий Востока России, то к числу серьезных монографических исследований на современном научном уровне, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, можно отнести пока лишь несколько трудов, посвященных Р. Гайде, В.О. Каппелю, А.В. Колчаку, Р.Ф. Унгерну фон Штернбергу и М.В. Ханжину[9], хотя некоторые из этих работ и не свободны от ошибок. С сожалением приходится констатировать, что серьезных работ биографического жанра появляется крайне мало. Представляется справедливым утверждение одного из авторов издававшегося в эмиграции журнала «Часовой»: «Благодаря обилию материалов и воспоминаний, дело Белой борьбы на южном фронте освещено весьма основательно. О нем и его героях, участниках и неудачниках известно достаточно, чтобы иметь ясную, общую картину эпохи и характеристику всех его руководителей. Но о других фронтах борьбы, особенно о Сибирском, в общем сведений недостаточно. Кроме отдельных имен и общего хода событий, мы не имеем о ней ясного и детального понятия. Особенно слабо знакомство наше с выдающимися вождями и с самым характером Уральско-Сибирской обстановки»[10].

Кроме того, с момента открытия доступа к архивным коллекциям по истории Белого движения до сих пор не появилось ни одной специальной работы, освещающей историю борьбы в 1919–1920 годах, исхода в Китайский Туркестан (Синьцзян) и дальнейшей судьбы частей Отдельной Оренбургской армии. В какой-то мере восполнить эти пробелы и предназначена данная книга.

В основе моего исследования — прежде всего ранее неизвестные и в подавляющем большинстве до сих пор не введенные в научный оборот архивные документы. Всего для написания работы было привлечено 82 единицы хранения из 32 фондов трех центральных архивов: Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), двух региональных: Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО) и одного общественного архива — Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (БФРЗ). Кроме того, использовались материалы рукописного собрания Музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета (предоставлены Е.В. Волковым), а также домашних архивов В.Н. Башкина (Воронеж), И.А. Гергенредера (Берлин), Е.В. Захарьиной (Оренбург). Из опубликованных источников, как это ни парадоксально, впервые вводятся в научный оборот материалы единственного чудом сохранившегося, благодаря стараниям выдающегося исследователя-эмигранта И.И. Серебренникова, экземпляра брошюры И. Еловского «Голодный поход Оренбургской армии» (Пекин, 1921), публикуемой в приложении, а также материалы уникального сборника «Оренбургский казак», изданного в Харбине в 1937 году.

Использованные в работе источники можно разделить на следующие группы: 1) документы официального делопроизводства; 2) дипломатическая и служебная переписка и 3) документы личного происхождения (воспоминания, дневники, личная переписка). К первой группе относятся хранящиеся в РГВИА послужной список, прошения и наградные документы Бакича, журналы военных действий, Высочайшие приказы и приказы по тем сибирским стрелковым частям, в которых он служил в годы Первой мировой войны. Кроме того, это приказы, инструкции, аналитические записки, следственные материалы, журналы военных действий IV Оренбургского армейского и II Оренбургского казачьего корпусов, боевые расписания, кроки, карты и схемы боевых действий дивизии и корпуса Бакича, других частей и соединений Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Южной армий, приказы Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего и его начальника штаба, приказы по Оренбургскому военному округу, Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Отдельной Семиреченской армиям, а также делопроизводственные документы РККА из собраний РГВА и ГА РФ. Помимо этого, мною были использованы материалы о службе офицеров отряда Бакича, сохранившиеся в домашних архивах В.Н. Башкина и Е.В. Захарьиной. Особое значение для определения политических взглядов Бакича и его окружения имеют программные приказы Бакича по корпусу, воззвания и политическая программа, разработанная в его окружении летом 1921 года[11]. Не менее значимы разведывательные сводки штаба Туркестанского фронта, опросные листы и показания сдавшихся в плен офицеров корпуса Бакича,

освещающие заключительный этап борьбы Бакича. К этой группе источников также можно отнести изданные отдельной книгой протоколы Войскового круга Оренбургского казачьего войска[12], публикации оперативных документов[13], показания атамана Б.В. Анненкова, касавшиеся отряда Бакича, информационные сводки ВЧК, освещавшие состояние отряда Бакича в Китае, а также материалы процесса социалистов-революционеров, с деятельностью которых большевики пытались увязать работу Бакича[14]. К сожалению, не удалось обнаружить документы, освещающие деятельность Бакича во второй половине 1917 — первой половине 1918 года.

Служебная переписка Бакича в основном хранится в собрании ГА РФ. Прежде всего это письма самого Бакича, относящиеся к периоду 1920–1921 годов и адресованные представителям китайских властей, русским дипломатам и военным[15]. В РГВА сохранился ряд телеграмм Бакича по оперативным вопросам, относящихся к более раннему периоду, 1918–1919 годов. Некоторые из них в какой-то степени раскрывают сложные взаимоотношения внутри белого командования. Кроме того, мною использованы многочисленные телеграммы и донесения оперативного характера различных частей и соединений Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Южной армий, касавшиеся событий, в которых Бакич принимал участие. Опубликованные документы дипломатической переписки характеризуют дипломатическую подготовку ввода частей РККА на территорию Китая и Монголии в 1921 году для ликвидации войск Бакича, а также положение русских дипломатических представителей в Китае в период пребывания там Бакича[16].

Документы личного происхождения, использованные мною, достаточно разнообразны. Одним из наиболее ценных источников являются неопубликованные воспоминания сослуживца Бакича по Народной и Южной армиям Генерального штаба генерал-майора С.А. Щепихина «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль–октябрь 1919 года)»[17]. Воспоминания крайне интересны и информативны, но в то же время чрезвычайно сложны как источник. Их автор, генерал Щепихин, во всех окружающих видел в основном только негативные черты, что позволяет говорить о болезненном самолюбии самого автора. Особенно интересны психологические портреты сослуживцев Щепихина, помещенные им в конце воспоминаний. Написан им и психологический портрет Бакича. Весьма ценным является также посвященный Южной армии неопубликованный военно-исторический очерк начальника штаба Отдельной Оренбургской казачьей пластунской дивизии Генерального штаба полковника А.Ю. Лейбурга «Южная армия Восточного фронта в 1919 году»[18]. Работа Лейбурга, являясь мемуарно-исследовательской по своему характеру, касается прежде всего военных вопросов. Личной можно назвать переписку Дутова и Бакича, относящуюся к периоду 1920–1921 годов[19]. Анализ обнаруженных мною писем двух генералов позволяет сделать выво-

ды о характере взаимоотношений между лидерами Белого движения на Востоке России. Неопубликованные записки и дневники оренбургских казачьих офицеров А.О. Приданникова и И.В. Рогожкина воспроизводят взгляды младшего офицерского состава на происходившие события[20]. Мировоззрение нижнего чина, сражавшегося в войсках Бакича в 1918–1919 годах, отражено в мемуарах А.Ф. Гергенредера, записанных его сыном И.А. Гергенредером и изложенных последним в переписке с автором. Любопытная характеристика Бакича содержится в рукописи воспоминаний сельского учителя Ф. Утешева.[21] Неопубликованный дневник военного чиновника А.И. Ефимова подробно освещает события похода корпуса Бакича по территории Китая[22]. Значительный интерес представляют опубликованные мемуарно-исследовательские работы генералов И.Г. Акулинина и Н.Н. Головина, военных и политических деятелей большевиков Г.Д. Гая, Н.Ф. Евсеева и П.П. Собенникова, башкирских политических и военных деятелей А.-З. Валидова (З.В. Тогана) и М.Л. Муртазина, политика и ученого И.И. Серебренникова, потомка русских эмигрантов В.И. Петрова[23]. Взгляды социалистов-революционеров отражены в воспоминаниях участников антибольшевистского движения, вошедших в сборник «Гражданская война на Волге в 1918 г.»[24]. Широко использовались в работе опубликованные воспоминания и дневники генералов В.Г. Болдырева, А.П. Будберга, К.Я. Гоппера, Д.В. Филатьева, Б.А. Штейфона, воеводы Ж. Мишича, офицеров Н.Н. Голеевского, Н. Дутова, И. Еловского, Г.В. Енборисова, К. Носкова, С.Е. Хитуна, военного врача Л. Головина, советских военных и политических деятелей К.К. Байкалова, Н.И. Кирюхина, М.Н. Тухачевского и других участников событий[25]. Помимо документов личного происхождения, при написании работы использовались материалы периодической печати. Документы публикуются и цитируются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Все даты до 1 (14) февраля 1918 года приведены по старому стилю.

К сожалению, источниковая база по данной теме характеризуется ее плохой сохранностью, разрозненностью и фрагментарностью, что, конечно, значительно усложняет работу исследователей. Такая ее особенность предполагает проведение комплексного анализа всех имеющихся материалов и широкое применение историко-сравнительного метода.

К тому же в период подготовки работы я не имел доступа к материалам следственного дела Бакича, хранящимся в Государственном архиве Новосибирской области, так как в это время прокуратура Новосибирской области рассматривала вопрос о реабилитации осужденных по этому делу[26]. Кроме того, остались недоступны документы о Бакиче в архивном собрании Музея русской культуры в Сан-Франциско. Возможно, в дальнейшем мне удастся ознакомиться с этими материалами. В

данной работе я попытаюсь, опираясь исключительно на факты, проследить жизненный путь Бакича от начала и до конца и показать роль этого человека в истории антибольшевистского движения.

Выражаю искреннюю признательность внуку служившего в отряде генерала Бакича штабс-капитана Г.М. Науменко — В.Н. Башкину, а также некоммерческому фонду по увековечению памяти участников Белого движения «Память чести» за финансовую поддержку. Своим долгом считаю выразить благодарность моему научному руководителю и редактору этой книги к.и.н. О.Р. Айрапетову; рецензентам: к.и.н. Е.В. Волкову (Челябинск) и к.и.н. В.Ж. Цветкову (Москва); моим друзьям и коллегам: В.Б. Каширину, А.С. Кручинину (Москва) и к.и.н. В.Г. Семенову (Оренбург), в беседах, а порой и в спорах с которыми корректировалась моя точка зрения; сотрудникам архивов и библиотек, оказывавшим содействие в работе над книгой: Т.Ю. Бурмистровой, Ю.В. Киреевой, Д.П. Шергину (РГВИА); Е.В. Дорониной, Н.Е. Елисеевой, Л.Н. Сахаровой (РГВА); Н.И. Абдулаевой, Т.В. Заславской, Л.И. Кулагиной, Л.И. Петрушевой, А.А. Федюхину (ГА РФ); Е.Н. Акимовой, И.Ф. Реве, Л.А. Савиной (ГАОО); В.А. Шокову (ЦДНИОО) и П. Полански (Библиотека им. Гамильтона Гавайского университета). Отдельно хотел бы поблагодарить за внимательное отношение к моим научным исследованиям моих дорогих родителей.

Список сокращений

БФРЗ — Библиотека-фонд «Русское Зарубежье».
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области.
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
РГВА — Российский государственный военный архив.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
ЦДНИОО — Центр документации новейшей истории Оренбургской области.

Черногорец на русской службе: ГЕНЕРАЛ БАКИЧ

МИРНЫЕ ГОДЫ

Черногорцы? что такое? —
Бонапарте вопросил: —
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?

А.С. Пушкин

Семейство Бакич, по данным черногорского исследователя Д. Мартиновича, происходило из Забрджа близ Андриевицы. Наиболее яркими представителями этого рода были председатель Великого суда и министр юстиции в кабинете премьер-министра Черногории (1913–1914) Янко Вукотича — Любомир А. Бакич (1877–1925); профессор семинарии в Цетинье, а позднее черногорский дипломатический представитель в Константинополе Митар З. Бакич (1852–1903) и, наконец, племянник последнего — русский генерал Андрей Степанович Бакич[27].

Кем же были черногорцы во второй половине XIX века? К середине XIX века в Черногории проживало до 130 000 жителей. По переписи 1910 года численность населения страны составляла 220 000 человек. Черногория была изолирована от внешнего мира горами. Подавляющее большинство населения жило в сельской местности, занимаясь земледелием и скотоводством, ремесла были развиты слабо, промышленности вплоть до начала XX века практически не существовало. С конца XVIII века Россия постоянно снабжала Черногорию хлебом, поскольку своими силами черногорцы едва справлялись с угрозой голода.

В Черногории прочно утвердилось православие, объединявшее разрозненные черногорские племена. У черногорцев считалось, что трусость одного человека позорит весь его род. В народе был силен дух коллективизма, это были гордые и бесстрашные воины, привязанные к своей земле. Непререкаемым для черногорцев был авторитет главы семьи. В то же время в стране были широко распространены нормы обычного права, кровная месть[28]. В 1852 году Черногория была провозглашена княжеством. С 1860 по 1918 год страной едино-

лично правил искусный и жесткий правитель, князь (с 1900 — король) Никола Пе́трович-Негош. Именно про него 20 мая 1889 года император Александр III сказал: «Пью за здоровье единственного и искреннего друга России — князя Николая Черногорского»[29]. Основу бюджета Черногории составляли русские дотации. В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 годов союзница России Черногория приобрела выход к Адриатическому морю и стала полностью независимой от Османской империи. Началось строительство новой, единой Черногории, постепенно изживалась межплеменная рознь. Подготовку офицеров и боевое обеспечение черногорской армии осуществляла Россия. Между двумя странами существовала самая тесная связь, подкреплявшаяся династическими браками дочерей Николы Петровича с русскими великими князьями.

31 декабря[30] (по другим данным — 30 декабря[31]) 1878 года в Черногории родился Андрия (Андрей) Бакич. Он окончил начальную школу в Андриевице и шесть из восьми классов 3-й короля Александра I гимназии в Белграде. В документах, относящихся к этому периоду его жизни, Бакич, по ошибке школьной администрации, был записан сербом[32] (надо сказать, что вплоть до XX века черногорцы не отделяли себя от сербов, и подобная подмена могла быть в порядке вещей), однако остаться жить на родине ему не было суждено.

На Ивандан, 24 июня 1899 года, было совершено покушение (Иванданский атентат) на Главнокомандующего сербской армией, проавстрийски настроенного экс-короля Сербии Милана Обреновича (1854–1901). Король и его адъютант получили ранения[33]. Ответственность за покушение была возложена на оппозиционную сербскую Народную радикальную партию, лидеры которой во главе с Николой Пашичем после покушения были арестованы[34]. Их причастность к покушению доказана не была, но Пашичу пришлось возложить вину на себя и своих соратников. Король Милан настаивал на казни радикалов, однако против такого наказания решительно выступила Россия. Непосредственный участник покушения солдат Кнежевич был казнен[35]. В причастности к этому покушению был обвинен и еще совсем молодой Бакич, высланный за это из страны. Из Сербии Бакич отправился в Константинополь[36], скорее всего, к своему дяде.

Очевидно, что в столице Османской империи в конце XIX века жизненные перспективы для молодого честолюбивого черногорца были минимальными. Неудивительно, что вскоре Бакич отправился

искать счастья в Россию, в Одессу, где 7 февраля 1900 года, в возрасте 21 года, добровольцем поступил на военную службу в 4-ю роту 60-го пехотного Замосцкого полка с зачислением в Одесское пехотное юнкерское училище[37].

Одесское училище было основано в 1865 году как пехотное юнкерское. В юнкерские училища, в отличие от военных, принимались лица с незаконченным средним образованием, в связи с чем их учебный курс был значительно легче. По замыслу военного министра генерал-адъютанта Д.А. Милютина юнкерские училища должны были повысить общеобразовательный уровень офицерского состава (ранее практиковалось производство в офицеры из унтер-офицеров и вольноопределяющихся за выслугу лет без общеобразовательного ценза) и полностью удовлетворить потребность армии в офицерских кадрах. Первоначально в Одесском училище предполагалось одновременное обучение одной роты (200 юнкеров), но к началу царствования Александра III одновременно учились уже 400 юнкеров. Учебный курс был рассчитан на два года и состоял из двух классов: младшего общего и старшего специального. В программу входили следующие предметы: Закон Божий, русский язык и литература, история, география, математика, черчение, физика и химия, тактика, фортификация, уставы, сведения об оружии, военная администрация, военное законодательство, военная топография и методика обучения нижних чинов. С 1903 года училище перешло на трехлетний срок обучения, ему было пожаловано знамя. С 1 сентября 1910 года оно было преобразовано в военное. В общей сложности с 1866 по 1902 год училище окончил 4701 человек. Юнкера носили белые погоны с алой выпушкой и шифровкой «О.Ю.». Училищный праздник отмечался 23 апреля[38].

Следует отметить, что при поступлении на русскую службу Бакич «присягал на верность службы, что же касается до присяги на подданство России, то таковую не принимал»[39], формально оставаясь черногорским подданным. По всей видимости, он рассчитывал вернуться на родину, когда выдвинутые против него обвинения станут лишь достоянием истории, и никак не предполагал, что на всю дальнейшую жизнь свяжет свою судьбу с приютившей его далекой страной.

Бакич, имевший шестиклассное гимназическое образование, обладал, таким образом, правами вольноопределяющегося 1-го разряда и мог быть зачислен в училище вне конкурса, получив на экзаме-

не по русскому языку не менее 7 баллов. Молодому черногорцу повезло, он поступил в училище сравнительно легко, тогда как уже в 1903 году для таких, как он, лиц с шестиклассным образованием в связи с их плохой подготовкой, при поступлении в юнкерские училища был введен дополнительный экзамен по всем разделам математики[40]. Начальником училища в период обучения в нем Бакича был полковник Е.А. Ферсман. Поступив в училище в самый разгар учебного года, Бакич не смог окончить младший курс и был оставлен на второй год. Тем не менее в стенах училища будущий офицер проделал довольно успешную карьеру: через год с небольшим после поступления стал унтер-офицером, а в старшем классе достиг должности командира отделения. Окончил училище по первому разряду и был выпущен из него 8 августа 1902 года с переименованием в подпрапорщики. Девиз Одесского училища гласил: «Один — за всех, и все — за одного!» Этот и другие подобные ему девизы становились жизненным кредо выпускников училищ[41]. Характерно, что жизненный путь Бакича, в дальнейшем никогда не бросавшего своих подчиненных, полностью соответствует этому мушкетерскому девизу.

Как окончивший училище по 1-му разряду, Бакич имел право на производство в офицерский чин вне зависимости от наличия вакансии. Уже 5 сентября 1902 года на Курских маневрах в Высочайшем присутствии он был произведен в подпоручики[42]. Двухнедельные Курские маневры, во время которых Бакич стал офицером, проводились в августе–сентябре 1902 года. В маневрах должны были принять участие 154 батальона, 76 эскадронов, 1 сотня и 348 орудий. Участники этих крупномасштабных учений были разделены на две армии: Московскую под командованием великого князя Сергея Александровича и Южную во главе с военным министром генералом от инфантерии А.Н. Куропаткиным. В состав Южной армии входили и войска Одесского военного округа, в котором служил Бакич. Из слушателей Одесского, Киевского и Чугуевского училищ был сформирован сводный батальон, вошедший в состав XI армейского корпуса. Юнкера проходили усиленную подготовку к учениям в лагере в Дарнице.

Предполагалось, что Московская армия будет вести наступление, в то время как Южная, отступая к Курску, — оборонять город до подхода подкреплений, после чего войска Куропаткина переходили в наступление на Орел. В действительности все свелось к грандиозной показухе, не имевшей ничего общего с требованиями современ-

ной войны. В частности, Куропаткин в конце маневров без серьезной артподготовки густыми колоннами атаковал укрепленные позиции Московской армии под Касторной, причем сам с многочисленной свитой находился впереди своих войск. Тем не менее победа была присуждена Южной армии[43]. По воспоминаниям одного из офицеров Одесского училища, «погода во время маневров была довольно дождливая, что при переходах по 30–35 верст было для юнкеров тяжело, но отсталых и больных не было. Было горячее желание видеть Царя... Предпоследний день был особенно труден. Походное движение началось в 5 часов утра. Двигались «с боями» в течение почти всего дня. Лишь в 8 часов вечера стали на бивак, но разбивать палатки и разводить костры было воспрещено. В этот день прошли около 50-ти верст. Но недолго пришлось отдыхать, в 3 часа ночи батальону приказано было построиться и начать переправу через реку Сейм вброд. Брод был выше пояса, и вода очень холодная. Оружие, патроны и шинели пришлось нести на голове. Благополучно перейдя Сейм, батальон «вступил в бой», выполнив в точности заданную ему задачу»[44]. В 9 утра был дан отбой, маневры завершились, и обе армии расположились биваком у Маквы Сокольской. По окончании маневров к войскам со стороны Южной армии выехал император Николай II, был произведен общий парад. Начальник училища полковник Ферсман был произведен в генерал-майоры. Тогда же состоялось торжественное производство в офицеры Бакича. Вскоре слушатели училища вернулись в Одессу.

Офицерская служба для будущего генерала была не из легких, успешному продвижению мешало слабое здоровье молодого Бакича. Несмотря на здоровый образ жизни (в частности, будущий генерал вообще не употреблял спиртного), болезни буквально преследовали его. Еще в 1895 году он перенес брюшной тиф, в 1902 году — воспаление легких, в 1905 году — кожное заболевание, а впоследствии здоровье Бакича оказалось подорванным настолько, что ему пришлось даже оставить военную службу, однако об этом ниже.

По окончании училища Бакич вышел в свой 60-й пехотный Замосцкий полк, в котором числился и в период обучения. В полку он почти сразу получил во временное командование роту. В дальнейшем ему приходилось исполнять различные поручения: участвовать в исправлении плана окрестностей Одессы, осуществлять наблюдение за новобранцами, исполнять должность батальонного адъютанта. Летом 1903 года Бакич получил приз за участие в полковой

состязательной стрельбе. Надо сказать, что меткость в стрельбе была яркой отличительной чертой черногорцев, и Бакич не был исключением.

В связи с началом войны с Японией молодой офицер по Высочайшему приказу от 14 февраля 1904 года был переведен на службу в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, и вся его дальнейшая служба вплоть до отставки в 1913 году проходила на дальневосточной окраине империи. Спустя месяц Бакич прибыл на новое место службы и получил назначение на должность батальонного адъютанта. Полк был дислоцирован в Приморской области и входил в состав Южно-Уссурийского отряда, созданного для отражения возможного японского десанта в Приморье. Задача отряда заключалась в сдерживании противника до подхода русских войск из Маньчжурии, но, поскольку японцы до конца войны не решились высадиться на территории Южно-Уссурийского края, полк непосредственного участия в боях не принял.

В марте 1905 года Бакича прикомандировали к 4-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, в составе которого молодой офицер дождался конца войны, так и не приняв участия в боевых действиях. В полку будущий генерал служил все тем же батальонным адъютантом, заведовал швальней и работал квартирмистром, а также некоторое время командовал нестроевой ротой. 31 января 1906 года по приказу Главнокомандующего всеми вооруженными силами, действующими против Японии, генерала от инфантерии Н.П. Линевича Бакич «за отлично усердную службу и труды» был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени[45]. Вскоре после окончания войны полк Бакича был расформирован, а сам офицер получил назначение в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк 2-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, располагавшийся вблизи китайской границы в глухом урочище Барабаш Приморской области (в 80 верстах от Никольска-Уссурийского), куда и убыл 9 июня 1906 года.

На новом месте Бакичу пришлось заниматься уже знакомыми делами — он снова был назначен полковым квартирмистром, а кроме того, заведовал хлебопечением. Вообще, до начала Первой мировой войны армейская служба А.С. Бакича в основном проходила именно на таких, во многом второстепенных, хозяйственных должностях. Быть может, он и сам стремился на эти посты, поскольку обладал необходимой для такого рода деятельности коммерческой жилкой или просто определенной расчетливостью. Период 1906–

1909 годов в жизни уже поручика (произведен 20 ноября 1906 года со старшинством с 1 сентября того же года[46]) Бакича мне представляется временем довольно рутинной его службы на различных обер-офицерских должностях: два с лишним года командования нестроевой ротой, а также временное командование различными ротами полка в периоды отсутствия их командиров.

Именно в этот период он обзавелся семьей, связав свою жизнь с завидной для армейского обер-офицера невестой Ольгой Константиновной Данич, так же как и сам Бакич, происходившей из черногорского рода. Тесть молодого офицера — генерал-майор Константин Александрович Данич родился 14 сентября 1854 года, происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии и отличился во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в бою при селении Горный Дубняк 12 октября 1877 года, где был ранен в голову навылет, но, несмотря на серьезное ранение, продолжил военную службу, дослужившись до генеральского чина[47]. Генерал Данич с 20 января 1907 года командовал 2-й бригадой 2-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, — той самой, в которой в это время служил Бакич[48]. Ольга Константиновна подарила мужу двух сыновей и дочь. 16 января 1909 года у четы Бакичей на свет появился первенец Михаил, через два года, 29 марта 1911 года, родился второй сын Владимир, и, наконец, 2 декабря 1912 года — дочь Елена.

Как известно, жизнь офицера и даже его семьи всегда зависит от распоряжений вышестоящего начальства, поэтому в августе 1909 года Бакич с женой и семимесячным сыном были вынуждены покинуть насиженное место. В качестве прикомандированного офицер отправился в Никольск-Уссурийский, — в расположение 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (с 5 августа 1910 года — 5-й Сибирский стрелковый полк) для последующего перевода в последний, состоявшегося лишь 16 января 1910 года. В этой части Бакич прослужил до самого ухода в отставку. Хотя 20 ноября 1910 года он был произведен в штабс-капитаны, в жизни обер-офицера мало что изменилось — он по-прежнему подменял отсутствовавших ротных командиров, не имея постоянной должности. С февраля 1911 года Бакич на полтора года был прикомандирован к управлению интенданта I Сибирского армейского корпуса. Сразу по возвращении в полк он был командирован для изучения саперного дела, после чего шесть месяцев находился в отпуске с сохранением содержания. Содержание, получаемое Бакичем по службе в этот период (на 10 февраля

1913 года), составляло 1531 рубль, из которых было 948 рублей жалования, 300 рублей добавочных, 246 рублей квартирных денег и 237 рублей за выслугу лет[49]. Вернувшись в конце января 1913 года из отпуска в свой полк, штабс-капитан Бакич буквально через полторы недели был уволен в новый отпуск «впредь до увольнения в отставку без сохранения содержания»[50].

Причина этих отпусков — тяжелое болезненное состояние офицера. 23 января 1913 года Бакич был освидетельствован комиссией врачей Никольск-Уссурийского местного лазарета. Он жаловался членам врачебной комиссии, что «плохо слышит на правое ухо после воспаления среднего уха. Постоянно болит горло. Слабость, быстрая утомляемость, плохой аппетит»»[51]. Свое болезненное состояние, начавшееся с весны 1912 года, Бакич связывал с плохими условиями службы.

При освидетельствовании комиссия нашла: «Питание плохое... Лицо в морщинах; волосы на голове отсутствуют на теменной и лобной костях. Все железы слегка увеличены в размере, особенно шейные...»[52] В заключении врачебной комиссии было отмечено: «Состояние здоровья не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к службе строевого офицера. Подлежит увольнению в отставку по расстроенному здоровью. При увольнении в отставку имеет право на пенсию из Государственного Казначейства...»[53]

Подав прошение на Высочайшее имя, Бакич в июне 1913 года вышел в отставку с зачислением в пешее ополчение по Приморской области и занялся коммерцией — необходимо было содержать жену и троих малолетних детей. По некоторым данным, около года он провел, работая коммивояжером Русско-монгольского торгового товарищества[54]. Однако в отставке ему долго находиться не пришлось — в июле 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну.

НА ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЕ

В связи с началом войны 31 июля 1914 года Бакич был мобилизован в ополчение, в котором числился. Статус ополченца не мог устроить отставного кадрового офицера — начавшаяся большая европейская война открывала перед ним перспективы быстрой офицерской карьеры. В связи с этим в августе 1914 года Бакич подал прошение о зачислении в 44-й Сибирский стрелковый полк, дислоци-

ровавшийся в Омске, однако штабом Омского военного округа был назначен в 56-й Сибирский стрелковый полк, формировавшийся на основе кадра 44-го полка. В полку, судя по всему, Бакича встретили с распростертыми объятьями — в первые дни мобилизации в часть поступило около шести с половиной тысяч нижних чинов, и нехватка кадровых офицеров была очень острой[55].

56-й Сибирский стрелковый полк под командованием полковника М.И. Фукина входил в состав 14-й Сибирской стрелковой дивизии VI Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Ф.Н. Васильева (13-я и 14-я Сибирские стрелковые дивизии). Корпус вошел в состав 1-й армии под командованием генерал-адъютанта П.К. Ренненкампфа. Формально еще находясь в отставке, Бакич уже выступил на фронт вместе с 56-м Сибирским стрелковым полком. 25 ноября 1914 года, во время передышки между боями, он подал прошение на Высочайшее имя. В сопроводительном документе на имя командира полка Бакич писал: «Представляя при сем прошение на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя, об определении меня вновь на военную службу, доношу, что мой указ об отставке был представлен в 44-й Сибирский стрелковый полк 22 августа сего года, но Штабом Омского Военного Округа был я назначен в 56-й Сибирский стрелковый полк»[56].

Текст самого прошения гласил: «Просит отставной Штабс-Капитан 5-го Сибирского Стрелкового полка Андрей Степанович Бакич о нижеследующем: Имея желание вновь поступить в военную Вашего Императорского Величества службу всеподданнейше прошу: к сему, дабы повелено было меня вышепоименованного определить на службу в 56-й Сибирский стрелковый полк. 1914 года Ноября 25 дня. К поданию надлежит Командиру 56-го Сибирского стрелкового полка. Сие прошение со слов просителя писал стрелок Стрыгин. Прошению штабс-капитан Андрей Степанович Бакич руку приложил»[57]. Создается впечатление, что Бакич не умел писать по-русски (прошение об отставке за него тоже писал один из нижних чинов). Как выяснилось позднее, прошение было составлено неверно, а, кроме того, Бакич не представил указ об отставке.

Лишь 12 января 1915 года был издан Высочайший приказ, согласно которому «состоящий в пешем ополчении, по Приморской области, отставной штабс-капитан Б а к и ч (разрядка документа. — *А.Г.*) [определяется на службу] в 56-й Сибирский стрелковый полк»[58]. В результате отставки Бакич утратил почти полтора года старшинства в чине штабс-капитана. Его прежнее старшинство в этом чине было

установлено с 1 сентября 1910 года, тогда как новое — лишь с 25 февраля 1912 года. В годы Первой мировой войны прежнее старшинство Бакича было восстановлено, поскольку в дальнейшем в документах упоминается именно первоначальный вариант[59]. Первые два месяца с момента сформирования, полк, в который поступил А.С. Бакич, нес службу охраны Сибирской железной дороги, а 19 сентября 1914 года был направлен в Смоленск для дальнейшего следования на фронт. Впоследствии полк участвовал в боевых действиях на Северо-Западном и Северном фронтах.

Полк выехал из Омска 22 сентября шестью эшелонами. В первом эшелоне командира первого батальона капитана Могильникова ехал и командир второй роты первого батальона штабс-капитан А.С. Бакич (в батальоне ротными командирами были три штабс-капитана и один подпоручик). Из Смоленска полк через Полоцк был направлен в Седлец, куда все эшелоны прибыли 3–4 октября. По прибытии полк был расквартирован по деревням в окрестностях Седлеца. Батальон, в котором служил Бакич, расположился в деревне Жельков. В период с 7 по 10 октября в части были произведены ротные, батальонные и полковое тактические учения, после чего полк, минуя Варшаву, был переброшен в крепость Новогеоргиевск. На новом месте, однако, задержаться не пришлось, до конца октября полк почти постоянно находился на марше по грязным после прошедших дождей польским дорогам. 24 октября был устроен полковой праздник, отслужен молебен, нижним чинам выдана улучшенная пища. К 30 октября в 56-м Сибирском стрелковом полку состояло 49 офицеров и 3764 стрелка[60]. Статистические данные позволяют представить, каким ужасающим в дальнейшем будет процент потерь полка Бакича.

На Северо-Западном фронте в эти дни разворачивалась Лодзинская операция. Это сражение было предопределено самим ходом предшествующей Варшавско-Ивангородской операции, в результате которой 9-я германская и 1-я австрийская армии потерпели поражение и были вынуждены спешно отступать в юго-западном направлении в сторону Силезии[61]. После этой неудачи у германцев, знавших, благодаря радиоперехвату, точную дислокацию русских войск, созрел план глубокого удара во фланг наступавшим 2-й, 4-й и 5-й русским армиям. В то же время русская Ставка без учета реальной обстановки на фронте реализовывала свой план «глубокого вторжения в пределы Германской империи», в котором должны были принять участие 4 армии и свыше 40 дивизий[62]. Для прикрытия наступления со

стороны Восточной Пруссии 1-я армия должна была переправиться на правый берег Вислы, в результате чего ее связь со 2-й армией оказалась крайне слабой[63]. Тем временем австро-германцы развернули группировки в Галиции и Восточной Пруссии (вспомогательные группы — до четырех корпусов), но свой главный удар силами 9-й армии (ударная группа) под командованием германского генерала Августа фон Макензена они наносили в направлении Кутна-Лович в слабое место русских — в стык между 1-й и 2-й русскими армиями.

31 октября стрелки VI Сибирского стрелкового корпуса были выдвинуты на поддержку разгромленного у Влоцлавска V корпуса, по которому пришелся главный удар четырех корпусов германцев. Части переправились через Вислу в районе Плоцка, и, находясь в прифронтовой полосе, были включены в состав отряда генерал-майора С.П. Былим-Колосовского.

Германцы, разгромив V корпус, стали развивать свой успех в южном направлении с целью выйти на рубеж реки Бзура, где германский Главнокомандующий на Востоке генерал пехоты П. фон Гинденбург предполагал развернуть свои войска для удара по тылам 2-й русской армии. Основной целью немцев по традиции, заложенной еще К. фон Клаузевицем[64], был разгром русских войск, а не захват Варшавы, как предполагало русское командование. Первоначально полк Бакича находился в резерве, но уже 2 ноября получил приказ перейти в наступление и принял участие в бою под городом Гостынин. И, что удивительно, в первом же бою отличился штабс-капитан А.С. Бакич.

Если не считать Русско-японской войны, в которой Бакич, по сути, не принимал участия, к 1914 году у него еще не было боевого опыта. Однако Первая мировая война открыла в нем совершенно новые, неожиданные черты. В боевых условиях А.С. Бакич, который до этого в армии занимался почти исключительно лишь хозяйственными вопросами, проявил себя как выдающийся по своим качествам офицер, неоднократно и сознательно подвергавший свою жизнь смертельной опасности ради успешного выполнения боевых задач. С одной стороны, черногорец Бакич, быть может, особенно остро воспринял идею помощи своим соотечественникам — сербам и черногорцам (позднее он говорил, что по убеждениям является славянофилом[65]), но, с другой стороны, в связи с тяжелой болезнью, ему уже нечего было терять. Наконец, оба этих фактора могли сочетаться.

На долю 56-го Сибирского стрелкового полка и соседних частей выпало испытание не из легких — они находились практически на

острие удара «тарана» Макензена и пытались при этом еще и наступать. Поэтому день 2 ноября 1914 года, когда в районе Гостынина произошел страшный встречный бой, наверное, надолго запомнился Бакичу. С началом сражения его полк занял оборону и окопался. Однако солдаты соседнего, 55-го Сибирского стрелкового полка не выдержали и стали отступать, что грозило фланговым обходом и 56-му полку. В этой ситуации Бакич не растерялся и бросился останавливать бегущих в тыл, сумев остановить и присоединить к своей роте около 60 солдат, отступавших с передовой[66]. Вскоре после этого пропал без вести командир батальона капитан Могильников, и батальон в боевой обстановке пришлось принимать самому Бакичу, как самому старшему из всех оставшихся в строю ротных командиров. В этот день сибирские стрелки впервые испытали на себе шквальный пулеметный и шрапнельный огонь. Но Бакич сохранял присутствие духа и во главе батальона прикрывал отход соседних частей.

3–5 ноября 1914 года он, занимая со своим батальоном под деревней Щавин-Костельный близ города Гомбин левый боевой участок позиции, которому противник угрожал охватом, в течение трех суток отбивал все атаки превосходящих сил германцев и сумел удержать позицию, за что впоследствии был удостоен Георгиевского оружия[67]. В эти дни полк понес огромные потери в личном составе, в том числе и в офицерах, и вид множества убитых и раненых в окопах производил гнетущее впечатление на оставшихся в живых нижних чинов[68]. 5 ноября немцы вели ночной обстрел позиций полка, оказавший на стрелков сильное психическое воздействие. Несмотря ни на что, сверху поступали приказы держаться во что бы то ни стало. Находившиеся на пределе своих возможностей стрелки не смогли более удерживать позиции и с большими потерями, оставив раненых и два пулемета, отступили. Но не таков был Бакич, чтобы смириться с неудачей! Узнав об оставлении пулеметов, Бакич бросился в пустые окопы и «с несколькими нижними чинами 2-й роты, и пулеметной команды вынесли оставшиеся 2 пулемета и, встретив при отходе коров, насадили пулеметы на них и таким образом ни один пулемет не попал в руки неприятеля»[69].

В ночь на 4 ноября германцы приступили к окружению 2-й русской армии. Тогда же Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта Генерального штаба генерал от инфантерии Н.В. Рузский отдал приказ об изменении направления фронта на 90°, чтобы, развернувшись фронтом на север, отразить натиск 9-й германской

армии[70]. 8–9 ноября 1914 года, в переломные для Лодзинской операции дни, когда военное счастье едва не вернулось к нашим войскам, в бою у деревни Слубице на р. Нида Бакич, командуя первым батальоном полка, в течение двух суток успешно отбивал атаки германцев, направленные на вверенный ему боевой участок. Роты понесли серьезные потери. Утром 9 ноября обстановку осложнил сильный туман. В общей сложности 56-й Сибирский стрелковый полк под непрерывным огнем противника продержался на позиции у деревни Слубице 27 часов. После боя в строю осталось 900 стрелков при двух пулеметах.

В результате контрманевра, предпринятого генералом Рузским, окружающая русских германская группа в ночь на 11 ноября сама попала в окружение и начала отступать. Немцы пренебрегли боевыми возможностями русских войск и поплатились за это. По мнению современного австрийского ученого В. Раушера, германцам тогда едва удалось избежать «угрожающей катастрофы»[71].

Несмотря на боевые подвиги, в ноябре Бакича с батальонного уровня вернули на ротный, назначив командиром первой роты полка. И в новой должности он сумел проявить себя с лучшей стороны. 18 ноября в ходе наступления у деревни Скврода (Сковорода) рота Бакича взяла в плен германского офицера, 15 солдат и 12 лошадей, причем при офицере был обнаружен дневник, карты и полевой устав. Кроме того, рота смогла отбить около 50 солдат соседних частей, захваченных немцами в плен накануне.

В тот же день после контузии командира импровизированного отряда капитана В.В. Жежелевского штабс-капитан Бакич заменил его в этой должности. Бакич остановил отступление отряда, обстрелял противника в районе деревень Ядзино и Петрово и продолжил отход с боем. В целом, в ходе ноябрьских боев 56-й Сибирский стрелковый полк понес жестокие потери — к 23 ноября, когда сибирских стрелков отвели в тыл, в строю оставалось лишь 5 офицеров и 325 нижних чинов при четырех пулеметах[72]. Во всей 14-й Сибирской стрелковой дивизии к 17 ноября в строю недоставало 269 офицеров и 11 905 нижних чинов. Отдых был недолгим, и уже 30 ноября полк Бакича вновь участвовал в боевых действиях.

С 18 ноября по 4 декабря немцы предприняли новое наступление, закончившееся безрезультатно. 1 декабря под деревней Корольков-Рыбновский возле города Сохачев Бакич был ранен шрапнелью в голову и ноги и контужен, но остался в строю. Судьба хранила его

для будущих событий. При освидетельствовании было установлено, что «на правой стороне шеи, на правой скуловой кости — ссадины с кровоподтеками; на правой височной кости — припухлость и болезненность; на левой голени кровоподтек и 2 ссадины, полупарез[73] правой руки»[74].

Несмотря на ранение и контузию и то, что правая рука оказалась частично парализована, он продолжал командовать стрелками, как вдруг было замечено, что на левом фланге солдаты стали перебегать к противнику и сдаваться. В этой ситуации по приказанию штабс-капитана Бакича «по цепи из первой 1/2 роты 1-й роты было передано приказание расстреливать сдающихся и сделано было предупреждение, что сдающиеся вообще будут расстреливаться»[75]. Однако угрозы не помогли, скорее наоборот — сдача в плен приобрела массовый характер. Тогда Бакичу пришлось принять нелегкое, но необходимое в подобной ситуации решение — он отдал приказ своей первой роте открыть огонь по сдававшимся. Одновременно приходилось вести огонь и по противнику. На следующий день 56-й Сибирский стрелковый полк отошел в резерв в составе… 4 офицеров и 15 нижних чинов при трех пулеметах. В те дни фактически был уничтожен весь VI Сибирский армейский корпус[76]. С 3 по 15 декабря Бакич находился на излечении при полковом околотке[77]. После Лодзинского сражения 13-я Сибирская стрелковая дивизия корпуса была заменена 3-й Сибирской стрелковой.

В этот период русские войска очистили Лодзинский плацдарм и совершили отступательный марш-маневр для занятия обороны по рекам Пилица, Нида, Бзура и Равка. Войска заняли указанные рубежи, и боевые действия надолго приобрели позиционный характер: противников разделяла лишь узкая полоса земли шириной от ста до шестисот шагов[78]. Таким образом, первоначальный план наступления в Силезию, несмотря на успехи русских, был сорван. К 10 декабря в 56-м Сибирском стрелковом полку, где в течение месяца из-за огромных потерь практически полностью сменился личный состав, был заново сформирован первый батальон, в командование которым вступил штабс-капитан А.С. Бакич. После переформирования полк возвратился на передовую.

В январе 1915 года А.С. Бакич был представлен к производству в капитаны. Далее на него вполне заслуженно обрушился целый поток наград. Так, 28 января 1915 года приказом по войскам 1-й армии № 476 «За отличия в делах против германцев» он награжден

орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом[79]. 19 мая последовало награждение орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами[80], а 28 мая — орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Последнюю из этих наград Бакич получил за уже упоминавшийся бой при деревне Слубице. В том же году «за отличия в делах против неприятеля», Бакич был награжден Георгиевским оружием[81]. Пожалование оружия, осуществленное еще 9 февраля 1915 года командующим 1-й армией за бои 3–5 ноября 1914 года[82], было в июне утверждено императором.

В период с января по апрель 1915 года Бакич участвовал в боевых действиях в районе польских деревень Гумин—Воля-Шидловская—Доловатки и на реке Равке[83]. Фольварк Воля-Шидловская, в районе которого воевал Бакич, имеет печальную репутацию в истории Первой мировой войны на Восточном фронте. 21 января 1915 года войска Макензена с целью демонстрации овладели этим населенным пунктом, после чего 22–23 января генерал Рузский, опасаясь падения Варшавы, бросил на борьбу за Волю-Шидловскую части одиннадцати дивизий. В ходе операции потери русских войск составили свыше 40 000 солдат и офицеров. Позднее из-за ошибок командования фронта в августовских лесах германцами был окружен и разгромлен XX армейский корпус. В феврале 1915 года VI Сибирский армейский корпус, в котором служил Бакич, был включен в состав 2-й армии. 14 марта 1915 года Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта вместо заболевшего генерала Рузского был назначен Генерального штаба генерал от инфантерии М.В. Алексеев. На фронте в этот период наступило затишье, продолжавшееся вплоть до конца мая.

По данным на весну 1915 года, Бакич, помимо основной должности, являлся еще и председателем комиссии по поверке полковых сумм и отчетности[84], что, на мой взгляд, свидетельствует как о большом доверии к нему, так и о его личной порядочности и требовательности.

29–31 мая 1915 года он еще раз сумел проявить себя как выдающийся по своим качествам офицер. 29 мая около 18 часов противник открыл сильный огонь по всему семиверстному участку, занимаемому полком. Огонь был настолько сильным, что на всем участке стояла сплошная дымовая завеса от разрывов снарядов, на расстоянии двух шагов было невозможно различить стоящего человека. По расчетам русской стороны одновременно вели огонь не менее 3–4 тяже-

лых и 8–10 полевых батарей противника. Под обстрел попали абсолютно все окопы, ходы сообщения и опорные пункты, занимаемые полком. Артобстрел длился в течение пятнадцати часов без перерыва. Часть окопов была разрушена и даже сровнена с землей, много стрелков оказалось засыпано и задавлено. Погиб один офицер, еще двое получили контузию[85]. Кроме того, в результате артподготовки были уничтожены жидкости, предназначенные против удушливых газов, что имело очень серьезные последствия уже на следующий день.

30 мая между 4 и 4.30 ночи немцы против участка полка выпустили хлор, нижние чины в окопах надели маски, после чего наши войска открыли ружейный и пулеметный огонь, так как стало ясно, что немцы собираются перейти в наступление. Маски пропускали газ, и каждые 15 минут их приходилось смачивать раствором соли, гипосульфита (Na_2SO_3S) или водой. В общей сложности немцы выпускали газ два или три раза. С 6 часов утра в штаб полка стали поступать донесения начальников участков с просьбами об оказании поддержки и о том, что все офицеры и стрелки отравлены и что газы очень ядовиты. В 7 утра командир первого батальона штабс-капитан Бакич донес, что вверенный ему батальон продолжает держаться на своем участке, и это несмотря на атаку противника и отравление свыше половины личного состава![86]

В этот день Бакич, как сообщалось в Высочайшем приказе и в постановлении Георгиевской думы, «будучи на позиции после того, как противником были выпущены удушливые газы и пострадали от них большинство офицеров и около половины нижних чинов, и когда на соседнем участке, вследствие натиска противника осадили и в этот прорыв ринулся противник, то, находясь под ураганным огнем легкой и тяжелой артиллерии противника, и под его ружейным и пулеметным огнем, мужественно и спокойно принял решительные меры для противодействия распространению немцев и тем приостановил их дальнейшее продвижение и выручил свои войска от грозившей им опасности охвата противником»[87]. За бои 29–31 мая 1915 года Бакич был награжден высшей боевой наградой, на какую мог претендовать обер-офицер, — орденом Св. Георгия 4-й степени. Награждение состоялось в конце лета 1916 года — через год с лишним после совершения подвига.

В ночь на 31 мая немцы на некоторых участках пытались атаковать, но были отбиты, весь следующий день велась артиллерийская

перестрелка, а в ночь с 3 на 4 июня полк отошел в армейский резерв. 29–30 мая в результате газовых атак и обстрела в 56-м Сибирском стрелковом полку выбыл из строя 21 офицер и 2922 стрелка, остались в строю 9 офицеров и 578 стрелков[88]. Как писал А.А. Керсновский, «14-я Сибирская дивизия погибла почти целиком»[89]. Сам Бакич с 4 по 12 июня лечился от последствий отравления при полковом околотке[90].

Тем не менее уже в конце июня он с подчиненным ему батальоном вновь принимает активное участие в боевых действиях. В частности, 27 июня он во главе 2-й и 4-й рот полка атаковал противника с целью восполнить разрыв между батальонами 53-го Сибирского стрелкового полка. Несмотря на сильный артиллерийский обстрел шрапнелями и гранатами, роты Бакича, пройдя открытое место, спустились в лощину и залегли, а затем сумели выполнить поставленную задачу и ликвидировали разрыв между своими войсками[91].

С 14 июня 1915 года Бакич, помимо командования первым батальоном полка, назначен временно наблюдающим за пулеметной командой и командой разведчиков[92]. Корпус, в котором он служил, в июне был передан в 4-ю армию. В июле–августе 1915 года капитан Бакич принимал участие в отступлении из Польши и тяжелых боях под Люблином, Парчевым, на реках Быстрица, Вепрь и Зельва[93]. Одновременно с боевой работой он занимался и привычными по прежней службе хозяйственными вопросами — в частности, в сентябре 1915 года был председателем комиссии для освидетельствования сапог[94]. Осенью 1915 — зимой 1916 года 56-й Сибирский стрелковый полк вел бои под Слонимом, Барановичами, Двинском, Ригой, по берегу Западной Двины — в составе полка в них участвовал и Бакич[95]. С октября 1915 года VI Сибирский армейский корпус вошел в состав 12-й армии Северного фронта под командованием генерала от инфантерии В.Н. Горбатовского. Боевые действия на фронте корпуса надолго приобрели позиционный характер.

Приказом по 14-й Сибирской стрелковой дивизии за № 48 от 24 февраля 1916 года «для уравнения штаб-офицеров дивизии по полкам, подполковник 56-го Сибирского стрелкового полка Бакич временно прикомандировывается к вверенному мне (командиру 53-го Сибирского стрелкового полка полковнику П.П. Шрамкову. — *А.Г.*) полку…»[96] 1 марта Бакич вместе с личным денщиком стрелком 2-й роты П. Стародубцевым прибыл к новому месту службы и 3 марта получил назначение на должность командира третьего батальона полка[97]. Вместе с

Бакичем в полку было пять штаб-офицеров (командир полка — полковник и четыре командира батальонов — подполковники)[98]. Уже 15 марта он назначен наблюдающим за командами пеших разведчиков и саперной, а также за службой и обучением гренадер, в том же месяце становится председателем полкового суда, причем первый же приговор, подписанный Бакичем по делу о самостреле, был смертным[99]. Высочайшим приказом от 23 апреля 1916 года подполковник А.С. Бакич был переведен в 53-й Сибирский стрелковый полк и окончательно исключен из списков 56-го полка[100]. 8 марта VI Сибирский армейский корпус был брошен в атаку на германские позиции у Куртенгофа и понес огромные потери, после чего 20 марта 1916 года генерал Горбатовский был снят с поста командующего 12-й армией, а командование принял Генерального штаба генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев.

Судя по полковым документам, на новом месте Бакич пользовался достаточно большим авторитетом у командира полка и подчиненных. За сравнительно короткий срок он стал фактически вторым человеком в полку. Совместно с полковым командиром полковником Шрамковым экзаменовал учебную команду, а с 8 по 26 апреля по распоряжению штаба 12-й армии в связи с отъездом Шрамкова в отпуск даже замещал его[101].

9 июля 1916 года войска VI Сибирского армейского корпуса перешли в наступление на Бауск, закончившееся неудачей — 3-я и 14-я Сибирские стрелковые дивизии за шесть дней боев потеряли около 15 000 человек. После этой неудачи предполагавшаяся ранее широкая наступательная операция всего Северного фронта была свернута. К сентябрю 1916 года Бакич по-прежнему командовал третьим батальоном, председательствовал в полковом суде и одновременно являлся заместителем командира полка[102]. Именно в этот период стало известно о награждении его орденом Св. Георгия 4-й степени[103].

Высочайшим приказом от 17 декабря 1916 года Бакич был произведен в полковники со старшинством с 14 декабря 1915 года[104]. Вскоре, 28 декабря, в бою у деревни Скудр-Огле он получил контузию, причем в приказе по полку отмечалось: «Общая контузия, выражавшаяся головокружением, рвотой, шаткой походкой, боли в пояснице и боль в левой половине головы и понижение слуха на левое ухо. Остался в строю, хотя нуждается в эвакуации»[105]. Несмотря на необходимость лечения и отдыха, Бакич продолжил службу и через месяц с небольшим после производства в полковники Высочайшим прика-

зом от 23 января 1917 года был назначен командиром 55-го Сибирского стрелкового полка[106], входившего в состав 14-й Сибирской стрелковой дивизии VI Сибирского армейского корпуса 12-й армии.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ

Фактически во временное командование 55-м Сибирским стрелковым полком Бакич вступил уже в первых числах января 1917 года при весьма драматических обстоятельствах. В ночь на 23 декабря по приказу командующего 12-й армией Генерального штаба генерала от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриева войска армии должны были без всякой артиллерийской подготовки перейти в наступление западнее Риги. Операция носила частный характер. Русским войскам противостояла 8-я германская армия. Район, выбранный для наступления, представлял собой лесисто-болотистую местность с песчаными дюнами, на которых были расположены сильные узлы сопротивления германцев. Эти опорные пункты состояли из блокгаузов, засек и завалов. Плохо замерзшие торфяные болота не позволяли оборудовать здесь траншеи, однако германцы создавали окопы из бревен, укладывавшихся на поверхность земли. Окопы были прикрыты тремя рядами колючей проволоки.

Подготовка операции велась в обстановке строгой секретности. Более того, германское командование было введено в заблуждение, поскольку русские имитировали переброску VI Сибирского армейского корпуса в Румынию. Между тем именно этот корпус в предстоящем наступлении должен был наносить главный удар в направлении на Митаву. «Темной ночью на 23 декабря, в 20-градусный мороз, сибирские стрелки без выстрела, сняв затворы с винтовок, ринулись на совершенно не ожидавшего их врага. Успех был полный: был смят 60-й армейский корпус 8-й германской армии, 106-я германская дивизия была совершенно разгромлена, потеряв свою артиллерию. Трофеями этого наскока было свыше 1000 пленных и 33 орудия (из коих 15 захватил особенно отличившийся 56-й Сибирский стрелковый полк полковника [П.П.] Шрамкова). Немцев переколото было без счета. Взято также 18 минометов и 40 пулеметов. В дальнейшем, однако, наступление захлебнулось. Штаб 12-й армии не сумел его организовать...»[107] 29 декабря наступление было прекращено. В результате Митавской операции русские войска выд-

винулись вперед на 2–5 верст, фронт сократился на 5 верст, при этом потери убитыми, ранеными и пленными достигали 23 000 человек.

Отсутствие в начале операции артподготовки, действовавшей на солдат ободряюще, стало поводом для мятежа в первом батальоне 17-го Сибирского стрелкового полка[108], к которому 23 декабря 1916 года присоединились нижние чины других частей, в том числе и группа стрелков 55-го Сибирского стрелкового полка, отказавшихся идти в наступление. Нижние чины полка даже угрожали своему командиру полковнику Попову штыками. К счастью для Попова, революционное «самосознание» только лишь начинало проникать в солдатскую массу и он не был поднят на штыки. Измена и героизм проявились практически одновременно. В этот же день в полку геройски погиб, не изменив присяге, поручик Василий Стариков, сумевший захватить немецкий пулемет, но убитый затем в штыковой. Посмертно он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени[109].

Командир полка проявил преступную мягкость и не наказал виновных в неподчинении, а на следующий день не отдал приказ о расстреле обнаруженного в полку агитатора[110]. Начальник 14-й Сибирской стрелковой дивизии докладывал командиру VI Сибирского армейского корпуса, что «в боях под Ригой 23 и 25 декабря стрелки некоторых рот 55-го Сибирского полка отказались идти в бой и на увещания офицеров грозили последним оружием; когда же роты, оставшиеся верными долгу, пошли в бой, то стрелки рот, вышедших из повиновения, бросились бежать в тыл. По моему приказанию в 15 1/2 часов 25 декабря 13 стрелков 5-й и 7-й рот расстреляны стрелками тех же рот в присутствии моем и представителей от всех рот и команд полков дивизии, находившихся на вверенном мне боевом участке. Порядок восстановлен. Расстрелянные уроженцы преимущественно Пермской, Томской, Владимирской и Петроградской губерний. Дознание производится. О сем происшествии донесено рапортами Его Императорскому Величеству, главнокомандующему северным фронтом и командарму 12-й армии»[111].

И хотя наступил уже 1917 год, но до революционных потрясений еще не дошло, поэтому меры по восстановлению дисциплины армейским командованием были приняты суровые. Растерявшийся Попов был отрешен от должности и отправлен в резерв чинов по служебному несоответствию. По законам военного времени неподчинение приказу карается расстрелом. 6 января 1917 года военно-

полевой суд приговорил 37 из 59 нижних чинов полка, обвинявшихся в неподчинении приказу, к смертной казни[112]. Уже на следующее утро в присутствии 14-й Сибирской стрелковой дивизии[113] приговор был приведен в исполнение. Всего за участие в мятеже было казнено 92 нижних чина II и VI Сибирских армейских корпусов[114]. В ночь на 7 января 55-й Сибирский стрелковый полк был отведен в дивизионный резерв, где простоял до 16 января. Для наведения порядка командиром полка был назначен решительный штаб-офицер, не останавливавшийся перед самыми жесткими мерами — полковник А.С. Бакич. 19 января были расстреляны еще два стрелка[115]. Своими действиями Бакич сумел привести сибирских стрелков в должный вид. Во всяком случае, он тщательно проверял работу своих подчиненных и стремился личным примером воодушевлять их. В частности, 3 марта 1917 года, ночью Бакич лично вместе с командиром 3-й мортирной батареи ходил в разведку для выяснения расположения германских окопов — поступок, мягко говоря, неординарный для командира полка[116].

На следующий день в полку узнали об отречении Николая II от престола, через день пришло известие и об отречении Михаила Александровича. 11 марта полк был приведен к присяге Временному правительству, а 26 марта отошел в корпусной резерв в Цененгоф, где в начале апреля и произошли те позорные и трагические для русской армии события, через которые, так или иначе, прошли все части весной 1917 года.

Бакич находился в это время в Риге, в штабе армии. 9 апреля с утра в полку занятия не велись. По записи в журнале военных действий полка, «в 13 час[ов] 15 мин[ут] получена Телефонограмма из 56 Сибирского стрелкового полка с предупреждением об имеющейся быть манифестации, программа которой была следующая: 56 полк с музыкой и знаменами должен был проследовать в расположении (так в тексте. — *А.Г.*) 55 полка и совместно под звуки Марсельезы должны были отправиться к 54 полку, где предполагался общий митинг. Ввиду того, что ротам несвоевременно было объявлено об имеющейся быть манифестации, таковые не успели должным образом встретить товарищей манифестантов, которые в полном строевом порядке со знаменами и музыкой во главе с Командиром полка подошли к штабу полка, музыка все время играла Марсельезу. Стрелки вместо того, чтобы стройными рядами присоединиться к манифестантам — стали собираться отдельными группами, причем выска-

зывалось сильное неудовольствие по поводу того, что им своевременно не было сообщено об имеющемся быть торжестве. Возмущались также отсутствием офицеров и К[оманди]-ра полка, который в данное время находится в Риге, после нескольких речей товарищей стали раздаваться крики долой Командира полка, арестовать всех офицеров, пусть Полковник Бакич остается в Риге, просят удаления Бакича и назначения на его[117] место Полковника Попова...»[118] Естественно, разлагавшихся солдат больше устраивал старый безвольный и попустительствовавший беспорядкам командир, чем жесткая рука, как можно было бы охарактеризовать Бакича.

После этих выкриков часть стрелков проследовала в расположение 54-го Сибирского стрелкового полка, где под лозунгами борьбы за свободу, поддержки Временного правительства и войны до победного конца прошел митинг. После митинга нижние чины вернулись в расположение части, озлобленные против некоторых офицеров, и в первую очередь против командира полка полковника Бакича. Как раз на следующий день он вернулся из Риги. Уже с утра стрелки стали собираться группами и обсуждать вопрос об удалении командира полка, а также его заместителя и одновременно командующего третьим батальоном штабс-капитана Кравцова (боевого офицера, кавалера нескольких орденов[119]) и прапорщика Шабуневича из части «как нежелательных офицеров в полку за их прежнюю деятельность»[120].

В половине одиннадцатого утра весь полк собрался в одну группу и замитинговал. Одна за другой произносились речи, обличавшие полковника Бакича и других офицеров в непозволительных действиях — рукоприкладстве, ругани и т.д. Речи ораторов то и дело прерывались выкриками: «Долой Бакича!», «Долой Кравцова и Шабуневича!». На митинге присутствовал и сам Бакич, пытавшийся опровергнуть обвинения, но говорить ему не давали. Постановлено было Бакичу, Кравцову и Шабуневичу предложить покинуть полк, о чем была вынесена резолюция[121]. 11 апреля все три офицера уехали в Ригу, чтобы больше в полк не возвращаться. Как один из руководителей недавнего усмирения Бакич оставил полк после первого же столкновения с проявлениями революционного «сознания» нижних чинов. Возможно, на его решение повлияла обстановка митинга, или, быть может, он вспомнил о кровавых расправах 3–4 марта в Гельсингфорсе и Кронштадте над офицерами Балтийского флота, в ходе которых было истреблено несколько сотен офицеров.

Так или иначе, но в день отъезда Бакича и его сослуживцев в полку опять прошел митинг, на следующий день в гости к стрелкам приехали кронштадтские матросы и представители Совета солдатских депутатов, которых в полку радушно встречали. 15 апреля полковой комитет постановил привести в порядок могилы стрелков, расстрелянных за отказ идти в наступление 23 декабря 1916 года и отслужить по ним панихиду. Панихида состоялась 17 апреля[122]. Для сохранения уже давно утраченной чести полкового мундира, офицеров, вынужденных покинуть полк по решению разбушевавшейся солдатни, объявили заболевшими, а позднее убывшими в отпуска[123]. Бакич приказом по полку № 121 от 30 апреля 1917 года был отчислен от занимаемой должности с назначением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа[124].

По некоторым данным, позднее он получил назначение на должность командира 545-го пехотного Ахтырского полка[125], действовавшего на Северном фронте в составе 137-й пехотной дивизии XV и XXXVII армейских корпусов[126]. Однако в документах полка, сохранившихся только до начала осени 1917 года, Бакич не упоминается[127], поэтому документального подтверждения его назначения командиром этой части обнаружить не удалось; в любом случае назначение Бакича могло состояться не ранее сентября 1917 года. В феврале 1918 года он вышел в отставку и при содействии сербской миссии получил визу для возвращения на родину.

ГЕРОЙ СЫЗРАНИ

Период жизни и деятельности Бакича во второй половине 1917 — первой половине 1918 года — одна из наиболее загадочных страниц биографии генерала. Все источники сходятся в том, что, демобилизовавшись весной 1918 года, полковник Бакич перебрался в Самару, где после свержения красных летом 1918 года начал восстанавливаться Восточный фронт против большевиков и австро-германцев. По некоторым данным, при красных Бакич даже являлся начальником самарского гарнизона, а в июне 1918 года вступил в подпольную офицерскую организацию[128]. На мой взгляд, эта версия представляется довольно спорной. Дело в том, что уже 8 июня власть в Самаре при содействии частей восставшего против большевиков Чехословацкого корпуса перешла к эсеровскому Комитету членов Всерос-

сийского учредительного собрания (Комучу), так что большую часть июня, после освобождения города от красных, самарские офицерские организации могли действовать совершенно легально. Кроме того, члены подпольных офицерских организаций Самары сразу после свержения большевиков получили должности в создававшейся Народной армии, в то время как Бакич еще месяц с лишним никакой должности в новой армии не занимал. Согласно другой версии, предлагаемой В.К. Шалагиновым, имевшим еще в начале 1970-х годов доступ к следственному делу генерала, Бакич уехал в Самару действительно с целью возвратиться в Сербию, но, оказавшись в Поволжье, занялся коммерцией, а позднее решил остаться в России[129]. Также существует версия, по которой Бакич являлся членом партии социалистов-революционеров, что объясняет его появление в Самаре в этот период[130]. Однако документально эта версия никак не подтверждается и, по всей видимости, ее авторство принадлежит Е.М. Ярославскому (М.И. Губельману), который, выступая в мае 1922 года на судебном процессе по делу Бакича в качестве общественного обвинителя, старался любым способом связать деятельность генерала с работой эсеров[131].

Как бы то ни было, вскоре после установления в Самаре власти Комуча, 2 (15) июля 1918 года, приказом войскам Народной армии № 17 полковник Бакич получил назначение на должность начальника частей Народной армии Сызранского района[132], прикрывавших Самару со стороны Пензы и Инзы. С 24 июля он вступил в командование только что сформированной 2-й стрелковой Сызранской дивизией Народной армии. Временно исполняющим должность начальника штаба дивизии с 28 июля стал тридцатитрехлетний кадровый офицер русской армии Генерального штаба штабс-капитан И.М. Финицкий. Примерно через пять месяцев, 21 декабря 1918 года, Бакич, характеризуя своего ближайшего помощника, отметит: «Почти с первых дней борьбы с большевиками в Сызранском районе штабс-капитан Финицкий принимал горячее участие в работе по созданию здесь первых частей народной армии, которые образовали впоследствии 2 стрелковую Сызранскую дивизию. Состоя на должности начальника штаба Сызранского района, с 22 июля одновременно и начальником штаба 2-й стрелковой дивизии, вложил много труда по организации самого штаба, исполняя в то же время большую оперативную работу по ведению обороны Сызранского района. Как офицер Генерального штаба вполне на своем месте, хорошо разбирается

в боевой обстановке и обладает разумной инициативой. Как начальник штаба сумел подобрать хороший состав, что очень хорошо отразилось на продуктивности работы штаба»[133].

Народная армия формировалась, под полным контролем со стороны партии социалистов-революционеров, первоначально на добровольческой основе, а с начала июля — по призыву. Впрочем, мобилизованные были крайне ненадежным элементом. В общей сложности к середине августа 1918 года были сформированы три стрелковых дивизии и одна бригада, к концу августа число дивизий удвоилось, достигнув шести[134]. Бойцы Народной армии не носили погон, воевали под красным флагом. По одной из оценок, «части народной армии не надежны ни в боевом отношении, ни как опора власти. Замечается массовое дезертирство, чему способствует территориальная и национальная система пополнения: уходят по домам целыми деревнями. Блестящим исключением являются добровольческие части да казаки. Только они являются достойными соратниками чехословаков и их доблести Россия обязана освобождением Симбирска и Казани»[135].

История Сызранской дивизии берет свое начало 21 июня 1918 года, когда капитан Дымша сформировал 1-й добровольческий батальон, переименованный позднее в 5-й Сызранский стрелковый полк. Позднее сформировались еще три стрелковых полка дивизии под командованием полковников Соловьева и Я.М. Розенбаума и капитана Суслова. Районами комплектования Сызранской дивизии были Сызрань и Хвалынск. Состав дивизии по меркам Гражданской войны был довольно внушительным, особенно впечатляет количество артиллерийских и технических частей. В дивизию входили: 5-й и 6-й Сызранские (ранее — 1-й Сызранский добровольческий и 1-й Сызранский регулярный полки), 7-й Хвалынский и 8-й Вольский стрелковые полки, 2-й Сызранский кавалерийский полк (ранее — Сызранский конный отряд), Кузнецкий добровольческий батальон, Сызранский партизанский отряд, отряд защиты учредительного собрания, 2-я стрелковая артиллерийская бригада в составе двух стрелковых артдивизионов (4 батареи), 2-й полевой тяжелый артдивизион[136], 12-й полевой тяжелый артдивизион, Сызранская инженерная рота, взвод прожекторов, радиостанция, автомобильная рота и взвод 3-го авиаотряда[137]. 10 июля под Сызранью будущие подчиненные Бакича совместно с чехословаками нанесли поражение Пензенской пехотной дивизии красных под командованием Я.П. Гайлита и овладели городом[138].

Следует отметить, что сызранское направление прикрывало стратегически важные железные дороги Кузнецк—Сызрань и Инза— Сызрань, ведшие в центр Советской России. Войска Бакича составляли Центральную группу войск Народной армии, севернее действовал полковник А.П. Степанов, южнее — Генерального штаба подполковник Ф.Е. Махин. Приказом Главного штаба Народной армии № 19 от 21 июля 1918 года Махин был подчинен Бакичу[139]. Общая численность их войск составляла 6,5 тысячи штыков, 3,3 тысячи сабель, 150 пулеметов и 35–40 орудий[140]. По другим данным, в подчинении Бакича на сызранском направлении к началу сентября 1918 года имелось около 3,5 тысячи штыков, 1,5 тысячи сабель, до 60 пулеметов и до 30 орудий[141]. Совместно с Бакичем на сызранском направлении действовали и чехословаки во главе с командиром 9-го чехословацкого полка полковником Петржиком[142]. Однако отношения с чехами складывались непросто. Бакич, по одной из характеристик, «самолюбивый, властный, знающий себе цену… на Волге он один из всех начальников добровольческих отрядов не терпел чехов, считая их штатскими… Когда отходили от Волги, он самовольно в Кинеле отделился и пошел на Оренбург, лишь бы не быть с чехами…»[143].

Официально с 29 августа 1918 года полковник Петржик состоял в должности начальника боевой группы войск Сызранского фронта, так что соотношение полномочий его и Бакича не вполне понятно. Сразу по вступлении в должность Петржик заявил о себе как о жестком начальнике — уже во втором своем приказе он требовал «объявить всем частям, находящимся под моим командованием, что каждая попытка неисполнения приказа, самовольная отлучка с позиций или вообще из частей вверенных мне групп Сызранского фронта будут наказываться мною по всем строгостям военного времени вплоть до расстрела на месте (здесь и далее подчеркнуто в тексте. — *А.Г.*). Все виновные будут предаваться нашим чешским полевым судам»[144].

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что в частях Бакича, сформированных в Среднем Поволжье, служили в основном крестьяне и мещане Самарской и Саратовской губерний[145]. Части комплектовались как добровольцами, так и мобилизованными. В Сызранском уезде Симбирской губернии мобилизация в среднем дала около 54% из общего числа призванных, при том что район Сызрани дал фронту не менее 89% призывников[146]. Следует отметить, что летом 1918 года в дивизию А.С. Бакича поступило много доброволь-

цев, в основном молодежи и даже детей. В частности, по примеру двух старших братьев (21 и 17 лет), рядовым в 5-й Сызранский стрелковый полк в конце июля 1918 года поступил происходивший из поволжских немцев 15-летний гимназист из Кузнецка А.Ф. Гергенредер — отец современного писателя И.А. Гергенредера[147]. Добавим, что во 2-й стрелковой дивизии исключительно из жителей Кузнецка был сформирован отдельный добровольческий батальон в составе 5 рот (в том числе одной офицерской) общей численностью 350 добровольцев при 4 пулеметах и 2 легких орудиях[148].

К началу июля 1918 года общая численность войск действовавшей в дальнейшем против Бакича 1-й советской армии под командованием М.Н. Тухачевского составляла 5420 штыков, 122 сабли, 143 пулемета, 13 орудий, 5 бронеавтомобилей и бронепоезд, из этого состава на сызранском направлении имелось 920 штыков, 70 сабель, 30 пулеметов и 3 орудия[149]. В приказе по армии № 5, изданном еще в июне 1918 года, провозглашались цели борьбы РККА с белыми: «Революционная армия России борется на многих фронтах за свободу и благо всего человечества, за равные права пролетариата. Она как ураган врывается и уничтожает те железные оковы, которые так крепко нацеплены буржуазией. Наша идея захватить все страны мира, ибо она дает возможность существовать бедняку и это-то заставляет буржуазию так свирепо бороться за свое придуманное право»[150].

В июле 1-я армия, как, впрочем, и весь Восточный фронт красных, еще находились в стадии организации, в них были широко распространены партизанщина и дух вольницы, так что командарм 1 едва ли мог контролировать действия своих подчиненных. Об этом свидетельствует телеграмма Главнокомандующего Восточным фронтом И.И. Вацетиса Тухачевскому от 22 июля: «Вы все просите о подкреплениях, а между тем у Вас бездействуют группа на Пензенской дороге и группа на направлении Инза—Симбирск. Заставьте их работать, наступать...»[151] К этому же периоду относится самовольное оставление фронта 4-м Латышским стрелковым полком 1-й армии[152]. Вплоть до осени 1918 года в армии были широко распространены алкоголизм и наркомания (употребление кокаина), с чем командование начало нещадно бороться посредством полевого трибунала[153]. Как позднее писал сам Тухачевский, «до правильной организации (армии. — *А.Г.*) было еще далеко»[154]. Другая телеграмма Вацетиса, от 26 июля, не менее красноречива: «В тылу армии болтаются отряды, не зафиксированные ни при одной армии. Такие отря-

ды нетерпимы...»[155] В этот период войска формировавшейся Народной армии еще имели если не численный, то, по крайней мере, организационный и моральный перевес над противником.

Командование Народной армии в июле 1918 года предполагало превратить самарское предмостье — Сызрань, имевшую важное стратегическое значение, в своего рода белый Верден путем постройки Сызранской оборонительной линии. В фонде инженера Сызранского района Народной армии в Российском государственном военном архиве сохранился до сих пор неизвестный полуфантастический план создания этого укрепрайона. В проекте, разработанном этим инженером и датированном 29 июля 1918 года, сообщалось, что «предполагаемая оборонительная линия у города Сызрани... для упорной обороны по топографическим условиям местности, в связи с тактическими соображениями, вполне может быть укреплена постройкой позиции, состоящей из двух укрепленных полос, удаленных одна от другой на расстояние около 7–8 верст, причем каждая из полос может иметь глубину до 1 версты... Пересеченность местности и изобилие оврагов, тальвегов и отдельных высот, вполне позволяют основать оборону на пулеметном перекрестном огне, с возведением фланкирующих построек, как огневой преграды, искусственных препятствий и разного рода закрытий от неприятельского огня. Эта первая полоса, имея протяжением по фронту 50 верст, может быть занята при возведении батальонных групп, при их широком расположении, с промежутками между группами от 500–600 шагов, 32-мя батальонами...»[156] Всего предполагалось возведение двух полос обороны, траверсной позиции и 22-верстной оборонительной линии на 15 батальонов у Александровского моста через Волгу. В общей сложности по этому плану намечено было соорудить 230 верст окопов полного профиля, 405 верст ходов сообщения, 345 верст проволочных заграждений, 90 верст козырьков и бойниц, 2300 подбрустверных блиндажей, 1150 тяжелых блиндажей (на 40 человек каждый), 2300 пулеметных и наблюдательных гнезд. Работу предполагалось произвести в течение восьми недель силами 46 тысяч рабочих[157]. Для сравнения, знаменитый Каховский плацдарм, достаточно сильно укрепленный красными летом–осенью 1920 года, имел общую протяженность трех линий обороны в 82 версты, причем оборонительные сооружения на плацдарме были построены лишь частично[158]. Очевидно, что летом 1918 года под Сызранью при отсутствии денег, транспорта, достаточного количества материалов и рабочей силы и в

условиях успешного наступления Народной армии к Москве этот малореальный план не мог быть претворен в жизнь. Это признавал даже сам автор проекта![159] Вместе с тем какие-то инженерные работы в районе Сызрани все же были проведены. В частности, были укреплены стратегически важные для прикрытия Александровского моста высоты у селения Батраки[160].

На деятельность А.С. Бакича в этот период, несмотря на значительную предвзятость некоторых оценок, в какой-то мере проливают свет неопубликованные воспоминания знавшего его по службе в Народной армии начальника полевого штаба Поволжского фронта (с 15 августа 1918 года) Генерального штаба генерал-майора С.А. Щепихина: «Серб, Георгиевский кавалер, строевой кадровый офицер Императорской Армии. Русского воспитания и культуры. От серба — вспыльчивость, решительность, запальчивость. Природный воин: гордый, само- и честолюбивый. Вопреки «Комучу» (и даже Военному Министру Галкину[161]) получил в Самаре в командование горсточку добровольцев. Выдвинулся с ними на фронт в Сызрань и здесь значительно пополнил свои ряды добровольцами. Очень разборчиво относился к последним и «естественный подбор» им изучен и применен до тонкостей, тщательно. Фронт у него был ответственный (грудью защищать Самару и мосты через Волгу), но мало выигрышный: противник на этом, кратчайшем к Москве пути, конечно, держал все лучшее и многочисленное. Я сказал бы, что Бакич, по крайней мере в первые недели самарского добровольчества, был один из немногих, дававших себе отчет в том, что такое творится вокруг и где зарыта собака грядущего благополучия. Он единственный из начальников участков фронта ревниво оберегает свои части от притока инородного элемента, особенно же от пленных красногвардейцев. Бакич импонирует и своим видом, и своей манерой, повадкой, и, безусловно, своим Георгием. Чуждый политике, это солдат всей душой! Незамысловаты его тактические и стратегические комбинации, но его способностей и практической сметки вполне достаточно по тому масштабу, который приложим в гражданской войне. Зато Бакич обладал в совершенстве даром проникать в психологию рядового бойца, и они смело, безропотно и с полным доверием идут за своим вождем. Гражданская война, особенно первого периода, отличалась упрощенными способами действий. Кроме того, несмотря на громкие наименования — фронт, армия, корпус, — в сущности говоря, состав частей никогда не отвечал громкому наименованию, и Бакич, так же как

и другие начальники добровольческих частей, в действительности руководили частями, численностью не превосходящими батальон, много полк военного состава. Это обстоятельство и упрощало управление, а вместе с тем начальники всегда были на высоте ставимых (так в тексте. — *А.Г.*) им задач. Полковник Бакич по своей природе и воспитанию очень дисциплинирован. Я его только два раза видел в состоянии перелома, когда вот-вот эта образцово-дисциплинированная натура могла сорваться с нервов. Первый случай, — его столкновение с безответственным гастролером из «Комуча» эсером Владимиром Ивановичем Лебедевым. «Прорвавшись» из Москвы на Волгу, Лебедев в Самаре почувствовал себя как рыба в воде. Его энергия не находила долго применения — все гражданские посты «Комуча» были уже расхватаны, моря не было (Лебедев — морской министр Керенского[162]), но Лебедев мнил себя Наполеоном. И вот, пользуясь своим значением, он совершает выезды, вылеты на фронт. О своих подвигах Лебедев достаточно откровенно уже рассказывал, но с Бакичем встречу замолчал. Когда очередь (быть может, это был первый самый вылет) дошла до Сызранского участка, Лебедев появился в Сызрани и решил немедленно формировать милиционные части из местного элемента. После пятидневного (?!) обучения эта воинская часть, в образе толпы, маршировала, парадировала мимо «министра», а затем бежала (разбежалась) от первого выстрела. Тогда Лебедев решил, для устойчивости, пристроить свой сброд к прочным, спаянным частям п[олковника] Бакича. Естественно, было от чего возмутиться, и Бакич, оставив Сызрань, примчался ко мне в Самару с докладом о безобразиях, творимых Лебедевым. Он в весьма резких тонах охарактеризовал разрушающую деятельность Лебедева, позволявшего себе митингово-истерически (так в тексте. — *А.Г.*) выкрикивать антибуржуазные лозунги. Это не могло нравиться кадрам Бакича, составленным и буржуазией, и учащейся молодежью[163] Поволжья. Добровольцы так возмутились демагогией Лебедева, что стоило большого труда Бакичу их удержать от расправы. Бакич весь дрожал, когда об этом рассказывал. И мне пришлось, несмотря на все мое уважение к «Комучу», испросить помимо последнего[164], распоряжение Командующего войсками Волжского фронта п[олковника] Чечека об отозвании (удалении) Лебедева. Это было ультимативное требование Бакича. Обстановка была такова, что нам приходилось предпочитать военных начальников перед министрами, — последних в Самаре было перепроизводство, а настоящих военных

был некомплект. Не избалованный, еще не отравленный быстрой карьерой, столь присущей гражданской войне, Бакич не брезговал никакой работой и при колеблющейся численности его Сызранцев легко, беззаботно переходил от роли к[оманди]ра роты к роли командира батальона, полка и обратно. Единственно, что требовалось для соблюдения этикета гражданской войны, это никогда не расформировывать часть и, не взирая на переменчивую кривую боевого состава (численность) Сызранцев, именовать все, что удавалось сорганизовать Бакичу, отрядом. Отряд обнимает собой и роту, и батальон, и полк, даже хотя б до корпуса. Отряд это, правда, указатель на импровизацию и звучит достаточно гордо для его начальника. Скажете — слабость! Но эта слабость — положительное качество военного — честолюбие, и на нем надо было играть»[165]. Сложные взаимоотношения Бакича и других офицеров с представителями самарского правительства достаточно емко, на мой взгляд, выразил управляющий ведомством внутренних дел Комуча, видный деятель эсеровской партии П.Д. Климушкин, который писал, что «между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению»[166].

В августе 1-я советская армия значительно усилилась. Ее общая численность к 16 августа равнялась 8110 штыкам, 491 сабле, 236 пулеметам и 47 орудиям, причем Пензенская и Инзенская дивизии, противостоявшие Бакичу, насчитывали в своих рядах 3410 штыков, 159 сабель, 53 пулемета и 14 орудий[167]. Дивизия Бакича в этот период продолжала вести боевые действия северо-западнее Сызрани на реке Свияге. Однако бои на этом фронте, по свидетельству одного из участников, не отличались особой напряженностью[168] и шли с переменным успехом.

29 июля 1918 года Восточный фронт постановлением ЦК РКП(б) был объявлен главным фронтом Советской России[169]. Уже в августе 1918 года здесь наметился перелом в пользу красных. Оценка обстановки тех дней большевиками достаточно ярко выражена в очерке Л.М. Рейснер «Свияжск»: «Все (читай — большевики. — *А.Г.*) понимали положение так: еще шаг назад откроет «им» Волгу до Нижнего и путь на Москву, дальнейшее отступление — это начало конца, смертный приговор Республике Советов. Было ли это верно со стратегической точки зрения — я не знаю. Может быть, армия, откатившись еще дальше, собралась бы в такой же кулак на одной из бесчислен-

ных точек, испещряющих карту, и оттуда понесла бы к победе свои знамена, — но морально это было правильно. И поскольку отступление от Волги означало тогда полное крушение, — постольку же возможность держаться, устоять, прислонившись спиной к мосту и отбиваясь на все стороны, — давала право на реальную надежду»[170].

В начале августа красные предприняли попытку наступления на кузнецком направлении. 11 августа они заняли станцию Канадей в 60 верстах к западу от Сызрани, однако бо́льших результатов добиться не смогли. На инзенском направлении 17 августа части белых перешли в наступление. 17 августа была занята Русская Темрязань, 18 — Измайловский Выселок, 19 — Хананеево, Поливаново, Попова-Мельница. Инзенская дивизия красных была отброшена за реку Барыш. На кузнецком направлении частям Бакича продвинуться не удалось. В дальнейшем борьба за Сызрань фактически свелась к упорной борьбе красных и белых на дальних подступах к городу — в районе станции Канадей на кузнецком и Кузоватово на инзенском направлении. Для овладения Сызранью красным необходимо было захватить Симбирск, нависавший над их флангом. 12 сентября в 12 часов 30 минут Симбирск был взят красными. Тогда же был отдан приказ об овладении Сызранью[171]. Правый фланг Поволжского фронта Народной армии был разгромлен.

К 8 сентября Пензенская дивизия красных под командованием А.И. Воздвиженского имела 2284 штыка, 46 сабель, 51 пулемет, 8 орудий и блиндированный поезд. В Инзенской дивизии Я.Я. Лациса имелось 1837 штыков, 100 сабель, 55 пулеметов, 10 орудий. Симбирская дивизия Г.Д. Гая насчитывала 5191 штык, 283 сабли, 117 пулеметов, 21 орудие. Помимо этих сил для участия в Сызранской операции из 4-й армии была выделена Вольская дивизия Гаврилова (2350 штыков, 300 сабель, 40 пулеметов, 12 орудий)[172]. Для осуществления операции было образовано две группы войск: левофланговая Северная группа (Симбирская дивизия) под командованием Гая и правофланговая «Группа южных дивизий» (Вольская, Пензенская, Инзенская дивизии) под командованием Энгельгардта, со штабами в Симбирске и Кузнецке соответственно. К 23 сентября численность Северной группы достигла 6671 штыка, 263 сабель, 125 пулеметов, 31 орудия; в составе «Группы южных дивизий» было 6650 штыков, 446 сабель, 130 пулеметов, 28 орудий, 6 самолетов. Наступающим дивизиям были приданы Балаковский отряд С.Д. Шкарбанова (1334 штыка, 180 сабель, 8 пулеметов, 4 легких и 2 тяжелых орудия) и Волжская

военная флотилия (операции содействовало 6 вооруженных пароходов и 4 катера-истребителя)[173]. Общая численность красных, перешедших в наступление против Сызрани, составляла не менее 14 655 штыков, 889 сабель, 263 пулеметов, 63 легких и 2 тяжелых орудий, 6 самолетов, 6 пароходов, 4 катеров. Эти силы значительно превышали общую численность войск Народной армии в Сызранском районе, что в условиях маневренной, а не позиционной Гражданской войны практически предопределяло успех операции.

Судя по всему, в ходе Сызрань-Самарской операции красные планировали окружить и уничтожить в районе Сызрань — Самара практически все части Народной армии, пытаясь применить, благодаря огромному превосходству сил над противником, знаменитый охватывающий каннский маневр. По свидетельству Г.Д. Гая, в ходе операции намечалось «полное окружение и разгром белых»[174]. В направлении Сызрань — Самара наступала группа Энгельгардта, войскам Гая, которые, по утверждению Тухачевского, должны были нанести главный удар[175], поручалось, выдвигаясь с севера, отрезать пути отступления белым. Красное командование первоначально надеялось уничтожить войска Бакича, не дав им даже возможности переправиться на левый берег Волги[176]. Однако осуществить этот план им не удалось.

События развивались следующим образом. 14 сентября 1918 года войска 1-й и 4-й армий Восточного фронта под командованием М.Н. Тухачевского и Т.С. Хвесина повели одновременное наступление от Инзы, Пензы и Николаевска на Сызрань и далее на Самару. Связи между наступавшими дивизиями почти не было. Однако участь Сызрани была практически предрешена после того, как красные овладели Вольском (12.09) и Хвалынском (17.09 и вторично 29.09). К 20 сентября Сызрань была окружена.

Части Народной армии в течение второй половины сентября упорно оборонялись и даже сами наносили чувствительные удары противнику, организовывали рейды по тылам красных, высаживали десанты. В результате одного из рейдов белых в 1-м Поволжском полку было захвачено 7 орудий, пулеметы, началась паника. В ходе боев 26–27 сентября в крайне тяжелом положении оказался правый фланг Инзенской дивизии, дивизия начала отступать. «Противник, — по словам М.Н. Тухачевского, — оказывал жестокое сопротивление этой группе (Энгельгардта. — *А.Г.*). Наши части шаг за шагом, с упорными боями, медленно продвигались вперед»[177]. 29 сентября силь-

ный удар белые нанесли по Вольской дивизии, которая в деморализованном состоянии была вынуждена начать отход на Хвалынск. Держалась лишь Пензенская дивизия. Командование «Группы южных дивизий» просило помощи.

Конец сентября, по свидетельству красной стороны, характеризовался постоянными контратаками Народной армии[178]. Лишь в начале октября, когда белым стало известно об обходном движении Симбирской дивизии Гая на Ставрополь[179] и о ее переправе на левый берег Волги, в связи с угрозой потери железной дороги Сызрань — Самара и полного окружения и уничтожения Народной армии на правобережье Волги, части последней все же были вынуждены начать эвакуацию Сызрани и отход к Самаре. На Сызрань из-под Хвалынска отходили и войска Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина[180]. Боя за овладение Сызранью, а тем более штурма города, вопреки утверждениям отдельных авторов[181], не было, так как войска Народной армии оставили город заблаговременно (по данным красных, за сутки до занятия ими города)[182]. Сызрань была занята частями Гая к 12 часам 3 октября. В городе красные захватили 3 бронепоезда, 80 пулеметов и 30 орудий[183]. Дорога на Самару оказалась почти открытой.

Почти — потому что красным не только не удалось окружить и уничтожить под Сызранью части Народной армии, действовавшие на правом берегу Волги, но даже, несмотря на ожесточенные бои на предмостных позициях, не удалось захватить мосты через Волгу. При отступлении от Сызрани белые в ночь на 4 октября на Александровском железнодорожном мосту произвели крушение поезда и подорвали две фермы моста у левого берега, чем вплоть до конца марта 1919 года, когда движение по мосту было восстановлено, сильно осложнили снабжение советского Восточного фронта[184]. Обстоятельства подрыва моста в разных источниках изложены по-разному. Тем не менее с уверенностью можно сказать, что мост был взорван после того, как основные силы Народной армии и Чехословацкого корпуса переправились на левый берег Волги. В официальной истории чехословацкого движения в России, основной задачей авторов которой было оправдать, насколько это возможно, любые действия чехословаков в рассматриваемый период, отмечено, что при отступлении к мосту 3 октября «по вине струсивших солдат Народной армии» погиб башкирский батальон, причем авторы указывают, что «в Волге погибло много башкир, молодых и неопытных, но хороших

бойцов»[185]. Факт гибели башкир находит подтверждение в источниках[186], однако обнаружить оперативные документы, подтверждающие или опровергающие ту трактовку событий у моста, которую предлагают чешские авторы, не удалось. Что характерно, в своем довольно объемном труде они ни разу не упоминают имя полковника Бакича, сражавшегося бок о бок с легионерами в течение нескольких месяцев.

Оставив Сызрань, части Народной армии в деморализованном состоянии отходили по линии железной дороги на Самару. Активная оборона столицы Комуча была 5 октября, несмотря на ранение, полученное незадолго до этого, возложена на члена партии социалистов-революционеров, Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина, назначенного командующим всеми русскими частями, действовавшими в Самаро-Сызранском районе и фактически возглавившего Поволжский фронт[187]. Подчинявшийся до сих пор лишь штабу Народной армии независимый Бакич был переведен под начало своего прежнего сослуживца и, более того, подчиненного по борьбе на правобережье Волги, что не могло быть воспринято Бакичем позитивно.

Вскоре после ухода в Заволжье, 5 октября 1918 года, Бакич телеграфировал по инстанции: «К утру сегодня 5 октября части Сызранской группы удерживаются на фронте Купина [–] Глушица (Тамылов), всего из войск группы удалось собрать незначительную их часть всего в составе около 500 штыков. Остальные несмотря на все принятые меры проникли в тыл как пешим порядком, так и главным образом на проходящих поездах, которые останавливать для снятия с них солдат, ввиду спешной необходимости в отправке эшелонов за Самару совершенно не представляется возможным. Собранные люди главным образом из числа оставленных для прикрытия следования эшелонов от моста после их перехода на левый берег шли в арьергарде и выдержали бой вчера, 4 октября к югу от станции Майтуга [–] Безенчук. Ввиду недостатка конского состава большинство обозов было погружено на железную дорогу и вследствие забитости станции и необходимости в спешном продвижении поездов выгружать что-либо на станциях до Самары, дабы не останавливать всего движения, нельзя. Вследствие продолжительных боев на предмостных позициях и затем тяжелой обстановки на левом берегу собранные части совершенно выбились из сил и, кроме того, остаются без правильного питания, так как обозы и кухни надолго отделились от ча-

стей. Докладывая об изложенном, в развитие разговоров по прямому проводу для доклада Вам считаю необходимым дабы хоть сколько-нибудь придать войскам боеспособность, сосредоточение их вне боевой обстановки. При настоящих условиях и настоящем состоянии частей они к бою не пригодны и стоят на позиции, потому что пока нет натиска противника. Изложенное касается [в] одинаковой степени Народной армии и чеховойск. 5 октября. НР 011, Начдив 2 стр[елковой] полковник Бакич»[188]. Бывшие войска Народной армии Сызранского района срочно нуждались в отдыхе и переформировании, временно перестав существовать как боевая сила.

НА ОРЕНБУРГСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

7 октября пала Самара, самарский мост, как и Александровский, был разрушен при отступлении[189]. Войска отходили к станции Кинель, за которой железная дорога разделялась в направлении на Уфу и на Оренбург. Основная масса армии двигалась на Уфу, Бакич же, по утверждению генерала С.А. Щепихина, самовольно повернул на Оренбург. Об этом его поступке Щепихин писал: «Что привело Бакича ко второму антидисциплинарному поступку, для меня до сих пор еще не ясно. Когда эвакуировалась Самара, Бакич со своими Сызранцами и Вольцами отходил вдоль железной дороги до ст[анции] Кинель. Когда же от этой станции надо было сворачивать на Уфу, Бакич продолжил идти на восток к Оренбургу. Мой распределитель (офицер на заставе при ст. Кинель) сейчас же мне сообщил, что Бакич решил идти прямо, невзирая на то, что ему было вручено распоряжение о маршруте на Уфу. Чтобы избавить в будущем от нареканий этого честного вояку, я ему послал вдогонку распоряжение, санкционирующее его самоволие. Но почему все-таки он так поступил: или на него повлияла та сутолока и кажущаяся неразбериха на узловой станции Кинель, и Бакич, убоясь прививки «заразы» к своему отряду, отошел от общего направления, или (подчеркнуто автором. — *А.Г.*) же он решил оторваться на Оренбург, где была меньшая конкуренция — он на этом направлении являлся самым сильным пехотным начальником, так как у Дутова была преимущественно конница. Позже я получил и еще одну версию: запасы Сызранцев и их семьи от Кинеля были направлены чешской комендатурой в эшелоне на Оренбург. За ними потянулся и Бакич. Возможно, что эта истинно житейс-

кая причина и сыграла наиболее решающую роль»[190]. Об этом инциденте можно судить лишь по тем обрывочным сведениям, которые сохранились до наших дней. В частности, 9 октября 1918 года Бакич писал командующему войсками Самарского района Ф.Е. Махину: «По отбытии всех частей вверенной мне дивизии в район сосредоточения, я со штабом дивизии выезжаю в г. Бузулук согласно указаний, данных Штабом Поволжского фронта. Начальник 2 стр[елковой] дивизии Полковник Бакич»[191]. Судя по этому документу, через два дня после оставления Самары Бакич в своих действиях однозначно руководствовался приказами вышестоящего начальства. Решение же Щепихина одобрить задним числом самовольный уход Бакича на Оренбург свидетельствует далеко не в пользу первого, который, если верить тому, что он пишет о Бакиче, таким образом потворствовал антидисциплинарным поступкам своих подчиненных. В то же время, при неразберихе, произошедшей после оставления Самары, могли иметь место самые разнообразные накладки. Одной из них вполне мог быть случай с «самовольным» уходом Бакича.

Не стремясь оправдать нарушение Бакичем приказа, если оно имело место на самом деле, отмечу, что дальнейшие события показали правильность отвода пехотных частей Бакича на стратегически важный левый фланг Восточного фронта белых. Войска А.И. Дутова, действовавшие на этом фланге, крайне нуждались в усилении пехотными частями, поскольку в своей основе состояли из казачьей конницы. Спустя почти три месяца после рассматриваемых событий, по данным на 28 декабря 1918 года, Юго-Западная армия под командованием Дутова насчитывала 23 батальона и 230 сотен, или 10 892 штыка и 22 449 сабель, причем из этого числа 2158 штыков (!) и 631 сабля находились в резерве Верховного Главнокомандующего[192]. Даже после усиления пехотными частями количество сотен в армии ровно в 10 раз превышало количество батальонов! Добавим, что в июле–сентябре 1918 года, до крушения Поволжского фронта Народной армии, бузулукское направление было глубоким тылом войск Дутова, в октябре же здесь пришлось спешно, фактически с нуля организовывать фронт. Если бы хоть какие-то армейские части не были отведены на прикрытие этого направления, казаки, возможно, не сумели бы удержать Оренбург до 22 января 1919 года.

Что представлял собой Оренбургский театр военных действий, на котором Бакичу пришлось действовать почти в течение года? Район

боевых действий пересекали пять важнейших железнодорожных веток: Ташкентская железная дорога, железная дорога Самара—Оренбург, Орская железная дорога, Троицкая железная дорога и дорога Самара—Уфа—Челябинск—Омск (Самаро-Златоустовская железная дорога и Транссибирская магистраль). Собственно, за контроль над этими железными дорогами и шла здесь борьба в период Гражданской войны.

Значение Ташкентской железной дороги (Оренбург—Ташкент) и ее продолжения — дороги Самара—Оренбург, трудно переоценить. Вместе с оставлением белыми Самары — важнейшего узла железных дорог, идущих в азиатскую часть бывшей Российской империи, белыми на оренбургском направлении была утрачена железнодорожная связь с Сибирью. Ташкентская дорога являлась единственной железной дорогой, соединявшей центр Европейской России с Туркестаном. Неудивительно стремление красных овладеть ею. Ведь туркестанская группа красных в 1918–1919 годах была, по сути, отрезана от Советской России в связи с тем, что часть Ташкентской железной дороги удерживали оренбургские казаки. Красные неоднократно пытались наладить хотя бы воздушную связь с Туркестаном, но эти попытки были неэффективны[193]. Даже в периоды тяжелых поражений, как, например, в конце января 1919 года после сдачи Оренбурга, атаман А.И. Дутов требовал от казаков во что бы то ни стало «сохранять в своих руках участки [Ташкентской] железной дороги... не допуская восстановления связи Оренбурга с Туркестаном...»[194].

Существенно меньшим было значение Орской железной дороги, соединявшей Оренбург и Орск. Контроль над этой дорогой был важен лишь в тактическом отношении. Троицкая железная дорога к началу Гражданской войны представляла собой лишь небольшую ветку, соединявшую Троицк и Челябинск (кроме того, через Троицк проходила железная дорога на Кустанай — на восток). Между Орской и Троицкой железными дорогами оставался трехсотверстный недостроенный участок. Войсковое правительство осознавало необходимость достроить железную дорогу на участке Орск—Троицк, чтобы соединить значительную часть Оренбургского казачьего войска с Сибирью — базой Белого движения на Востоке России. К весне 1919 года удалось продолжить конечные участки на сто верст, но для того, чтобы сомкнуть обе линии, не хватило рельсов[195].

Таким образом, силы белых, действовавшие на левом фланге Восточного фронта, длительное время были вынуждены сражаться, не

имея железнодорожной связи с Сибирью. Все поставки должны были осуществляться до станции Карталы (Троицкой железной дороги) по железной дороге, а далее — до станции Сары Орской железной дороги — гужевым транспортом. Это существенно влияло на оперативность поставок и их масштабы, а в период весеннего половодья и бездорожья поставки вообще прекращались, что негативно сказывалось на действиях оренбургских частей. По территории Оренбургского казачьего войска на небольшом участке в районе Челябинска проходила железная дорога Самара—Уфа—Челябинск—Омск (Самаро-Златоустовская железная дорога; от Челябинска начиналась Транссибирская магистраль), которая находилась в полосе действий Западной армии (образована 1 января 1919 года).

Важнейшими грунтовыми дорогами Оренбургского казачьего войска являлись: дорога Оренбург—Уфа; Орск—Верхнеуральск; Верхнеуральск—Троицк. К югу от реки Урал важнейшими путями для действий армии были: дороги вдоль рек Сакмара и Урал; караванный путь Оренбург—Иргиз; дорога Актюбинск—Орск. По берегам Урала и Сакмары располагались казачьи станицы, что существенно облегчало движение казачьих сил, особенно в зимнее время.

Из рек, протекавших по землям Оренбургского казачьего войска, наибольшее стратегическое значение имела река Урал, представлявшая собой, во-первых, серьезную водную преграду на путях движения с юга на север, а во-вторых, — речную коммуникацию. При этом следует учитывать, что река пригодна для судоходства лишь от Илецкого городка, то есть только в западной части войска. На Урале существовал единственный постоянный мост у Оренбурга[196], а также несколько паромных переправ[197]. Урал и его левый приток Илек связывали Оренбургское казачье войско с Уральским и позволяли осуществлять снабжение и переброску резервов. У уральских казаков на реке имелось два парохода, использовавшихся для перевозки военных грузов, однако пароходы из-за изменчивого фарватера реки часто садились на мель, а их использование вызывало недовольство уральских казаков-рыболовов[198].

Зимой передвижение войск на территории Оренбургского казачьего войска было сильно затруднено из-за глубокого снега, а весной — из-за разлива рек и порчи дорог. Обширные степные и лесостепные пространства региона давали возможность действовать казачьей коннице, но при этом на оренбургском театре военных действий отсутствовали какие-либо естественные рубежи, на которых

можно было бы закрепиться. Важными узлами казачьего движения были центры военных округов Оренбургского казачьего войска: первого — Оренбург; второго — Верхнеуральск; третьего — Троицк; четвертого — Челябинск; большое значение имел и город Орск.

К 10 октября 1918 года полковник Махин сумел полностью эвакуировать станцию Кинель — весь подвижной состав был направлен на Бугуруслан, взорваны стрелки, уничтожены телеграфные провода[199]. С этого же дня бывший Поволжский фронт в документах белых стал называться Западным. Фронт под Бузулуком организовывался в экстренном порядке. Во что бы то ни стало, белым нужно было выиграть время, чтобы успеть стянуть сюда войска. К 11 октября Бакичу удалось наладить связь с Оренбургом и с уральскими казаками, действовавшими к юго-западу от Бузулука. В районе Тоцкого шло формирование Оренбургской казачьей сводной дивизии под командованием Генерального штаба генерал-майора Н.А. Полякова (19-й, 20-й, 24-й и 25-й Оренбургские казачьи полки). В Бузулуке войска Бакича были дезорганизованы по причине дезертирства и со времени оставления Сызрани продолжали оставаться в небоеспособном состоянии[200]. Крайне острой была нехватка артиллеристов. Помимо организации обороны, Бакичу пришлось заниматься и организацией тыла своих частей. 11 октября он получил назначение на должность начальника гарнизона города Бузулук, Бузулукский участок с 9 октября возглавил Махин, руководство Западным фронтом перешло к чешскому генералу Чечеку[201]. На бузулукское направление Дутов направил 1-ю бригаду Оренбургской казачьей сводной дивизии (19-й и 20-й Оренбургские казачьи полки), батальон 2-го Башкирского пехотного полка и дивизион Уральского казачьего полка. В резерве в Бузулуке находился 11-й Бузулукский стрелковый полк, в Тоцком размещалась 2-я бригада Оренбургской казачьей сводной дивизии (24-й и 25-й Оренбургские казачьи полки). Разумеется, в состав создаваемой Бузулукской группы вошла и 2-я Сызранская стрелковая дивизия Бакича. Задачей группы было прикрывать железную дорогу Кинель — Бузулук и задерживать продвижение противника на юго-восток, то есть на Бузулук и Оренбург[202]. 12 октября Бакич получил приказ переформировать полки своей дивизии в однобатальонный состав. Вместе с тем, в состав его дивизии с рекомендацией распределить их между Вольским и Хвалынским полками вливались разношерстные добровольческие формирования с правого и левого берегов Волги (Брыновский партизанский отряд,

Васильевская дружина, Литовская рота и Николаевский отряд). Реорганизация должна была быть завершена к 16 октября[203]. 13 октября для обеспечения эвакуации войск по линии Бугуруслан—Бузулук Дутов приказал Бузулукской группе перейти в наступление.

11 октября в 22 часа 30 минут Бакич из Бузулука направил телеграмму на имя начальника штаба Верховного Главнокомандующего с копией в Оренбург атаману Дутову. Ничем иным, кроме как попыткой интриговать против своего непосредственного начальника, эта телеграмма полковника Бакича охарактеризована быть не может. Бакич телеграфировал: «Вторая Сызранская стрелковая дивизия с начала формирования 20 Июня сего года и с этого времени (так в тексте — *А.Г.*) находилась беспрерывно в боях под Вольском, Хвалынском, Сызранью, по пути Сызрань [–] Самара [–] Кинель. Формирование дивизии, насколько позволяла обстановка, было произведено достаточно полно. Однако мне, как начальнику дивизии, почти совсем не удалось командовать ею при выполнении боевых задач: на Сызранском направлении 7 и 8 полки были откомандированы в распоряжение полковника Махина, а оставшиеся 5 и 6 полки, раздерганные по частям, входили в состав войск, подчиненных полковнику Петржику, а ныне — на Бузулукском направлении части дивизии, выполняющие боевые задачи, опять подчинены полковнику Махину. Выходит, что я как начальник дивизии, ответственный за ее формирование и боевую подготовку, лишен возможности руководить ею в бою, ограничиваясь лишь хозяйственной и административной ролью. Благодаря указанному и вмешиванию (так в тексте. — *А.Г.*) в руководство частями дивизии посторонних лиц, ничего общего с нею не имеющими (так в тексте. — *А.Г.*), дивизия пришла [в] состояние, что на нее как на боевую силу почти не приходится рассчитывать (здесь и далее текст подчеркнут в штабе Дутова. — *А.Г.*). Согласно указаниям Штафрон[204] Поволжского после отхода от Самары дивизия должна была сосредоточиться [в] районе Бузулук с целью привести в порядок части, но это не удалось, и части продолжают оставаться в бою, причем руководить частями во всех отношениях я опять лишен возможности, так как ими, не являясь моим начальником, без моего ведома распоряжается полковник Махин. Докладывая об изложенном, прошу указаний: чем вызывается недоверие мне как начальнику дивизии в смысле руководства ею в бою и если будет признано, что я по своим служебным и боевым качествам не соответствую занимаемой должности, то назначить на мое место другое

лицо, так как выносить умаления моего служебного положения я больше не могу, второе [–] дать приказания, кому я с дивизией [в] настоящее время непосредственно подчинен, третье [–] чьим распоряжением дивизия будет пополняться солдатами, последнее необходимо ввиду большого некомплекта благодаря дезертирству мобилизованных, причем некоторые артиллерийские части почти совсем не имеют прислуги, четвертое [–] будет ли дана дивизии возможность собраться наладить разрушенную организованность частей в утвердительном случае, когда и где, пятое [–] как поступить с требованиями оренбургских и уральских казаков о передаче им разного имущества и вооружения, шестое [–] дать директиву, кто является ответственным боевым начальником на Бузулукском направлении, так как на этот предмет пока никаких указаний не имею, кроме задачи укреплять позиции [в] районе Бузулука... Начдив 2 стрелковой полковник Бакич»[205]. Откровенно говоря, Бакич слукавил, указав, что Махин не является его непосредственным начальником, однако в данном случае для него цель оправдывала средства. Из Оренбурга телеграмму передали генералу Чечеку в Уфу и в Челябинск, по всей видимости, в штаб Чехословацкого корпуса. Интрига «обиженного» Бакича имела успех, через некоторое время Махина сняли, и Бакич стал самостоятельным начальником, однако об этом ниже.

В этот же период, вероятно, в штабе Оренбургского военного округа было принято решение о строительстве на бузулукском направлении укрепленных позиций. Вопрос об этих укрепленных позициях уже привлекал внимание историков. Я не могу согласиться с тезисом о том, что «в условиях маневренной, а не позиционной гражданской войны, эти земляные сооружения оказались бы бесполезны. Противник их легко мог обойти, а при определенных условиях и взять, наступая с фронта. Штаб А.И. Дутова, видимо, этого не понимал и не имел представления об особенностях гражданской войны»[206]. На мой взгляд, позиции создавались, исходя из текущего опыта военных действий, и их сооружение было обусловлено как собственно военными, так и моральными соображениями — строительство велось на дальних подступах к землям Оренбургского казачьего войска. Судя по времени сооружения этих укреплений, относящемуся к периоду неудач белых на Восточном фронте, их строительство в районе войсковых границ не было проявлением нежелания войскового начальства вести борьбу с боль-

шевиками вне территории войска, а подчинялось исключительно идее не допустить в войско красных. Руководил постройкой оборонительных сооружений один из лучших специалистов в своей области — начальник инженеров Оренбургского военного округа, заслуженный профессор Николаевской инженерной академии генерал-лейтенант А.И. Ипатович-Горанский. Непосредственным руководителем фортификационных работ на бузулукском направлении был назначен военный инженер Добржинский.

12 октября 1918 года начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии полковник А.С. Бакич доносил в штаб армии в Оренбург: «Мною сегодня был осмотрен район по реке Бузулук [с] целью выбора здесь позиции. Ознакомившись с местностью и оценив важность прикрытия города Бузулука с Запада как политического и экономического центра уезда с сильно развитой железнодорожной станцией, я решил отказаться от укрепления позиции по рекам Ток и Бузулук, а вынести оборонительную линию вперед на Запад, где перехватить укрепленными группами важнейшие пути через рубеж реки Боровка, деревни Елшанская, Александровка, Духонино. Завтра произведу разведку этой позиции и приступлю к организации работ, сбора рабочих, инструмента и сапер»[207]. Через день в Оренбург Бакичем была направлена еще одна телеграмма, касавшаяся фортификационных работ: «Вчера мною выбрана позиция на западной опушке Колтубанского леса по обе стороны жел[езной] дороги вдоль реки Неприк. Сегодня туда отправлены саперы и производится разбивка. К рытью окопов будет приступлено 15 октября»[208].

Приведенные документы свидетельствуют о том, что укрепленный район предполагалось создавать непосредственно в районе полотна железной дороги, с использованием преимуществ местности (наличие рек). Кроме того, осенью 1918 года на бузулукском направлении планировалось построить укрепленные позиции у станций Новосергиевская, Платовка, Каргала и возле станицы Сакмарской. Помимо этого, позиции возводились и на актюбинском направлении — у станции Донгуз и возле Илецкой Защиты. Позиции планировалось сомкнуть, чтобы тем самым прикрыть Оренбург в радиусе 20–25 верст полукольцом укреплений[209]. Однако планы эти не осуществились, и ко времени боев на этих позициях они оставались недостроенными[210].

Большинство позиций, в лучшем случае, представляли собой лишь простые линии окопов[211], которые нуждались в усовершенствовании,

что приходилось осуществлять уже при их занятии войсками[212]. Описание одного из таких «укрепрайонов» содержится в воспоминаниях оренбургского казачьего офицера И.В. Рогожкина: «...район Донецкой станицы на бумаге у Дутова считался укрепленным районом и в печати часто упоминалось для успокоения умов, как будто неприступная крепость, горожане Оренбурга, а особенно старики-станичники свято верили, что укрепленный район большевики не перешагнут... а на деле было совершенно иначе: укрепленный район ничем от другой местности не отличался, за исключением, разве, проволочного заграждения, занесенного снегом...»[213] До наших дней сохранилась карта укреплений, возводившихся на подступах к Оренбургу, подписанная войсковым инженером поручиком Кретчмером[214]. На карте отмечены пункты, в которых предполагалось возведение укрепленных позиций, причем практически все они находились на железных или грунтовых дорогах. Все это служит доказательством эшелонного характера Гражданской войны на Южном Урале даже в период 1918–1919 годов.

Обширность театра военных действий и суровый климат не позволяли в этом регионе вести боевые действия вдали от путей сообщения, поэтому возведение даже элементарных оборонительных сооружений в полосе железных дорог вовсе не являлось пустой тратой времени, а могло при должном уровне этих сооружений, умелом использовании особенностей местности и упорной обороне позиций надолго задержать наступление противника[215].

15 октября Бакич вступил в командование боевым участком Бузулукской группы. В штабе Оренбургского военного округа, очевидно, осознали, что бузулукский фронт при сложившихся обстоятельствах является главным, и начали его усиление. Уже 16 октября во 2-ю дивизию из Оренбурга было направлено 1000 солдат (без оружия) и 250 артиллеристов с предписанием распределить их по частям в течение суток[216].

17 октября 1918 года была образована Юго-Западная армия, в состав которой, телеграммой начальника штаба Верховного Главнокомандующего № 309 от 17 октября, вошла Бузулукская группа полковника Махина. Сам Махин получил назначение на должность командующего войсками Ташкентского фронта и командующего Оренбургской казачьей пластунской дивизией и 20 октября выехал в Ак-Булак[217], в командование войсками Бузулукской группы вступил начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии полковник Бакич[218].

Честолюбивый черногорец, вероятно, не без помощи реализованной им интриги стал вновь самостоятельным начальником, и не за горами уже были новые горизонты его военной карьеры.

26 октября Дутов приказал Бакичу «сдерживать продвижение красных в полосе Зуевка—Соболев—Илецкий городок и Богородское (Булгаково)—Имангулово, особенно на укрепленной позиции у Колтубанского леса, имея целью выигрыш времени для окончания формирования Оренбургской казачьей сводной дивизии»[219]. Тем не менее, несмотря на укрепление подступов к городу, 29 октября Бузулук пал, но красные не стали развивать наступление на Оренбург. По всей вероятности, это было связано с необходимостью переброски частей по-прежнему действовавшей против Бакича 1-й советской армии на Южный фронт. 16 ноября туда была отправлена Инзенская дивизия[220]. Части Бузулукского участка в этот период находились в крайне тяжелом состоянии.

В донесении, датируемом концом октября, Бакич писал: «Дивизия, как боевая единица, не жизнеспособна и совершенно расстроилась как морально, так и численно. Последнее — результат того, что мобилизованные почти поголовно ушли из рядов частей: сызранские и хвалынские — на правом берегу Волги, бугурусланские и бузулукские — за Кинелем. Остались почти исключительно добровольцы и небольшая часть мобилизованных из других районов... Оставшиеся в частях добровольцы, составляющие теперь главный контингент, все чаще и чаще заявляют, что срок их службы кончился и они должны быть уволены... Продолжительное нахождение частей на территории с определенно большевицкими настроениями крайне разлагающе действует на войска, учащаются противодисциплинарные выступления как отдельных лиц, так и частей и команд... Численный состав полков дивизии в настоящее время: в 5-м стрелковом полку осталось около 200 человек, в 6-м — 60–70 человек, в 7-м — около 100 человек»[221]. В том же донесении Бакич жаловался, что «пополнения из Оренбурга, не имея сапог и теплой одежды, не могут быть выведены в поле... В кавалерийском полку люди не умеют ни седлать, ни водить лошадей, не говоря уже про езду. В общем, части дивизии обратились в обозы с материальной частью, которые зачастую не могут даже самостоятельно передвигаться, — поневоле все это приходилось перевозить по железной дороге... Приданные группе казачьи части также сильно утомлены и, кроме того, по невыясненным причинам также не выполняют боевых задач, оставляют указанные им места без давления противника и без приказания...»[222]

В первой половине ноября командование 1-й советской армии занималось в основном переброской войск на Южный фронт, и до середины ноября на бузулукском фронте сохранялось относительное затишье, а со второй половины месяца красные повели наступление на столицу оренбургских казаков. К началу декабря фронт проходил в районе станции Сорочинская.

5 декабря 1918 года приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака № 62 был сформирован Оренбургский армейский корпус, в состав которого была включена и дивизия Бакича. Штаб корпуса создавался на основе штабов Бузулукской группы и Оренбургской казачьей пластунской дивизии[223]. Командиром корпуса был назначен генерал-майор В.Н. Шишкин при начальнике штаба генерал-майоре М.Г. Серове. Вероятно по инициативе Дутова, армейский корпус получил казачье командование — и сам командир корпуса, и его начальник штаба еще в мирное время служили в оренбургских казачьих частях, причем М.Г. Серов был казаком и по происхождению. В декабре командование Бузулукской группой было снято с Бакича и возложено на генерал-майора Н.П. Карнаухова[224].

Судя по тем обрывочным сведениям, которые сохранились до наших дней об этом периоде антибольшевистской борьбы, Бакич в декабре 1918 года предпринял попытку контрнаступления. По данным, к 28 декабря 1918 года в его дивизии состояло 980 штыков, 283 сабли, 35 пулеметов и 3 трехдюймовых орудия, всего же на Бузулукском участке белые имели 1659 штыков и 5181 саблю при 130 пулеметах и 22 орудиях разных калибров[225]. Согласно приказу войскам Юго-Западной армии от 25 декабря 1918 года, 9-я Башкирская стрелковая дивизия, наступая вдоль реки Ток, должна была обойти с севера фланг красных у Бузулука и отбросить их к линии железной дороги. Содействовать ей в этом, наступая на станцию Сорочинская, должны были части Бузулукского фронта[226].

Войска, как позднее писал в одном из приказов сам Бакич, «перешли в наступление при морозах 25–30 градусов, не имея полушубков, валенок, папах и другой теплой одежды… На Сорочинском направлении… [войска] слабые силами, но сильные духом наносили умелые удары и тяжелый урон полкам железной дивизии красных, в рядах которой было много мадьяр — этого оплота комиссародержавцев. Немало их уничтожили вы под Балейкой, Боголюбовкой, Киселевкой, Бабичевым и Гумеровым…»[227] Тем не менее попытки контратаковать

красных в декабре 1918 — первой половине января 1919 года стратегического успеха не имели, части Бузулукского участка перешли к обороне, а затем стали одну за другой постепенно оставлять станции Ташкентской железной дороги, приближаясь к казачьей территории и к самому Оренбургу. Положение Юго-Западной армии Дутова становилось критическим.

Приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего № 92 от 28 декабря 1918 года Юго-Западная армия была разделена на Отдельные Оренбургскую и Уральскую армии под командованием генерал-лейтенантов А.И. Дутова и Н.А. Савельева соответственно[228], приказом № 94 от 3 января 1919 года Оренбургский армейский корпус получил номер IV[229].

14 января 1919 года белыми была оставлена станция Новосергиевская. Задержаться на ее рубеже, где осенью 1918 года возводились укрепления, войскам не удалось. 17 января штаб IV Оренбургского армейского корпуса находился на станции Переволоцкая, на следующий день — уже на последней перед Оренбургом крупной станции Каргала. Опасаясь репрессий со стороны красных, казачье население спешно покидало родные станицы и поселки[230]. При этом некоторые казачьи общества заняли откровенно двурушническую позицию, пытаясь заискивать и перед наступающими красными, и перед уходящими белыми. К примеру, жители станицы Капитоновской в середине января 1919 года направили своих делегатов и в штаб Бузулукской группы, — узнать, как быть дальше, и к красным, — с заявлением о том, что станичники были насильно мобилизованы белыми[231]. Одновременно с этими акциями казаки Капитоновской станицы дезертировали из 4-й Оренбургской казачьей дивизии, действовавшей в составе Бузулукской группы. 25-й Оренбургский казачий полк той же дивизии был совершенно небоеспособен — не подчинялся приказам, при одном слухе о приближении красных оставил станцию Новосергиевскую, обнажив фланг 7-го Хвалынского стрелкового полка дивизии Бакича; более того, казаки приняли решение отступать только до своих станиц, а при занятии их частями РККА разойтись с оружием по домам[232]. На мой взгляд, эти случаи типичны для любых территориальных частей (именно такими являлись казачьи формирования Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий), действующих к тому же на своей территории. Точно так же, к примеру, в 1918 году по своим деревням разбегались мобилизованные крестьяне из частей Народной армии.

19 января на сторону красных, захватив пропуска и секретную переписку командира полка, перебежал неоднократно предававшийся ранее военно-полевому суду командир первой сотни 25-го полка, казак Никольской станицы сотник И.В. Рогожкин. Он поступил на службу в РККА, получил назначение на должность командира конной разведки 212-го Московского полка 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии[233] и даже отправил через линию фронта письмо своей сотне с призывом в полном составе переходить к красным. Впоследствии этот перебежчик, с целью выслужиться перед большевиками, заявлял о своей попытке убить атамана Дутова, которую он не осуществил якобы из-за того, что рядом были дети[234].

В связи с резким ухудшением обстановки на фронте штаб Отдельной Оренбургской армии забил тревогу. 19 января в 22 часа 30 минут Бакич получил по телеграфу приказ Дутова держаться во что бы то ни стало. В 23 часа командир IV Оренбургского армейского корпуса получил срочную телеграмму начальника штаба Отдельной Оренбургской армии генерал-майора А.Н. Вагина: «...Командарм приказал... все силы использовать для занятия указанного... положения, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, ибо Оренбург должен обороняться в целях обеспечения его эвакуации...»[235] Армейское командование до последнего верило в возможность удержания казачьей столицы и не сумело заблаговременно завершить эвакуацию города. Комкор-IV генерал Шишкин телеграфировал в штаб армии, что в связи с изменой Рогожкина и успехами красных казаки волнуются и «положение становится крайне серьезным. На северном фронте по сводке все отступают, суживая выход на Орское направление, отход вверенного мне отряда при данной обстановке считаю единственным выходом» [236]. На следующий день в очередной директиве штаб армии рекомендовал «начальникам боевых участков и боевых корпусов самыми решительными и беспощадными мерами поддерживать дисциплину в войсках»[237]. Тем не менее факты массового дезертирства казаков (почти исключительно из состава 24-го и 25-го Оренбургских казачьих полков), а также военнопленных и обозных имели место и в дальнейшем[238]. Особенно негативно на настроениях казаков сказалась сдача войсковой столицы — Оренбурга.

21 января город был оставлен Отдельной Оренбургской армией, а уже на следующий день занят наступавшими с запада частями 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии и прорвавшейся с юга

конницей Туркестанской армии. Несмотря на этот успех, красные так и не смогли восстановить железнодорожное сообщение с Туркестаном, поскольку оренбуржцы прочно удерживали небольшой участок Ташкентской железной дороги между Илецкой Защитой и Актюбинском. Недопущение соединения Туркестана с Советской Россией было одной из главнейших стратегических задач армии Дутова, и, к чести Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Южной армий, (хотя некоторые современные исследователи считают их чуть ли не никчемными объединениями) эта задача успешно решалась вплоть до окончания боевых действий на Южном Урале осенью 1919 года.

БРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

В январе 1919 года части Отдельной Оренбургской армии, потеряв связь с Отдельной Уральской армией, были вынуждены отходить на восток, вглубь территории войска. Войска Бакича обошли занятый красными Оренбург с севера и продолжали отходить по правому (северному) берегу притока Урала — реки Сакмары, чтобы выйти из-под флангового удара красных. Отличительной особенностью территории между Сакмарой и Уралом являлось то, что дороги здесь пролегали исключительно по долинам вышеупомянутых рек. Закрепиться можно было лишь на линии рек Большой Ик, Буртя, Касмарка, Бурлы и Киялы, которые зимой не представляли собой серьезной преграды для красных. По мнению начальника штаба армии генерал-майора А.Н. Вагина, «рубежи эти, перехватывая все пути с запада на восток и северо-восток, являются для нас единственными оборонительными линиями»[239].

Командование Отдельной Оренбургской армии осознавало важность удержания рубежа Сакмары. В докладе об обстановке на фронте генерал Вагин указывал на то, что «наиболее вероятными для главных действий противника будут дороги вдоль р. Сакмара и р. Урал, выводящих кратчайшим путем к узлу наших тыловых дорог г. Орску...»[240] В этот тяжелый для армии период малочисленная 2-я Сызранская стрелковая дивизия Бакича считалась одним из наиболее надежных соединений IV корпуса[241].

Красные развивали свой успех, наступая вдоль линии Орской железной дороги. Задачей Отдельной Оренбургской армии в конце января стала «временная оборона для укомплектования, после чего ре-

шительное наступление для восстановления связи с Уральской армией»[242]. На рубеже реки Большой Ик частям белых удалось организовать серьезное сопротивление и продержаться около трех недель, до десятых чисел февраля. Этот факт опровергает утверждение комбрига Ф.Е. Огородникова, что «во всех боях до Орска белые не могли организовать упорной обороны»[243]. Части IV армейского корпуса выполняли одну из наиболее тяжелых и ответственных задач — обороняли линию Орской железной дороги[244]. В непосредственном подчинении Бакича находились части левого боевого участка силой в 1074 штыка, 970 сабель, 59 пулеметов и 6 орудий[245]. И вновь он проявил себя с лучшей стороны. В приказе по дивизии № 17 от 5 февраля 1919 года Бакич отметил: «Я решил упорно отстаивать каждый рубеж и допускать части дивизии к отходу всякий раз лишь после боя на занимаемых при отходе рубежах»[246]. Штаб армии также требовал как можно дольше удерживать данный рубеж, так как далее до Орска естественных преград фактически не было. Кроме того, по реке Большой Ик были расположены населенные пункты, где в условиях суровой уральской зимы могли размещаться обороняющиеся войска[247]. Единственно возможным способом ведения обороны в таких погодных условиях было оставление на передовой сравнительно слабых заслонов, разведчиков и наблюдателей при сосредоточении в тыловых населенных пунктах значительных резервов для нанесения сильных ударов на угрожаемых участках фронта. На Юге России аналогичную тактику активной обороны успешно применял генерал-лейтенант Я.А. Слащов[248].

Дальнейшему удержанию позиции помешала измена части башкир во главе с видным деятелем башкирского национального движения, начальником башкирского войскового управления А.-З. Валидовым. После почти трех месяцев секретных переговоров 18 февраля 1919 года башкиры перешли на сторону большевиков и открыли им фронт[249]. Надо сказать, что уже в декабре 1918 — феврале 1919 года, до фактического перехода на сторону красных, башкиры проявляли неподчинение командованию Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий, действовали самостоятельно, а башкирское руководство передавало красным секретные сведения о войсках белых[250]. Основной причиной измены были, на мой взгляд, политические пристрастия и амбиции башкирского руководства, в особенности самого Валидова, принадлежавшего к сторонникам эсеров и считавшего Колчака и Дутова своими злейшими врагами[251]. Нельзя не от-

метить и отсутствие у белого командования должной гибкости в решении крайне болезненного национального вопроса. Большевики же, несмотря на первоначальные колебания, поспешили удовлетворить все требования башкир (широкая автономия), лишь бы последние перешли на их сторону[252].

В результате измены башкир на стыке Западной и Отдельной Оренбургской армий образовался разрыв, которым не замедлили воспользоваться красные, и возникла неотложная необходимость восстановления связи между двумя белыми армиями. Для этого левый фланг Западной армии предполагалось протянуть до станицы Кизильской[253]. Правый фланг Отдельной Оренбургской армии и связь с Западной армией должен был обеспечивать IV Оренбургский армейский корпус. Впоследствии для прикрытия разрыва между Отдельной Оренбургской и Западной армиями на левом фланге последней была образована Южная группа под командованием Генерального штаба генерал-майора П.А. Белова (Г.А. Виттекопфа).

16 февраля командир IV Оренбургского армейского корпуса генерал-майор В.Н. Шишкин получил телеграмму командующего армией с приказом о сформировании на базе своего соединения нового, II Оренбургского казачьего корпуса в составе 4-й и 5-й Оренбургских казачьих дивизий и о своем назначении командиром этого корпуса. Из штаба IV Оренбургского армейского корпуса была выделена часть офицеров и чиновников на образование кадра штаба нового корпуса. В тот же день эти чины приступили к работе по управлению частями образованного соединения. IV Оренбургский армейский корпус должен был сдать новому корпусу свой участок фронта и срочно, в связи с глубоким обходом красных на Таналыково-Баймак, вызванным изменой башкир, выдвигаться на правый фланг армии в район станицы Кизильской. Передовые части IV корпуса должны были расположиться в районе Таналыково и войти в связь со Сводным Стерлитамакским корпусом Западной армии, действовавшим правее. Задачей Стерлитамакского корпуса было выдвижение на линию деревень Кирдасова—Баймак с целью занятия уральских горных проходов и обеспечения связи с Отдельной Оренбургской армией.

Командиром IV Оренбургского армейского корпуса был назначен полковник А.С. Бакич, принявший корпус 19 февраля. Начальником штаба корпуса стал Генерального штаба подполковник И.И. Смольнин-Терванд. По характеристике, данной ему еще в 1913 году в сте-

нах Императорской Николаевской военной академии Генерального штаба полковником П.Ф. Рябиковым, Терванд — «способностей средних. Работает старательно и спокойно. Самостоятелен, энергичен, сдержан. Тактичен и дисциплинирован»[254]. Карьера Терванда была поистине головокружительной: молодой офицер Генштаба в годы русской смуты вознесся до поста начальника штаба корпуса, а в возрасте тридцати двух лет был произведен в генерал-майоры. Однако расплата за удовлетворенное честолюбие оказалась слишком скорой — Терванд остался с Бакичем до конца и разделил трагическую участь последнего. 22 февраля 1919 года комиссией по текущим делам 3-го Очередного Войскового Круга области войска Оренбургского по телеграфному ходатайству генерал-майора Н.П. Карнаухова полковник Бакич и Генерального штаба подполковник Смольнин-Терванд за «личную храбрость и услуги, оказанные войску» были зачислены в казаки Оренбургского казачьего войска[255]. Указом Войскового правительства от 12 января 1919 года[256] Бакич был награжден «Лентой отличия[257]» — высшей наградой, учрежденной для награждения «ревностных защитников Оренбургского казачьего войска» в борьбе с большевиками[258].

К 20 часам 25 февраля штаб корпуса прибыл в Кизильскую, перегруппировка и сосредоточение частей корпуса завершались[259]. Уже на следующий день части корпуса (33-й Оренбургский казачий полк) предприняли попытку наступления и даже захватили трофеи, а журнал военных действий корпуса сообщал, что «дух частей превосходный»[260].

Тем не менее красные продолжили свое наступление по казачьим землям на Верхнеуральск, Троицк и Челябинск, стремясь овладеть зерновыми районами III (Троицкого) и IV (Челябинского) военных округов Оренбургского казачьего войска и закрепить за собой весь Южный Урал[261]. 28 февраля они заняли Орск. В связи с отходом только что сформированного в боевых условиях II Оренбургского казачьего корпуса на станицы II (Верхнеуральского) военного округа Бакич был также вынужден отводить левофланговые части своего корпуса под командованием полковника В.К. Нейзеля. Боевые действия велись в настоящем «медвежьем углу», где полностью отсутствовали железные дороги, а передвижение в зимнее время было затруднено сильными метелями и глубоким снегом.

Новой задачей, поставленной перед Бакичем, было обеспечение тыла Отдельной Оренбургской армии и связи с Западной армией. Состав его корпуса ко 2 марта был следующим[262]:

Наименование частей	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
2-я Сызранская стрелковая дивизия				
5-й Сызранский стрелковый полк	322	–	17	–
6-й Сызранский стрелковый полк	183	–	9	–
7-й Хвалынский стрелковый полк	157	–	6	–
8-й Вольский стрелковый полк	380	–	10	–
2-й стрелковый артиллерийский дивизион	–	–	–	5
5-я Оренбургская стрелковая дивизия				
18-й Оренбургский стрелковый полк	125	–	4	–
19-й Оренбургский стрелковый полк	123	–	2	–
20-й Оренбургский стрелковый полк	129	–	4	–
21-й Оренбургский стрелковый полк	118	–	4	–
1-я Отдельная Оренбургская казачья бригада				
1-й Оренбургский казачий полк	–	599	4	–
4-й Оренбургский атамана Углицкого казачий полк	–	809	12	–
Сводная казачья бригада				
Татищевский пластунский дивизион	510	–	8	–
Сакмарский конный дивизион	–	249	–	–
33-й Оренбургский казачий полк	–	1050	10	–
Прочие части				
1-й подвижный артиллерийский парк	–	–	–	–
2-й перевязочный отряд с санитарной летучкой	–	–	–	–
ИТОГО:	2047	2707	90	5

Из таблицы видно, что корпус являлся таковым только по названию, его реальная численность лишь несколько превышала численность четырехбатальонного пехотного полка военного времени[263]. В то же время фронт корпуса превышал 150 верст и по протяженности соответствовал фронту армии Первой мировой войны. На одну версту у Бакича в среднем приходилось лишь по 32 штыка и сабли. Для сравнения: в белых войсках на Юге России в 1919 году в порядке вещей была точно такая же плотность — 32–33 бойца на

версту, при которой полк численностью 800–1000 штыков должен был удерживать участок протяженностью 25–30 верст[264]. Конечно, 33 человека вряд ли могли удержать версту фронта, поэтому более верной представляется группировка обороняющихся по числу частей корпуса (в корпусе Бакича — 11 полков, конный и пеший дивизионы).

4 марта IV Оренбургский армейский корпус был включен в состав Южной армейской группы Западной армии под командованием Генерального штаба генерал-майора П.А. Белова. В управлении войсками Белов, храбрый офицер и способный организатор, руководствовался системой мелочной опеки подчиненных ему лиц, чем вносил полную сумятицу в работу войск. В частности, летом 1919 года, уже командуя Южной армией, он, перехватив грузовик с сапогами, направлявшийся в одну из частей, приказал водителю ехать в ближайшую к штабу армии часть и стал лично распределять там сапоги. Как выяснилось, в указанной части сапоги уже были, но не хватало фуражек. Тогда Белов, пообещав фуражки, попросил передать сапоги в соседнюю часть[265].

Корпусу был дан новый приказ — оставив заслоны по реке Урал и поддерживая при помощи конницы связь с правым флангом Отдельной Оренбургской армии, большую часть пехоты сосредоточить на правом фланге корпуса для прикрытия направления на Верхнеуральск. Штабу корпуса предписывалось перейти в станицу Магнитную[266].

Ударную группу (5-й Сызранский стрелковый полк, две роты батальона Ставки, 4-й Оренбургский казачий полк, 2-я батарея 2-го стрелкового артдивизиона), создававшуюся на правом фланге корпуса, возглавил командир 1-й Отдельной Оренбургской казачьей бригады полковник В.А. Красноярцев. Сосредоточение планировалось завершить к вечеру 5 марта, после чего занять исходное положение для наступления в сторону Башкирии. Фактически в начале марта борьба велась на границе Оренбургского казачьего войска и башкирских земель. Однако выполнение этого плана несколько задержалось.

Перегруппировка частей корпуса была завершена к 18 часам 7 марта. На следующий день белые оставили станицу Кизильскую и отошли на 10 верст к востоку, а правофланговая ударная группа корпуса перешла к активным действиям, но успеха не добилась. В этой связи 9 марта от штаба группы был получен приказ о дополнитель-

ном усилении правого фланга корпуса. Переброска сил на правый фланг была вызвана необходимостью поддержать наступление Западной армии, действовавшей в этот период уже на подступах к Бирску. В результате левый фланг корпуса, взаимодействовавший с частями Отдельной Оренбургской армии, как и вся эта армия, оказывались фактически предоставленными самим себе.

Тем не менее левый фланг под командованием командира Сводной казачьей бригады полковника Г.М. Фаддеева действовал довольно успешно. 10 марта его части совместно с частями 5-й Оренбургской казачьей дивизии II Оренбургского казачьего корпуса Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина после полуторачасового боя заняли поселок Грязнушевский. Отступавший противник преследовался конницей и был загнан сотнями Сакмарского конного дивизиона в станицу Кизильскую. В этот день белым удалось захватить телеграфное и телефонное имущество противника, а также оперативный приказ по 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии красных. На следующий день войска полковника Г.М.Фаддеева, воодушевленные вчерашним успехом, повели наступление на станицу Кизильскую, однако потерпели неудачу — получили ранение хорунжий Кожевников и 10 казаков; один из них умер от ран.

С утра 13 марта началось наступление правофланговой ударной группы корпуса Бакича. Войска брали штурмом деревню Абзелилово, в которой закрепились значительные силы красных (по разведданным, 2 пехотных полка и эскадрон при 30 пулеметах и 4 орудиях). Деревня была занята, и начато преследование противника, однако белые понесли тяжелые потери: три офицера убитыми, 7 офицеров и около 50 нижних чинов ранеными[267]. В тот же день красные отбили этот населенный пункт. Бой, по меркам Гражданской войны, был крайне ожесточенным. Потери белых — до 200 убитых и раненых, в том числе 15 офицеров. Потери красных были большими, однако для них, в отличие от белых, урон был существенно легче восполнить, благодаря налаженной системе массовой мобилизации. Боевые действия велись на казачьей территории, и в рядах корпуса, судя по названиям, стали появляться местные отряды самообороны: Сыртинская пешая, Смеловская, Янгельская и Магнитская дружины[268]. Стрелковые части корпуса также пополнились мобилизованными из Верхнеуральского и Троицкого уездов[269].

ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

В начале марта на фронте Западной армии генерал-лейтенанта М.В. Ханжина началось наступление, конечной целью которого должно было стать занятие Москвы. Генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, бывший Главнокомандующий войсками уфимской Директории (Временного Всероссийского правительства), писал, что «при успехе операции... получилась бы огромная охватывающая красных дуга, сжимание концов которой сулило самые решительные результаты. Москва, кроме того, лишилась бы запасов богатого юга, лишилась бы угля и столь необходимого ей жидкого топлива»[270].

Военный министр правительства адмирала Колчака Генерального штаба генерал-лейтенант А.П. Будберг отмечал, что наступление в южном направлении «создавало, по соединении с Деникиным, общий фронт, усиливало обе ныне разъединенные стороны, давало возможность распределить более целесообразно личный состав обоих фронтов. Наступление в этом направлении прикрывало верные нам районы Уральских и Оренбургских казаков, создавало спокойный тыл, давало возможность использования богатств Троицко-Орского района (зерно, фураж и скот), открывалась возможность навигации по Каспийскому морю и подвоза через Кавказ»[271].

По мнению известного русского военного теоретика Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, «это наступление выводило сначала в район, заселенный поволжскими немецкими колонистами (Саратов—Красный Кут—Камышин), представляющих (так в тексте. — *А.Г.*) собою противобольшевицки настроенных крестьян, а затем приводило к соединению с Донским казачеством... В случае удачи этого наступления создалась бы обширная неразрывная противобольшевицкая территория, включавшая в себя все казачества, а также наиболее противобольшевицки настроенных крестьян»[272].

Весной 1919 года белое наступление могло развиваться в двух направлениях: 1) Казань—Вятка—Котлас на соединение с войсками Северного фронта Генерального штаба генерал-лейтенанта Е.К. Миллера и союзниками и 2) Самара (Саратов)—Царицын на соединение с войсками Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Деникина, действовавшими на Юге России. Вот что писал Генерального штаба генерал-лейтенант Д.В. Филатьев, позднее служивший в Ставке адмирала А.В. Колчака: «Был еще один, третий вариант, кроме двух

указанных: двинуться одновременно и на Вятку и на Самару. Он приводил к эксцентрическому движению армий, действиям враздробь и к оголению фронта в промежутке между армиями. Такой образ действий мог бы позволить себе полководец, уверенный в самом себе и в своих войсках и располагающий превосходством сил, стратегическим резервом и широко развитою сетью железных дорог для переброски войск по фронту и в глубину. При этом одно из направлений выбирается как главное, а прочие — суть демонстрации для введения противника в заблуждение. Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не было, исключая уверенности в себе полководца, поэтому такой вариант должен был быть отброшен из обсуждения, как ведущий неумолимо к полному неуспеху. Между тем он именно и был избран для сокрушения большевиков, что и привело Сибирские армии в конечном результате к краху. Положение большевиков весною 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана для действий»[273]. Ответственность за выработку плана весеннего наступления и за последующий его провал лежит на начальнике штаба Ставки Верховного Главнокомандующего Генерального штаба генерал-майоре Д.А. Лебедеве.

Уже 13 марта частями Западной армии была взята Уфа, причем первыми в город с боем вошли части 18-го Оренбургского казачьего полка[274], по некоторым данным, в плен тогда едва не попал сам Л.Д. Троцкий (Бронштейн)[275]. Успехи на фронте армии Ханжина со второй половины марта стали сказываться и на положении всего левого фланга белого Восточного фронта. 18 марта началось одновременное наступление частей Южной группы Западной армии и Отдельной Оренбургской армии. 19–22 марта корпус Бакича с переменным успехом вел бои за станицы Сыртинская и Кизильская.

В приказе по IV Оренбургскому армейскому корпусу № 54 от 19 марта ярко выражены политические взгляды самого Бакича, который предписывал подчиненным «путем бесед разъяснить пополнениям, что их призывает изнывающая мать-Россия принять участие в строительстве и воссоздании возрождающейся Родины и что борьба идет за восстановление попранного разными пришельцами Русского национального народовластия, а равно за действительную свободу, равенство, братство всех граждан России, обеспечив малым народностям свободное их культурное национальное развитие в пределах единой и нераздельной России. От всех начальни-

ков, до унтер-офицеров включительно, повторяю, буду требовать самой настойчивой и неутомимой работы в создании нашей молодой и крепкой духом армии, на которую с надеждой обращены взоры всех честных Русских людей, проявления умелой инициативы в управлении вверенными им частями в бою так, чтобы стрелки знали, видели и верили, что начальники ведут их к победе и к торжеству идеи восстановления Родной страны. Вместе с тем требую от всех начальствующих лиц отношения к своим подчиненным как к свободным гражданам Великой державы с полным уважением к их личности, не допуская ни малейшего беззакония, тем более грубого и унижающего общечеловеческое самолюбие обращения, однако памятуя, что дисциплина и дисциплина воинская, железная должна соблюдаться и поддерживаться везде и всюду с неумолимой строгостью. Самим начальникам всех степеней подавать пример честного и строгого отношения к себе и к службе, представляя из себя воплощение сознания долга перед Родиной в тяжелые для нее дни всеобщей постыдной разрухи, положить конец которой мы должны и обязаны. Прошу помнить всех чинов корпуса, что Родина ждет от нас великой работы, так будем же работать на благо ей, не покладая рук»[276].

Решающий перелом на фронте корпуса Бакича произошел 23 марта, когда, согласно записи в журнале военных действий IV Оренбургского армейского корпуса, «после непродолжительных переговоров между командиром 4-го [Оренбургского] Казачьего атамана Углицкого полка Войсковым Старшиной [Р.П.] Степановым и Командиром 1-го Башкирского Кавалерийского полка Корнетом [М.Л.] Муртазиным (последний находился с полком у красных), [с] 22-го на 23-е марта 1-ый Башкирский Кавалерийский полк в полном составе перешел на нашу сторону»[277]. Причиной перехода были, на мой взгляд, решающие успехи на фронте Западной армии, а также то, что полк Муртазина еще на Бузулукском фронте сражался совместно с теми частями белых, против которых ему пришлось воевать теперь. В своей книге М.Л. Муртазин, естественно, исказил этот щекотливый для него, как для красного комбрига, эпизод[278]. Перешедшим на сторону белых башкирам была гарантирована полная неприкосновенность, из полка изъяты лишь коммунисты и комиссары. В результате обратного перехода части башкир к белым последними был занят ряд населенных пунктов, в том числе станица Кизильская и все окрестные хутора, уничтожен батальон 1-го Смоленского советского полка, захва-

чено 2 орудия и несколько пулеметов. «Противник разбит наголову, в панике бежит, преследование отступающего противника продолжается», — сообщалось в журнале военных действий корпуса[279].

Примерно в течение месяца после 23 марта, пока продолжалось стратегическое преследование красных на Южном Урале, в документах корпуса встречаются почти исключительно победные реляции. 23 марта войска Бакича, окружив красных в горном районе к северу от деревни Темясово, захватили 2 орудия, пулеметы, походные кухни и снаряды, причем «на месте боя противник оставил несколько сот трупов, т.к. озлобленные наши части пленных не брали, остатки противника разбежались по горам»[280]. В занятой Бакичем станице Кизильской была захвачена карта с обозначением путей отступления красных, что существенно облегчило преследование противника. В рядах красных велись разговоры, что их сейчас погонят до самой Волги[281].

24 марта корпус получил задачу продолжать преследование противника по всему фронту с целью овладеть заводами Кананикольским и Преображенским, занять Мрясово (Красная Мечеть), а в дальнейшем попытаться перерезать дорогу Стерлитамак—Оренбург. Поставленная задача успешно выполнялась. В ночь с 25 на 26 марта белые совершили набег на Мрясово и выбили оттуда красных с большими для них потерями, причем был захвачен обоз, телеграфное и телефонное имущество, походные кухни и канцелярия 208-го стрелкового полка красных. Красные поспешно отступали, бросая артиллерию, пулеметы, боеприпасы и разнообразное имущество. К примеру, 27 марта в качестве трофея белым достались сразу 24 (!) походные кухни противника[282].

5 апреля красные в связи с угрозой окружения оставили Таналыково-Баймак. В этот же день приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России адмирала А.В. Колчака полковник Бакич «за отличие в делах против неприятеля» был произведен в генерал-майоры со старшинством с 5 февраля 1919 года[283]. Бакичу было тогда сорок лет. По аттестации, данной 23 апреля 1919 года Дутовым, Бакич был «вполне здоров. Вынослив. Отлично храбр. В среде солдат и командиров сильно популярен и пользуется огромным уважением. Прекрасный администратор и хозяин. Всегда дисциплинирован, строг и настойчив в требованиях. Убеждений твердых. Решителен в бою и отважен в задачах. Начитан. В бою абсолютно спокоен

и умно руководит войсками. Пользуется расположением всего населения, где проживал. В боях с большевиками все время. Формировал Сызранскую стрелковую дивизию и все время с ней в боях. Трезв. Выдающийся. Вполне может командовать корпусом и в боях в этой роли незаменим»[284].

В то же время в штабе корпуса были получены сведения о возможном смещении Бакича с должности командира корпуса. Чтобы предотвратить свое смещение, генерал Бакич мобилизовал личные связи. Его начальник штаба, И.И. Смольнин-Терванд, в 1911–1914 годах был однокашником помощника начальника штаба Верховного Главнокомандующего Генерального штаба генерал-майора П.Г. Бурлина по академии Генерального штаба. 5 апреля Терванд в доверительной форме телеграфировал Бурлину: «...получили извещение от Щербакова[285], что предполагается смещение комкора 4 Генерала Бакич. Докладываю тебе, что Генерал Бакич провел с частями корпуса уже долгие месяцы[286] борьбы, все в корпусе давно его знают и верят ему. Недавно Генерал награжден войсковым кругом Оренбургского войска войсковой ленточкой и зачислен по войску за оборону граней войска. В корпусе много казачьих частей, которые идут за генералом, как за своим станичником. Обсуди с наштаверхом[287] дело, полагаю, что примете решение правильное, учитывая данные, которые тебе доложил и личные качества генерала, известные Наштаверху...»[288] Подключение к делу Бурлина имело успех, так как Бакич от командования корпусом отрешен не был.

7 апреля частями войскового старшины Р.П. Степанова был занят Кананикольский завод, на следующий день передовые части полковника Г.М. Фаддеева перешли линию реки Сакмара. 8 апреля налетом 2-й Оренбургской казачьей дивизии Отдельной Оренбургской армии был занят город Орск. 10 апреля 7-м Хвалынским стрелковым полком совместно с частями полковника Фаддеева взят Преображенский завод. В ночь с 12 на 13 апреля части корпуса форсировали реку Большой Ик. Преследование красных вела конница. Согласно записи в журнале военных действий корпуса, «первая и пятая Советские армии в результате последних операций наших войск в районе Уфа—Стерлитамак—Орск приведены в полное расстройство. Остатки этих армий, потеряв управление и связь между собой, спасаются паническим бегством в общем направлении на Запад и Юго-Запад»[289].

В то время как Бакич успешно громил красных в Башкирии, его супруга, находившаяся в Омске, испытала на себе все прелести

тыла армии Колчака. 9 апреля 1919 года от имени начальника штаба Верховного Главнокомандующего министру внутренних дел было направлено письмо, в котором сообщалось, что «по полученным сведениям 3-го сего апреля, в ресторане «БОМОНД» была арестована, без всякой причины, жена Вр[еменно] Командующего Оренбургским Армейским Корпусом Ольга Константиновна БАКИЧ. При аресте агент Омской сыскной милиции приставил револьвер к ее лбу и под конвоем с обнаженным оружием отправил ее пешком в Милицию, где ей «любезно» сказали, что произошла ошибка. Во избежание повторения подобных инцидентов прошу о расследовании этого дела и уведомления, какое последует с Вашей стороны взыскание на агента Милиции, так как я считаю, что поступок его с женою Генерала, находящегося на фронте, не может остаться безнаказанным»[290].

В памятной записке об этом происшествии от 5 апреля начальник осведомительного отдела Главного штаба справедливо отмечал: «Если таким образом поступают с женою небезызвестного генерала — героя, защитника Сызрани, то невольно напрашивается вопрос, как чины милиции поступают в тылу с женами бойцов фронта, жертвующих свою жизнь и проливающих свою кровь за наше благополучие. Трудно представить себе то моральное состояние, какое будут переживать наши защитники на фронте, узнав о вышеизложенных ошибках»[291]. К сожалению, в моем распоряжении нет данных о том, были ли приняты меры к исправлению этой ошибки и наказанию виновных, но случай, на мой взгляд, весьма показательный для характеристики белого тыла.

САЛМЫШ

4 апреля Западная армия заняла Стерлитамак, 7 апреля — Белебей, 10 апреля — Бугульму и 15 апреля — Бугуруслан. В сложившейся ситуации белым важно было, не теряя соприкосновения с противником, энергично преследовать его, чтобы до вскрытия рек овладеть стратегически важными пунктами. На Южном Урале таким пунктом был Оренбург.

Для казачьей психологии было важно, кто в данный момент контролирует центр того или иного военного округа, в чьих руках находится войсковая столица. Во многом в зависимости от этого казаки

решали, участвовать им в борьбе с большевиками или нет. Так, Оренбургский губернский комитет РКП(б) и губисполком сообщали в ЦК, что «один только усердно распускаемый врагами ложный слух о падении Оренбурга вызывает приток свежих сил колеблющейся части казачества, которая поголовно уйдет к Колчаку в случае падения Оренбурга»[292]. В Оренбурге, являвшемся столицей войска, центром первого военного округа и важнейшим узлом железных дорог, было свыше 100 фабрик и заводов, население города к 1912 году составляло 146 тысяч человек[293]. Гражданская война в Оренбуржье для казаков во многом была борьбой за Оренбург. В одних случаях эта борьба велась за удержание города (осень–зима 1917 и 1918 годов), в других — за овладение им (весна–лето 1918 и 1919 годов).

Однако занять Оренбург до разлива рек весной 1919 года белым не удалось, в результате чего левый фланг белого Восточного фронта прочно увяз в боях за город фактически до конца лета 1919 года, когда стратегическая инициатива перешла к красным[294]. Ликвидация оренбургского направления и выход к Самаре весной–летом 1919 года могли дать белым огромное высвобождение сил за счет значительного сокращения протяженности фронта, существенно упрощали снабжение (появлялась возможность подвоза по железной дороге), срывали готовившийся красными контрудар из района Бузулук—Сорочинская—Михайловское (Шарлык) и давали возможность соединиться с Деникиным, после чего победа большевиков была бы уже невозможна. Дальнейшая борьба в случае успеха белых на Южном Урале становилась для них гораздо легче, положение красных при таких обстоятельствах делалось угрожающим. Все это свидетельствует о том, что борьба за Оренбург имела решающее значение для обеих сторон, однако именно на этом, наиболее трудном этапе наступательный порыв белого Восточного фронта был приостановлен.

Войска Бакича были вынуждены наступать в ужасных условиях по испортившимся весенним дорогам и подтаявшему речному льду. В связи с высоким темпом наступления стали возникать проблемы со снабжением частей, войска были утомлены. 14 апреля корпус получил новую задачу — выйти на тракт Абдулино—Оренбург и вести наступление на сам Оренбург. Справа наступали части Сводного Стерлитамакского армейского корпуса. Слева усиленными переходами по 60–70 верст в сутки двигался к казачьей столице II Оренбургский казачий корпус Генерального штаба генерал-майора И.Г. Акулинина, командир которого пришел к убеждению о необходимости ворваться

в Оренбург на плечах красных, не дав противнику возможности опомниться[295]. Для белых в той ситуации подобное решение являлось единственно верным.

С середины апреля 1919 года на левом фланге Восточного фронта белых началась многомесячная борьба за Оренбург, начало которой в советской историографии традиционно связывалось с разгромом корпуса Бакича[296]. Чтобы понять, имел ли место в действительности этот разгром, необходимо детально проанализировать ход самой Оренбургской операции, или обороны Оренбурга, как писали советские историки. Следует отметить, что как в источниках, так и в исторических исследованиях данные о ходе наиболее интенсивных боев за Оренбург во второй половине апреля 1919 года весьма противоречивы и запутанны, так что далеко не всегда возможно точно воссоздать ход событий.

Итак, 17 апреля войска Бакича вышли на подступы к Оренбургу с северо-востока в районе слияния рек Салмыш и Сакмара. Южнее Сакмары успешно наступал II Оренбургский казачий корпус. Обороняли Оренбург части 1-й советской армии под командованием Г.Д. Гая, который впоследствии отметил, что Бакич «считался ярым противником большевиков и пользовался в армии белых репутацией талантливого полководца»[297]. К этому времени состояние дорог в районе Оренбурга резко ухудшилось, горные реки разлились, во многих местах были снесены мосты. «Была сильная распутица. Проселки… так раскисли, что, если удавалось, солдаты шли не по ним, а «обочь», вдоль, а то и «целиной». Обувь у большинства разваливалась, шли по колено в грязи»[298]. Красные отступили за Салмыш и обстреливали части IV корпуса артиллерией. Войска Бакича готовились к переправе через Салмыш в условиях весеннего половодья, сооружали плоты и мосты. 18 апреля левофланговые части 2-й Сызранской стрелковой дивизии, переправившись через Сакмару у села Никольского, с боем овладели деревнями Верхние и Нижние Чебеньки. 20 апреля дивизия заняла станицу Сакмарскую и фактически в тылу красных развивала успех на Сеитовский посад, расположенный к северу от Оренбурга[299]. По воспоминаниям рядового 5-го Сызранского стрелкового полка А.Ф. Гергенредера, в день переправы через Салмыш солдаты выстроились на топком берегу, вскоре к ним подъехал Бакич, спешился и пошел вдоль строя. «Он выглядел рослым, дородным, одет был в шинель, лицо продолговатое, длинные усы свисали концами вниз, бороды не было. Бакич объявил, что полк должен

«обеспечить тет-де-пон»»[300]. 5-й Сызранский стрелковый полк переправлялся через реку без поддержки артиллерии, которую трудно было успеть подвезти к району переправы. К моменту занятия станицы Сакмарской солдаты 5-го полка в результате переправы и упорных боев были «измученные... так, что уже ничего не соображаешь... некоторые входили в хлев, в сарай, падали на солому и тут же засыпали...»[301]. Появление белых за Салмышем стало полной неожиданностью для командующего 1-й советской армией Г.Д. Гая[302]. Вместе с тем обозы частей, овладевших Сакмарской, так и не были переправлены через Салмыш, и войска ко времени решающих боев оказались лишенными снабжения.

С утра 21 апреля части корпуса начали переправляться через Салмыш в районе Имангулово, Биккулово и поселка Ново-Троицкий. Белым удалось прервать телефонную связь Оренбурга со штабом 20-й Пензенской стрелковой дивизии[303]. 6-й Сызранский стрелковый полк в этот же день с боем занял деревню Майорскую, откуда на следующий день перешел в наступление на станцию Каргала, находившуюся в глубоком тылу Оренбургской группы красных к северо-западу от Оренбурга. В бою 21 апреля ярко проявилась несогласованность в действиях корпусов Бакича и Акулинина, в результате чего 7-й Хвалынский стрелковый полк корпуса Бакича приостановил наступление и вернулся в исходное положение, а часть стрелков перешла на сторону красных. Посыпались взаимные обвинения командиров частей разных уровней, сильно смахивавшие на стремление к самооправданию и перекладыванию вины на соседний корпус. Скорее всего, виноват в случившемся был сам командир 7-го полка. По этому поводу командующий II Оренбургским казачьим корпусом Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин писал Бакичу: «Препровождаю при сем документы, характеризующие недобрососедское и недоброжелательное отношение некоторых лиц Вашего корпуса к частям моего корпуса... Ввиду вышеизложенного прошу Ваше Превосходительство: 1) для установления истины — срочно назначить строгое расследование... 2) Принять меры к восстановлению добрососедских отношений, при которых только и возможно доброжелательное соревнование частей наших в бою...»[304]

22 апреля части IV корпуса переправлялись через Салмыш у хутора Архипова в 7 верстах к востоку от Сакмарской. В связи с быстрым течением реки и малой грузоподъемностью имевшегося здесь парома переправа задерживалась до 23 апреля, в результате чего была

нарушена синхронность наступления дивизий корпуса (2-я дивизия прорвалась в тыл красных, тогда как 5-я все еще не могла переправиться через Салмыш). Даже советские авторы признавали, что «форсировать реку Салмыш весной, во время разлива, при примитивных переправочных средствах, под огнем с противоположного берега представляло большие трудности»[305]. С точки зрения начальника 5-й Оренбургской стрелковой дивизии полковника В.К. Нейзеля через Салмыш «переправляться на лодках, плотах и т.д. совершенно нельзя — многоводная река со страшно быстрым течением и водоворотами даже без сопротивления переправе со стороны красных не давала возможности управлять плотами...»[306] В этот же день части 2-й стрелковой дивизии у деревни Екатериновка захватили обоз красных и более 1000 снарядов. Штаб дивизии перешел в станицу Сакмарскую[307]. Дивизия продолжала свое успешное движение к Оренбургу. План красных, как позднее утверждали советские авторы, сводился к тому, чтобы, позволив IV корпусу переправиться через Салмыш, прижать его к реке и уничтожить[308]. По всей видимости, это стремление выдать желаемое за действительное, так как до 23 апреля инициатива всецело принадлежала белым.

23 апреля войскам IV корпуса было предписано конными частями перерезать линию железной дороги Оренбург—Самара, овладеть Оренбургом и к 26 апреля выйти на линию Новосергиевская–Нижнеозерная. В приказе по корпусу Бакич требовал: «При наступлении войскам широко пользоваться подводами от местного населения. Марши совершать как днем, так и ночью. Конницу не пришивать к пехоте, а выдвигать ее вперед, поддерживая пехотными частями, посаженными на подводы. Всем Начальникам помнить, что от смелости и решительности их действий будет зависеть окончательное уничтожение пр[отивни]ка и захват огромного военного имущества, находящегося в гор[оде] Оренбурге»[309]. В этот день в 10 часов утра белые заняли хутор Сеитовский[310], что стало их максимальным успехом в наступлении на Оренбург, а возле деревни Нижние Чебеньки произошел встречный бой. Севернее, у Имангулова, переправа частей корпуса была замечена красными и приостановлена ими при помощи артиллерийского огня. Части 5-й стрелковой дивизии продолжали переправляться через Салмыш у хутора Архипова, однако в связи с порчей парома форсирование реки продвигалось крайне медленно. В результате был отдан приказ о постройке мостов через рукава разлившегося Салмыша.

24 апреля корпусу было приказано очистить от красных район между реками Салмыш и Янгиз, чтобы позволить частям соседней 10-й Верхнеуральской стрелковой дивизии переправиться у поселка Булановского. В районе хутора Архипова целый день шел бой за переправу. Красные большими силами атаковали со стороны Сеитовского посада и станицы Сакмарской, оставленной белыми накануне вечером. Переправа 5-й стрелковой дивизии была приостановлена.

25 апреля штаб Бакича переехал в деревню Имангулово, располагавшуюся на передовой, для непосредственного руководства замедлившимся наступлением частей своего корпуса. По окончании переправы колонна 5-й стрелковой дивизии стала очищать от красных междуречье Салмыша и Янгиза, другая колонна наступала на Сакмарскую. Бой за переправу у хутора Архипова продолжался. Севернее, возле переправы у Имангулово, красные заняли упорную оборону и не позволяли частям Бакича подойти к переправе. Кроме того, белые силами 7-го стрелкового полка вели наступление в районе деревни Верхние Чебеньки, однако успеха не добились.

26 апреля в районе хутора Архипова через Салмыш, несмотря на обстрел красных, для наступления на свою родную станицу Сакмарскую переправлялся Сакмарский конный дивизион. Красные, сгруппировавшись против правого фланга Бакича (5-я Оренбургская стрелковая дивизия), повели наступление при поддержке 8 орудий. У хутора Архипова в этот день произошел решающий бой. Позднее этот, пожалуй, наиболее яркий и трагический для белых эпизод оренбургской операции стал основой сюжета нескольких художественных произведений, его же талантливо запечатлел в своей картине советский художник Е.Н. Тихменев.

В районе Архипова «река Салмыш разветвлялась на несколько притоков, разделенных островами. Некоторые притоки были довольно глубоки, и прежде, чем дойти до главного русла, приходилось переплывать их на лодках или верхом на лошадях»[311]. К 23 апреля через притоки были сооружены мосты, к вечеру 24-го при помощи корпусного инженера имевшийся в этом районе паром был пущен по стальному тросу, время переправы сократилось с полутора-двух часов до пятнадцати-двадцати минут, скорость переправы соответственно возросла примерно в пять-шесть раз, к тому же теперь переправа стала возможна и ночью. Однако быстрый отход назад при наличии лишь одной паромной переправы был не только невозмо-

жен, но даже и не предполагался белым командованием. Позднее по решению белого руководства было произведено расследование обстоятельств боя 26 апреля, в ходе которого на вопросы следствия ответил начальник 5-й стрелковой дивизии полковник В.К. Нейзель. В отношении обратной переправы он отметил, что «обратный отход не предполагался, а отход под натиском противника ничем иным, кроме катастрофы, не мог быть, и потому приказ о наступлении мною был понят как решительная ставка — или прорыв фронта красных и взятие Оренбурга, или гибель дивизии»[312].

Поскольку фронт белым на участке дивизии прорвать так и не удалось, оставался второй вариант — погибнуть. Именно это и произошло 26 апреля. С утра белые продолжали переправляться через Салмыш. В 14 часов красные при поддержке артиллерии контратаковали в направлении переправы. Белые стали откатываться к переправе, часть стрелков перешла на сторону противника и открыла огонь по своим. Выдвинутые резервы были смяты отступающими и сами стали частично сдаваться. В этой ситуации несколько офицеров 5-й дивизии во главе группы из 150 нижних чинов попытались остановить красных, чтобы позволить основной массе своих стрелков переправиться обратно за реку, хотя такого приказа и не было. Красные не ожидали отпора и стали отходить, но перед самой рукопашной часть стрелков дрогнула и сдалась противнику. Резервов у Нейзеля не было, и красные на плечах стрелков 5-й дивизии подошли к переправе, атаковали паром, расстреливая спасавшихся вплавь из только что захваченных пулеметов. Произошел жестокий бой. Офицеров и казаков в плен не брали. По некоторым данным, потери белых составили до 200 человек убитыми и ранеными и до 1500 пленными. В качестве трофеев красным досталось 3 орудия, 20 пулеметов и 1000 снарядов[313]. Сражение на Салмыше Генерального штаба полковник А.Ю. Лейбург по его кровопролитности назвал «вторым Стоходом»[314]. На мой взгляд, это, скорее, образное сравнение, поскольку сами масштабы операций Гражданской и Первой мировой войн едва ли сопоставимы.

Причина тактического поражения у Архипова, в первую очередь, обусловлена ненадежностью пополнений в 5-й стрелковой дивизии и традиционными пороками старой русской армии, унаследованными белыми. Части были слабо сколочены, вводились в бой без надлежащей подготовки, стрелки не знали своих начальников, началь-

ники не знали подчиненных, в том числе, что особенно важно, из унтер-офицерского состава. В результате на ответственные должности фельдфебелей и взводных попадали большевистские агитаторы, по приказам которых стрелки в бою сдавались красным. К этому следует добавить проблемы в снабжении и переутомление войск после беспрерывных переходов с боями на протяжении целого месяца. Кроме того, крайне подозрительно выглядит одновременность массовых переходов стрелков из корпусов Бакича и Акулинина на сторону красных. В основном сдавались в плен нижние чины, мобилизованные в Троицком и Кустанайском уездах Оренбургской губернии и Тургайской области соответственно.

Как вспоминал позднее командир II Оренбургского казачьего корпуса, из состава которого кустанайцы также перебежали к красным, генерал Акулинин, «перед наступлением к Оренбургу... было прислано пополнение из Кустанайского уезда, находившегося в тылу Оренбургской (Юго-Западной) армии, где большевизм с самого начала революции пустил глубокие корни, особенно среди крестьян-новоселов. Там все время шло брожение, а временами вспыхивали вооруженные восстания целых волостей, подавляемые казаками с большим трудом и с большими жестокостями. Насильно мобилизованные кустанайцы прибывали на фронт озлобленными и настроенными в пользу большевиков»[315]. Таким образом, первопричиной перехода кустанайцев к красным было недовольство крестьян, переселившихся в Зауралье по столыпинской реформе, но не сумевших еще обустроиться на новом месте. Для них мобилизации периода Гражданской войны были особенно тяжелы и встречали самый решительный отпор.

Случаи перехода кустанайцев к противнику имели место в 6-м, 7-м и 42-м Троицком стрелковых полках, в 6-м и 18-м стрелковых полках были даже случаи убийства офицеров. Пулеметчики-кустанайцы из 6-го полка подрезали патронные гильзы, чтобы произвести их разрывы в стволах и вывести из строя пулеметы. Таким способом были приведены в бездействие два пулемета. Совокупность этих фактов позволяет сделать предположение о наличии единой подпольной большевистской организации в среде пополнения из числа кустанайцев. Все эти ошибки и предопределили поражение белых у Архипова.

26 апреля войска Бакича были сломлены и сбиты с правого берега Салмыша. Согласно записи в журнале военных действий IV корпуса,

«остатки наших частей этого участка вплавь переправились обратно через реку Салмыш и отошли к д[еревне] Сергиевка и хут[ору] Сухомлиновский, что в 4–5 верстах южнее д[еревни] Сергиевской»[316]. После отвода оставшихся частей в тыл на участок была выдвинута из корпусного резерва сводная бригада полковника Г.М. Фаддеева. Потерпев поражение, Бакич приостановил активные действия корпуса против Оренбурга. Впоследствии Г.Д. Гай самонадеянно заявлял, что 26 апреля «к 18 часам IV корпус Колчака больше не существовал»[317], что, конечно же, было далеко от реальности. На самом деле Бакич получил жестокий урок и был вынужден на данном участке фронта перейти к обороне, но разгромлен, вопреки утверждениям советских мемуаристов и исследователей, отнюдь не был. Основное подтверждение этому — активные действия его корпуса в дальнейшем. В то же время, по свидетельству помощника командующего Южной группой советского Восточного фронта Ф.Ф. Новицкого, победа на Салмыше, «поднявшая настроение наших войск, развязывала нам руки в отношении использования 24-й дивизии...»[318]. И хотя корпус Бакича, являвшийся единственным и наиболее мощным пехотным соединением среди осаждавших город, разгромлен не был, наступление его на Оренбург не увенчалось успехом.

В чем же причина стратегической неудачи Бакича? По мнению советских военных специалистов, он не сумел сосредоточить все силы на одном направлении, не имел четкого плана наступления, не скоординировал свои действия с действиями соседних корпусов, утратил инициативу, а кроме того, не сумел удержать части корпуса от разложения[319]. На мой взгляд, причины поражения корпуса Бакича под Оренбургом в другом. И об этом советские авторы хотя и знали, но написать не могли. Основной причиной неудачи Бакича была крайняя малочисленность его корпуса, сочетавшаяся с почти полным отсутствием в войсках необходимых технических средств для ведения наступления и переправы через разлившиеся реки. Координация действий с соседними корпусами, отделенными от корпуса Бакича труднопреодолимыми водными преградами, при отсутствии средств связи была практически невозможна. В то время как белое командование было фактически разрозненным, красные имели единый командный центр в Оренбурге и достаточно быстро перебрасывали войска на угрожаемые участки. Сконцентрировать все свои войска в одном месте Бакич не мог — корпус и так едва справлялся с пере-

правой через Салмыш и Сакмару, осуществлявшейся в нескольких пунктах, сосредоточение же всех войск и переправа через реку в одном пункте были не только невозможны технически, но вдобавок могли закончиться полной катастрофой для Бакича. Обстановка на фронте не позволяла ему осуществить переброску всех войск для нанесения одного решающего удара, а корпус был вынужден вести одновременное наступление в нескольких направлениях — на запад, на юго-запад и на юг. Помимо человеческого фактора, одной из основных причин неудачи наступления белых стали погодные условия, не позволившие войскам форсировать водные преграды, вовремя подвезти на передовую артиллерию и успешно решить проблему со снабжением.

27 апреля штаб корпуса переехал в тыл, в деревню Ново-Никитинскую. Красные у хутора Архипова стали переправляться на левый берег Салмыша и оттеснили охранение белых при помощи артиллерийского и пулеметного огня. Тем не менее развить наступление им не удалось, поскольку Татищевский пластунский дивизион и учебная команда 2-й Сызранской стрелковой дивизии отбили переправу. 29 апреля красные вновь попытались атаковать переправу у Архипова, но войска корпуса подпустили их к переправе, а затем встретили сильным обстрелом. В дальнейшем красные постоянно пытались переправиться через Салмыш, но осуществить это им не удавалось. 30 апреля приказом по Южной армейской группе корпус должен был перейти к обороне.

В разгар боев 5 мая Бакич отправил телеграмму в Троицк Войсковому Кругу Оренбургского казачьего войска, в которой сообщал: «Я и войска Оренбургск[ого] армейск[ого] корпуса поздравляют (так в тексте. — *А.Г.*) Войск[овой] Круг [с] праздником оренбургских казаков. Счастлив заявить представителям всего войска, что казачьи части корпуса работают выше похвалы и твердо уверен, что совместными усилиями четвертого корпуса и корпусов Оренбургск[ой] армии столица войска и все станицы округа будут освобождены от продажников (так в тексте. — *А.Г.*) и вновь заживут свободной мирной жизнью под мудрым управлением своих избранников… комкор 4[-го] арм[ейского] ген[ерал-]майор Бакич» (ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 40. Л. 74).

Лишь 10 мая красные смогли потеснить части Бакича. 13 мая из штаба Южной группы была получена директива о перегруппировке

с тем, чтобы Бакич сосредоточил главные силы не на оренбургском, а на стерлитамакском направлении и был готов к переходу в наступление на своем правом фланге[320]. В Оренбургской операции корпус должен был играть теперь лишь пассивную роль, просто поддерживая связь со II Оренбургским казачьим корпусом Отдельной Оренбургской армии при помощи конных частей. Перегруппировка сил корпуса происходила 15 мая. Уже в 20-х числах мая 1919 года войска Бакича вели борьбу на реке Белой.

БОРЬБА ЗА УРАЛ

23 мая 1919 года приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака № 181/оп из частей Оренбургской Отдельной армии, Оренбургского военного округа на театре военных действий и Южной группы Западной армии была образована Южная армия. В состав армии вошел и корпус Бакича. Армия должна была ударом по линии Оренбург—Бузулук—Самара остановить наступление красных против Западной армии. Командующим армией был назначен бывший командующий Южной группой Западной армии Генерального штаба генерал-майор П.А. Белов.

Создание Южной армии было неоднозначно встречено в военных кругах. Так, командир II Оренбургского казачьего корпуса Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин считал это решение ошибочным. По его мнению, расформирование Отдельной Оренбургской армии в момент решающих боев за Оренбург вело к задержкам в наступлении и неразберихе, в результате чего казачья столица, имевшая важное стратегическое значение, так и не была взята[321]. Отношение генерала Акулинина как представителя оренбургского казачества к расформированию казачьей армии понятно. Некоторые неказачьи офицеры иначе относились к данному преобразованию. В частности, служивший в Южной армии Генерального штаба полковник А.Ю. Лейбург писал, что в результате создания Южной армии удалось равномерно распределить пехотные и кавалерийские части по линии фронта и расформировать многочисленные штабы и тыловые учреждения, личным составом которых была пополнена действующая армия[322].

Отношение Бакича к командующему армией, по мнению генерала Щепихина, было не только недружелюбным, но и презрительным, по-

скольку Бакич считал себя ветераном Белой борьбы[323]. Неожиданным союзником Бакича в этом вопросе стал французский военный представитель при Южной армии полковник Пишон, конфликтовавший с генералом Беловым. Французский офицер не упускал случая высоко отозваться о Бакиче и подвергнуть критике распоряжения Белова.

24 мая белыми был оставлен Стерлитамак. Положение на правом фланге корпуса осложнилось. 26 мая штаб IV Оренбургского армейского корпуса переехал в Красную Мечеть. 31 мая Бакич получил приказ оборонять участок между реками Белая и Сакмара, а к вечеру 2 июня необходимая перегруппировка корпуса была завершена. Однако в течение июня, несмотря на то, что в условиях Гражданской войны на Южном Урале летний период позволял шире использовать маневр, корпус пассивно стоял на месте, и лишь изредка происходили незначительные столкновения разведок с противником. Связано это, на мой взгляд, с малочисленностью корпуса, обширным фронтом, который приходилось оборонять, а также с растерянностью белого командования в связи с неудачей весеннего наступления. Абсолютно схожая ситуация сложилась и в соседнем с IV корпусом огромном по меркам Гражданской войны (12 395 штыков и сабель[324]) I Оренбургском казачьем корпусе, который осаждал Оренбург.

9 июня комиссия по текущим делам 3-го Очередного Войскового Круга области войска Оренбургского утвердила ходатайство жителей станицы Магнитной II военного округа, где некоторое время находился штаб Бакича, о зачислении генерала Бакича, подполковника Смольнина-Терванда и прапорщика Г.В. Лютина в почетные казаки по этой станице[325].

11 июня Бакич подписал очередной «программный» приказ по корпусу: «Доблестные войска корпуса[!] Враги нашей Великой Родины коммунисты с их комиссарами доживают последние свои дни, окруженные со всех сторон стальным кольцом верных и преданных людей, восставших за восстановление на Руси правды и порядка и жертвующих своею жизнью для того, чтобы изгнать с ее пределов изменников народа, ее разорителей... Круг крепок, и в общем движении все сильнее и сильнее сжимают (так в тексте. — *А.Г.*) вооруженную толпу большевиков, и не далек тот час, когда все те, кто борется за единую Великую Россию, соединяются (так в тексте. — *А.Г.*) в ее сердце Москве, дабы здесь окончательно

вместе с подлинными избранниками народа решить дальнейшую судьбу Родины, прекратить кровопролитную, братоубийственную войну и изгнать из России тех наймитов жидовского интернационала, кто довели нашу прекрасную Великую страну до теперешнего печального вида. Доблестные солдаты и казаки корпуса! Знайте, что вы делаете великое святое дело и ваша доля работы, трудов и лишений никогда не забудется Родиной. Прочь малодушие и колебание — неверующим в правоту нашего дела не должно быть места среди нас — пусть идут к комиссарам, но памятуя, что в тот Великий радостный день, когда каждый честный сын Родины с гордостью скажет: я бился с врагами народа за благополучие свое и своих внуков, изменники[326] как иуды будут наказаны и Богом, и народом. Плоды наших трудов будут не для них. Вот цель и сущность нашей борьбы, дружные усилия наши дают уже прекрасные результаты, как указано выше, поэтому недопустимо ни малейшей неуверенности со стороны начальников и вообще всех тех, кто понимает, к чему мы идем, к чему стремимся. Еще раз приказываю всем без исключения чинам корпуса разъяснить наши цели, что уже достигнуто и как скверны дела комиссаров, кому положительно скоро некуда будет деваться. Требую от начальников всех степеней путем личной фактической работы среди солдат, еще не уяснивших себе общего положения вещей, разъяснить, что просто глупо и недальновидно с их стороны рассчитывать на царство коммунизма и отсутствия частной собственности где бы то ни было. Это было бы царство лентяев, пропойцев (так в тексте. — *А.Г.*) и негодяев, а не житье честного труженика. Необходимо в этом отношении помнить, что живое слово убежденного в правоте своего дела человека, гораздо сильнее, чем муштра и карательные меры, но отнюдь не забывая того, что Великое дело требует и Великих жертв, почему все, кто мешает нашей работе, будут беспощадно изъяты из нашей среды...»[327] С чем-то в данном документе можно согласиться, с чем-то — нет, но, в любом случае, следует помнить, что это документ своего времени, отражающий взгляды не одного только Бакича.

Во второй половине июня командование стало осуществлять новую перегруппировку. На левом фланге части IV корпуса были сменены XI Яицким армейским корпусом под командованием сослуживца Бакича по Народной армии Генерального штаба генерал-майора Н.А. Галкина. В армейский резерв была выведена 2-я, а затем и 5-я

стрелковые дивизии, фронт корпуса значительно сократился. Общая численность корпуса к 23 июня составляла 3609 штыков, 1586 сабель и 1673 невооруженных бойца при 59 пулеметах и 7 орудиях[328]. В начале июля практически весь корпус, за исключением лишь 1-й Оренбургской казачьей бригады войскового старшины Р.П. Степанова, был отведен в резерв в районе Темясово. Бригада Степанова была с вечера 4 июля временно подчинена генералу Галкину. К этому моменту белыми была оставлена Уфа, шли упорные бои на подступах к Златоусту. Войска белого Восточного фронта под давлением противника постепенно оставляли Урал.

Уже 11 июля корпус Бакича принял участие в боях на новом участке в районе Белорецкого завода. В состав корпуса были включены все части, находившиеся в подчинении атамана II военного округа Оренбургского казачьего войска В.Н. Захарова. Войскам Бакича было поручено ведение активной обороны дороги на Верхнеуральск от Тирлянского и Узянского заводов. Правее действовали части I Волжского армейского корпуса Генерального штаба генерал-майора В.О. Каппеля. Слева — части V Стерлитамакского армейского корпуса Генерального штаба генерал-майора З.Ф. Церетели.

13 июля пал Златоуст, красные стали развивать свой успех на Челябинск. 14 июля Бакич со штабом прибыл в Верхнеуральск. На новом ответственном участке фронта против его корпуса опять сражалась 24-я Симбирская Железная стрелковая дивизия красных, про которую безвестный красный поэт написал позднее революционным слогом[329]:

Натиск белых
бесполезный —
У дивизии
Железной
Мозг железный,
Дух — железный,
И железный
шаг!

Несмотря на то что Бакичу противостояла одна из лучших советских дивизий, он продолжал упорно обороняться по всему фронту своего корпуса (белые корпуса по численности примерно соответствовали красным дивизиям, а иногда были даже слабее последних) и наносил красным чувствительные удары. По оценке генерала Ще-

пихина, «IV корпус лучший по составу и самый надежный (в Южной армии. — *А.Г.*). Это остов всей армии и на самом ответственном посту — собьет его противник, ему рукой подать до ж[елезной] д[ороги] (Троицк) и перерыв связи, снабжения и прочее. Вообще весь тыл висел на волоске, и судьба его всецело зависела от доблести корпуса Бакича... Будь он (Бакич. — *А.Г.*) Генерального штаба, лучшего командующего Южной армией не найти, но он сильно нуждался в руководстве и был всегда в открытой войне со своими тылами. Последняя черта характерна, впрочем, для всех крупных начальников в гражданской войне...»[330]

В упорных встречных боях на подступах к Верхнеуральску 15 июля 33-й Оренбургский казачий и 5-й Сызранский стрелковый полки нанесли чувствительный удар 213-му стрелковому полку красных[331]. В бою 20 июля этот полк потерял почти весь свой командный состав[332]. Отметим также, что ни в журнале военных действий корпуса, ни в других источниках не подтверждается заявление советского историка Л.М. Спирина о том, что в эти дни в районе Рахметова части 24-й дивизии якобы сумели «наголову» разбить 5-ю Оренбургскую стрелковую дивизию и взять в плен начальника дивизии вместе со всем штабом[333].

К вечеру 25 июля части IV Оренбургского армейского корпуса оставили Верхнеуральск и отошли на высоты в 4–5 верстах к югу от города. В этот же день белыми был оставлен Челябинск, занятый частями 5-й советской армии. Новой задачей корпуса Бакича стало окружение и разгром красных в районе Верхнеуральска и овладение заводским районом. Корпусу было придано множество частей и соединений, в том числе и импровизационного характера, как, например, различные отряды местного формирования. Выполнение задачи началось 27 июля, однако из-за необученности пополнений (11-я Сибирская стрелковая дивизия) эта операция не удалась. По свидетельству генерала Щепихина, в 11-й дивизии, сформированной из новобранцев, «солдаты плохо обучены; это обучение прервано — не прошли курса стрельбы даже; воспитание не на высоте, да офицеры были малоопытны и малоавторитетны... Офицеры были молодцы, отличные гимнасты, вероятно не хуже и стреляли, но с солдатом обойтись, подойти к нему не умели. Это были отличные рядовые бойцы и только»[334]. Разумеется, неслаженное соединение без подготовленных офицеров, в котором было распро-

странено панибратское отношение нижних чинов и командного состава, не могло дать хороших результатов в боевой обстановке. В этой связи понятно негативное отношение Бакича к присылке такого пополнения[335].

29 июля штаб корпуса переехал в станицу Магнитную, где находился вплоть до 20 августа. По всей видимости, именно к этому периоду относится характеристика Бакича сельским учителем поселка Кассельского Ф. Утешевым, по свидетельству которого Бакич — «высокий сухощавый генерал с загорелыми от солнца впалыми скулами, с темно-серыми глазами», на генерале были френч и барашковая шапка[336].

Начало августа в боевой жизни корпуса Бакича характеризуется оборонительными боями и нанесением коротких, но чувствительных ударов по противнику. В частности, в боях с Бакичем понес значительные потери и был отведен в тыл уже упоминавшийся 213-й стрелковый полк красных. На фронте корпуса успешно использовалась авиация[337]. Корпус удерживал громадный по протяженности фронт, «ввиду чего на некоторых боевых участках, сравнительно с превосходными (т.е. превосходящими по численности. — *А.Г.*) силами противника, было сравнительно мало наших сил»[338].

В связи с переброской V Стерлитамакского армейского корпуса под Оренбург фронт IV корпуса оказался растянутым еще сильнее. 4 августа был оставлен Троицк. Войска Бакича оказались в непростом положении: расположенные уступом впереди всего Восточного фронта белых, они были вынуждены все сильнее растягивать свой фронт для поддержания связи с отступавшими главными силами. Между тем части 5-й советской армии, наступая на восток вдоль Транссибирской магистрали, к 15 августа вышли на линию реки Тобол, и Бакич, действовавший южнее Транссиба, оказался в их глубоком тылу, но для активных действий его сил было явно недостаточно. Тем не менее войска наступавшей 5-й армии, оторвавшиеся от своих соседей справа и слева, поплатились за свою беспечность в ходе Тобольско-Петропавловской операции.

О своей совместной с Бакичем службе в Южной армии вспоминал начальник снабжения армии (с 16 июня 1919 года) генерал С.А. Щепихин. И хотя некоторые высказывания Щепихина кажутся откровенной клеветой на Бакича, в частности относительно участия последнего в Оренбургской операции, я считаю своим долгом приве-

сти данную характеристику полностью. Итак, Щепихин писал: «Но вот в Южной армии, после долгого перерыва я снова встретил Бакича. У Бакича уже имя; он привык, что с ним считаются: ведь его четвертый корпус (Сызранцы — кадр), пусть даже в еле полковом масштабе, — стержень всей южной, Дутовской[339], Армии был в течение полугода (так в тексте. — *А.Г.*). Да и теперь, в Армии Белова, корпус Бакича — самая прочная часть. Какая-то надломленность чувствовалась в Бакиче; излучалась от него какая-то обреченность. Он, видимо, раскаивался в глубине души, что оторвался от частей Волжской добровольческой Армии[340], носившей непонятное, но идущее к ее сущности и идеологии название «Народной». Нередко не то с завистью, не то с досадой на самого себя, он говорил об успехах и лаврах, выпавших на долю Каппеля… «Если бы я был там!» — повторял Бакич… Да, там, среди своих он считал бы себя равным, а здесь пришлось подчиниться «пришлому человеку» — так называл он Белова. Бакич полгода работал в этом районе, не раз спасал он положение всего Дутовского фронта и самый Оренбург. Его, конечно, здесь баловали… и он, подчиняясь высокоавторитетному среди казаков, которых все же здесь была главная часть, Дутову, в тайниках души мнил себя его прямым наследником. И вдруг — такое разочарование. От Белова я вытягивал лишь одни намеки, но по ним не решаюсь делать выводов. Ясно было одно, что трещина между Беловым и Бакичем давно — еще с соседства, хотя и в разных армиях, по весеннему наступлению[341]. Да, ничего не поделаешь — слаб человек. Слаб был и Бакич — новый конкурент, «мальчишка» был для него бельмом… И не впервые Бакичу торговаться со своей совестью и идти наперекор ей: были, очевидно, прецеденты и на р. Салмыш, под Оренбургом, где он с удовольствием, злорадством наблюдал и шаг на месте Белова на этой реке… И, конечно, было бесполезно ожидать от Бакича высокого сознания долга перед общим делом. Подняться на такую высоту он, быть может, был бы в состоянии еще на Волге, среди своих, еще не зараженный червем карьеризма. Но теперь вкусивши — Бакич мог только закидываться. И вот я был свидетелем, как он молчаливо, но упрямо и расчетливо проводит свой план, независимо от Командарма и отрывается от Армии, прижимаясь к левому флангу общего Восточного фронта… И что Белов [–] первоначальная тому причина [–] явствует из того, что как только в Атбасаре (по завершении похода остатков Южной армии через сте-

пи) появился Дутов — Бакич первый его приветствовал, охотно пошел на соединение и добровольно разделил с Дутовым его судьбу, проделав бесцельный, бесславный поход на Семипалатинск—Сергиополь—Чугучак. Большого размаха у Бакича не было, но в своей ограниченной сфере он был на месте. Не думаю, чтобы Южная армия была счастливее под его руководством, — единственный плюс, пожалуй, был бы тот (правда, говорить об этом приходится задним числом), что тогда корпус Бакича не оторвался бы, какой бы план ни был выдвинут Бакичем. Но это значения не имеет: Бакич остался Бакичем! Человек он с большой волей и не поддающийся никаким влияниям. Это, при его общей узости в военном деле, огромной важности данные: для человека ограниченного упрямство часто пагубно. И вот Бакич в своей душе решил еще ранней весной девятнадцатого года, на Салмыше, под Оренбургом, что для него приемлем один Дутов... И он идет за ним, ведет сотни людей ему, Бакичу, преданных, беззаветно, по-геройски, отчаянно... Куда Дутов — туда и я — хотя ясно, что его место было в тех рядах, где блистали еще имена Каппеля, Перхурова, Вержбицкого и других. Но упрямство есть упрямство... И оно всегда приносит горькие плоды. В своем корпусе, по крайней мере, в его кадрах с Волги, — Бакич был полный хозяин, распорядитель его судьбой — эта спайка была заложена с Волги, чувствовал ее Бакич отлично и ничто не могло свернуть с этого пути, пути до некоторой степени, обособленности: Бакич избежал в силу этого той грубой ошибки, которую допустил Каппель, разжиживший (так в тексте. — *А.Г.*) свои кадры всяким хламом. Помню, как запротестовал Бакич, когда ему Белов послал на фронт 11 Сиб[ирскую] стр[елковую] див[изию] — нового, омского формирования. И откуда столько чутья!»[342] Возможно, характеристика Щепихина и отражает отношение Бакича к своим начальникам и сослуживцам, но полностью согласиться со всеми оценками автора нельзя.

Однако вернемся на фронт корпуса Бакича, где 25 августа произошли решающие события. В этот день, в связи с успехами наступления красных на Восточном фронте, на их сторону уже во второй раз (!) перешел штабс-ротмистр М.Л. Муртазин, командовавший Башкирской конной бригадой (1-й и 2-й Башкирские конные полки), в тот же день башкиры приняли участие в боевых действиях против своих недавних сослуживцев[343]. И вновь действия Муртазина повлияли на боевое счастье Бакича, однако на этот раз перешли в наступ-

ление уже не белые, как весной 1919 года, а красные. Корпус с боями отходил по казачьей территории в сторону Тургайской степи. При отступлении Бакич считал необходимым, во что бы то ни стало сохранить связь с белым Восточным фронтом, а не уходить на зимовку в Туркестан, как предлагал командарм Южной[344]. Между прочим, красное командование планировало нанести решающий удар по войскам Белова севернее города Орска, — как раз в том районе, где действовал Бакич[345]. Однако осуществить этот план не удалось. Более того, при осмотре 24-й стрелковой дивизии командующим Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе, последний нашел ее сильно потрепанной и дезорганизованной, значительный процент комсостава выбыл из строя, материальная часть находилась в безобразном состоянии[346]. По всей видимости, в этом есть и заслуга корпуса Бакича, измотавшего одну из лучших дивизий противника.

К вечеру 30 августа на фронте корпуса красные вышли на линию Яйсан—Орск—Бреды, разрубив фронт Южной армии на две части, одну из которых составил корпус Бакича, отрезанный от основных сил армии. Командующий армией П.А. Белов еще 26 августа директивой № 04442/оп приказал Бакичу: «В случае потери связи с[о] Штабом армии пробиться к проводу Актюбинск — Орск в обход гор[ода] Орска с востока, прикрыв себя со стороны последнего заслоном»[347]. План командарма сводился к тому, чтобы вывести армию на зиму в Туркестан. Однако Бакич этот приказ не исполнил.

Согласно записи в журнале военных действий корпуса, отход соседнего XI Яицкого армейского корпуса поставил войска Бакича в очень тяжелое положение. В тот период IV Оренбургский армейский корпус держал оборону «примерно около 100 верст уступом впереди общего фронта армии, прикрывая ст[аницу] Павловскую, где находились брошенные Южной армией армейские склады, часть коих была вывезена из означенного пункта средствами Корпуса, что увеличивало удаление Корпуса от армии. Ввиду вышеизложенного исполнение вышеуказанной директивы — пробиться с частями Корпуса к проводу Актюбинск — Орск, не представлялось возможным, так как указанный район был уже занят противником; а также ввиду невозможности соединиться с остальными частями Корпусов армии по причине занятия противником города Орска и труднопроходимости для войск в смысле отсутствия воды, продовольствия, фуража и населенных пунктов в районах к востоку и

юго-востоку от города Орска, по которым корпус должен был бы следовать»[348]. Надо сказать, что приказу Белова об отходе в Туркестан не подчинился ни один из четырех корпусных командиров. Более того, считая Белова военным преступником, командующий XI Яицким армейским корпусом Генерального штаба генерал-майор Н.А. Галкин и начальник 21-й дивизии того же корпуса генерал-майор К.Я. Гоппер собирались его арестовать[349]. Армия, и в первую очередь казачьи части, не хотели и даже боялись «идти в пески», в результате чего начались массовые сдачи в плен, приведшие к полному развалу Южной армии. По различным подсчетам, на фронте 1-й советской армии в сентябре 1919 года сдалось в плен от 30 до 57 тысяч человек[350].

В итоге Бакич решил «вывести войска Корпуса с их вооружением, а также имуществом, из-под удара противника со стороны гор[одов] Троицка, Кустаная и Орска, дабы сохранить части Корпуса и войти в связь с Западной армией в районе города Атбасара»[351]. Войска по приказу комкора должны были отступать двумя колоннами (северной, под командованием войскового старшины Р.П. Степанова, и южной, под командованием полковника В.А. Вишневского), прикрытие осуществляли авангард (есаул В.Н. Захаров) и арьергард (полковник В.Н. Нагаев). Северная колонна прикрывала главные силы корпуса, двигавшиеся в составе южной колонны. Авангард Захарова должен был уничтожать вооруженные банды в Кустанайском районе, арьергард — сдерживать натиск красных. 5-я Оренбургская стрелковая дивизия, оторвавшись от основных сил корпуса, отходила к станции Эмба[352].

3 сентября штаб корпуса оставил станицу Елизаветинскую, покинув территорию Оренбургского казачьего войска, с которой был связан почти год упорной борьбы. Начались вынужденные скитания по диким, неприспособленным для жизни человека местностям. Временно была прервана связь с армией.

В СТЕПЯХ

Части корпуса с боями отходили к реке Тобол, причем движение по степи сопровождалось всевозможными неожиданностями. Тургайская степь буквально кишела тогда отрядами самого разного толка: здесь были и части белых, отколовшиеся от отступавшей Южной

армии, и анархиствующие зеленые отряды (например, Волжский конный отряд), и киргизские банды[353], грабившие и убивавшие одиночных людей. Очевидец писал: «Кругом расстилалась необозримая степь, покрытая желтеющим ковылем, изредка пересекаемая балками или невысокими возвышенностями. Никогда еще Тургайские степи не были так оживлены от стука и скрипа такого множества телег и фургонов, как в осень 1919 года»[354].

Любопытно, что Волжский конный отряд эсера Б.К. Фортунатова, действовавший в степи и против белых, и против красных, ставил своей задачей из Южной армии «выхватить... волжских добровольцев, еще когда-то вместе с полковником Махиным отошедших от Самары к Оренбургу»[355]. Эсеры и осенью 1919 года все еще не оставили мечты о воссоздании собственного противобольшевистского фронта! 6 сентября отряд Фортунатова в районе поселка Туфаньевского столкнулся с частями Бакича. Причем произошел следующий, на мой взгляд, закономерный случай, — узнав о намерении Фортунатова идти на Волгу, солдаты 2-й Сызранской стрелковой дивизии решили идти вместе с ним, чем сильно обеспокоили Бакича, стремившегося сохранить войска. По описанию одного из офицеров Волжского конного отряда, явно враждебного «реакционным» белым, корпус Бакича «представлял из себя табор из громадного обоза... Генерал Бакич говорил, что у него 20 000 человек, из коих только три-четыре тысячи боевых. Женщин обилие везде, до штаба корпуса включительно. Солдаты были все деморализованы паникой от давления красных, от восстания и усталости. Уезжая с фронта, бросали ценное инженерное имущество, оружие, снаряды, расхищали вещи ценные для личного потребления и для продажи крестьянам, как то: белье, сахар, обмундирование, обувь и проч[ее]. Находили в озерах пулеметы, снаряды, за отсутствием в степи топлива жгли [на] костре винтовки. Подобного разложения я не видел в жизни»[356]. Принимая во внимание данную оценку, нельзя не отметить, что корпус Бакича в описываемый момент являлся еще вполне боеспособным соединением, кроме того, корпус сопровождало огромное количество беженцев, которые не считали для себя возможным остаться на территории, подвластной большевикам.

11 сентября Бакич получил сведения о начавшемся в ходе Тобольско-Петропавловской операции контрнаступлении белого Восточного фронта и отдал приказ частям корпуса остановиться и занять выжи-

дательное положение. Корпус расположился в степном районе к юго-востоку от Кустаная у станции Ак-Суат. Все беженцы должны были продолжать движение к Атбасару.

Директивой штаба Верховного Главнокомандующего на корпус Бакича была возложена задача прикрывать направление Атбасар—Кокчетав со стороны Орска и Кустаная и восстановить связь с правым флангом Южной армии через Тургай. В состав корпуса были временно включены партизанские отряды генералов А.П. Перхурова и Н.П. Карнаухова[357]. Партизаны Перхурова и Карнаухова совместно с конницей Р.П. Степанова должны были овладеть Кокчетавом и установить связь с Отдельной Степной группой Генерального штаба генерал-майора Д.А. Лебедева, действовавшей севернее.

В этот период произошла реорганизация армии, затронувшая и IV Оренбургский армейский корпус. Приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего и Главнокомандующего Восточным фронтом армий Генерального штаба генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса от 18 сентября 1919 года № 1074 Южная армия переименовывалась в Оренбургскую, в командование армией вступал генерал-лейтенант А.И. Дутов[358]. Сведения о реорганизации 20 сентября достигли Бакича, корпус которого, некоторое время находившийся в непосредственном подчинении штаба главковерха, был включен теперь в состав армии.[359] Общая численность отступавших войск Оренбургской армии составляла до 20 тысяч человек[360].

В двадцатых числах сентября Бакич предпринял ряд попыток взять Кустанай, но, как выяснилось, город был занят крупными силами красных, и попытки его захвата пришлось прекратить. После этого в течение месяца части корпуса фактически бездействовали, лишь изредка вступая в мелкие стычки с разъездами и разведывательными партиями противника. Бездействие негативно сказывалось на духе войск. «Даже на казаках заметно, как они одурели от тоскливой стоянки», — отметил очевидец[361]. По другой оценке, в частях корпуса повсеместно велись усиленные занятия. «Куда ни посмотришь из деревни, везде идут занятия, раздаются команды», — писал молодой оренбургский казачий офицер А.О. Приданников[362]. Сохранилось любопытное свидетельство о его встрече с Бакичем 29 сентября в селе Чулоксай, где дислоцировался штаб корпуса. Приданников записал тогда в своем дневнике: «Наконец мы (группа выпускников Оренбургского военного училища. — *А.Г.*) увидели идущего по улице генерала. Он тоже обратил на нас свое внимание и знаком руки позвал

к себе. Узнав от нас, кто мы такие и причину нашего приезда в Чулоксай, генерал направил нас к начальнику штаба, разъяснив, как его найти. Оказалось, что этот встретившийся генерал и был командир 4-го корпуса, ген[ерал] Бакич»[363].

Сохранилось и еще одно свидетельство о Бакиче: «...подобных «корпусных дам» и семей в Чул-Аксае (Чулоксае. — *А.Г.*), по рассказам, было немало. Даже сам командир корпуса генерал Бакич живет с дамой — зубным врачом, и этот роман тянется у них с тех пор, когда он воевал вместе с чехами на берегах Волги...»[364] Другой современник свидетельствовал, что впоследствии, уже в Китае, Бакич женился на молодой девушке[365]. По меркам Гражданской войны, ничего удивительного в наличии у Бакича любовницы при живой супруге не было, к примеру, точно так же поступали атаман Дутов и адмирал Колчак[366]. Избранницей Бакича стала Ольга Федоровна Якименко, служившая в 1918 году зубным врачом в гарнизоне Сызрани, а позднее во 2-й Сызранской стрелковой дивизии и при штабе IV Оренбургского армейского корпуса. На новые места службы она переводилась одновременно с самим Бакичем. В июле 1920 года, находясь в Китае, в лагере на реке Эмиль, она покончила с собой во время припадка истерии[367]. Подробнее об обстоятельствах ее гибели будет сказано ниже.

30 сентября генерал Перхуров получил приказ командарма перейти в состав Степной группы генерала Лебедева и привести с собой отряд Фортунатова, обещав всем вернувшимся амнистию[368]. Командование не понимало, что Фортунатов уже окончательно порвал с белыми и в этот период со своим отрядом занимался на Южном Урале мародерством[369]. Впрочем, в тяжелых условиях степного района, при наличии проблем в обеспечении войск продовольствием на «самоснабжение» перешли и части Оренбургской армии. Для нескольких десятков тысяч человек, отступавших с территории Оренбургского казачьего войска, это был единственный способ выжить.

В начале октября расположение корпуса посетил атаман А.И. Дутов. В это же время в некоторых частях 2-й Сызранской стрелковой дивизии началась эпидемия тифа, было много случаев заболевания со смертельным исходом. В середине месяца значительно похолодало, а части корпуса не имели зимней одежды. Тем не менее к 20 октября, отмечалось в журнале военных действий корпуса, «в частях Корпуса, как у офицеров, так и у солдат, несмотря на трудные местные условия, настроение хорошее, в некоторых даже — отличное»[370].

14 октября 5-я советская армия вновь переправилась через Тобол и перешла в наступление. Белые отходили к следующему рубежу — реке Ишим. Как записал в эти дни в своем дневнике служивший в корпусе Бакича военный врач 35-го Оренбургского казачьего полка Л. Головин, «не вырисовывается у храброго Колчака война, черт бы ее взял. Мы же теперь (т.е. IV Оренбургский армейский корпус. — *А.Г.*) — голова и хвост, и могучее тело дутовской Оренбургской отдельной армии»[371]. Головин имел в виду то, что корпус Бакича составил костяк армии Дутова.

Лишь с вечера 23 октября красные (Кокчетавская группа 5-й армии) перешли в наступление против Бакича. Через день их наступление приобрело широкомасштабный характер. Дутов приказал Бакичу выделить два конных отряда (полковника Р.П. Степанова и войскового старшины Савельева) для переброски на север, к реке Ишим, с целью обороны переправы через нее, поддержания связи с частями генерала Лебедева и прикрытия направления на Кокчетав. Остальные части корпуса должны были отходить в направлении на Атбасар. В связи с отсутствием зимней одежды, перевязочных средств, отступлением, эпидемией тифа, приближением зимы и полной неизвестностью в будущем, участились случаи дезертирства из частей корпуса. Бежали в основном казаки, стремившиеся вернуться в родные станицы, чтобы заняться хозяйством.

29 октября 1919 года красные заняли Петропавловск и начали практически безостановочное преследование белых вдоль Транссибирской магистрали. На левом фланге белого Восточного фронта войска Бакича отступали к Ишиму, а к вечеру 30 октября штаб корпуса прибыл в Атбасар. Дутов рассчитывал занять оборону по реке Ишим, чтобы прикрыть сосредоточение главных сил армии. Не исключено, что из района Атбасар — Кокчетав белое командование предполагало нанести фланговый удар по войскам 5-й армии, уверенно наступавшим вдоль Транссиба[372]. Как писал 31 октября командарм А.И. Дутов Верховному Правителю адмиралу А.В. Колчаку: «Будь теплее и сапоги, шинели и полушубки, тогда бы армия была стальной. То, что в ней осталось, закалено и испытано, и только ее одеть, дать артиллерию и винтовки, и она будет драться до последнего»[373].

В связи со значительным усилением эпидемии тифа и натиском красных закрепиться на Ишиме не удалось. Дутов приказал оставить у реки разведывательные части, а основным силам продолжать

движение к Атбасару форсированным маршем с целью закончить сосредоточение к 8 ноября и приступить к переформированию и укомплектованию корпуса. По причине отступления войска потеряли соприкосновение с противником.

6 ноября было получено известие о переименовании Оренбургской армии приказом главковерха в Отдельную Оренбургскую. В этот же день сосредоточение армии было приостановлено. Части корпуса заняли оборону в районе городов Атбасар—Кокчетав. Вплоть до получения 19 ноября известия о сдаче Омска (оставлен белыми 14 ноября) армия стояла на месте, на фронте корпуса Бакича было спокойно. Лишь после получения вести о падении столицы белой Сибири отступление было продолжено, к тому же на фронте Отдельной Оренбургской армии вновь активизировались красные. Как писал Генерального штаба полковник А.Ю. Лейбург, из всей армии «только 4-й корпус и был пока боеспособным, и собственно весь фронт держался пока только им и двумя казачьими полками 1-го [Оренбургского казачьего] корпуса»[374].

ГОЛОДНЫЙ ПОХОД

22 ноября стало известно об обходе Атбасара красными с севера и северо-запада и их выходе в тыл армии Дутова. Вплоть до полудня штаб Бакича оставался в городе, после чего во избежание плена покинул Атбасар. Корпус Бакича отходил в арьергарде армии. Для обеспечения прохождения обозов от Атбасара к Акмолинску и ликвидации прорыва противника по южному берегу Ишима были направлены отряды под общим командованием есаула В.Н. Захарова. Красные 25–26 ноября вели наступление на фронте, а кроме того, искусно маневрируя, в ночь на 26 ноября обошли Акмолинск с севера и овладели им, захватив часть обоза корпусного интендантства и других управлений IV Оренбургского армейского корпуса. Началась сдача в плен одиночных бойцов и даже мелких частей из состава корпуса. Красные продолжали действовать в тылу Отдельной Оренбургской армии и наступали в направлении на Каркаралинск, где находился штаб армии.

По степени тягот, выпавших на долю отступавших частей Дутова, из всех белых армий с ними могут сравниться, пожалуй, только войска Отдельной Уральской армии, почти полностью погибшей в

Туркестане в начале 1920 года[375]. В полном смысле слова для оренбуржцев это был «Голодный поход», — именно такое название уже в эмиграции получил поход частей армии по практически безжизненной северной Голодной степи в Семиречье в конце ноября — декабре 1919 года[376]. По-настоящему этот анабазис стал крестным путем Отдельной Оренбургской армии, войска которой отступали по малонаселенной, голодной местности, ночуя под открытым небом[377]. Резали и ели лошадей и верблюдов. У местного населения отбиралось все — продукты, фураж, одежда, транспорт, но и этого было недостаточно для многотысячной людской массы. За все реквизируемое, как правило, выплачивались деньги, хотя и не всегда в должном размере[378]. Смертность от холода и истощения возрастала, соперничая со смертностью от тифа. Тяжелобольных оставляли умирать в населенных пунктах, умерших не успевали хоронить, и обременяли этим печальным обрядом местных жителей. Войска двигались большими переходами, оторвавшись от противника. На отставших одиночных солдат и казаков часто нападали киргизы, причем невозможно было даже узнать, куда исчез человек.

Армия была деморализована, и разложение, в том числе и в корпусе Бакича, приняло чудовищные масштабы. В первых числах декабря на сторону красных практически в полном составе, исключая офицеров, перешли 22-й Оренбургский казачий полк (кроме второй сотни), 35-й Оренбургский казачий полк, первая батарея 5-го артиллерийского дивизиона и комендантская команда штаба сводной Оренбургской казачьей бригады полковника В.Н. Нагаева. При отходе от Атбасара в городе осталась сотня дивизиона есаула Малятина и много солдат и казаков из состава корпуса, на сторону красных перешла понесшая большие потери сотня (45 шашек) дивизиона есаула Ведерникова вместе с командиром сотни[379]. Как сообщалось в корпусном журнале военных действий, «ввиду перехода вышеуказанных частей на сторону противника боевой состав корпуса очень маленький и небоеспособный, так как в оставшихся частях корпуса настроение у солдат и казаков плохое»[380].

Части IV корпуса отступали на Каркаралинск, пытаясь максимально долго удержаться у Спасского завода. При подходе армии к Каркаралинску стало известно, что 1 декабря красные овладели Семипалатинском, а 10 декабря взяли Барнаул, не оставив войскам Дутова шансов соединиться с основными силами белого Восточного

фронта. Возможен был единственный путь дальнейшего отхода — в Семиречье, где действовали части Отдельной Семиреченской армии под командованием генерал-майора Б.В. Анненкова. 6 декабря приказом Бакича в Каркаралинск должны были быть отправлены все больные и излишние обозы, связь с некоторыми частями корпуса была потеряна. В арьергарде корпуса отходил атаман Захаров. 10 декабря Бакич прибыл в Каркаралинск, где части корпуса должны были сосредоточиваться для дальнейшего движения на Сергиополь, на присоединение к войскам атамана Анненкова. 13 декабря Каркаралинск был занят красными.

В период с 14 по 31 декабря войска корпуса в арьергарде армии отходили тремя колоннами к Сергиополю. Этот отрезок пути (550 верст от Каркаралинска до Сергиополя) был одним из наиболее тяжелых для отступающих: ко всем прежним бедам, преследовавшим армию, добавилось и то, что в свои права вступила зима с двадцати-тридцатиградусными морозами. В условиях пустынной степной местности, продуваемой всеми ветрами, для голодных, истощенных многодневными переходами людей это было смертельно опасно. По свидетельству участника похода, «снега да бураны морозные, холод да голод... Пустыня безлюдная... Люди гибнут и лошади дохнут сотнями — от бескормицы валятся... Кто на ногах еще бредут кое-как с отшибленной памятью... Поголовный тиф всех видов увеличивает тяжесть похода: здоровые везут больных, пока сами не свалятся, спят в пустынной местности все вместе, прижавшись друг к другу, здоровые и больные... Отстающие погибают»[381]. По одной, достаточно резкой характеристике, многие взрослые мужчины — штатские участники похода из интеллигенции во время этого отступления психологически надламывались и вели себя значительно менее достойно, чем женщины. Как писал один из авторов, «самым нелепым, никудышным и смешным, убогим, а иногда и просто отвратительным элементом на протяжении всего пути и жизни в Китае был интеллигентный мужчина — горожанин»[382].

Участник похода Генерального штаба полковник А.Ю. Лейбург вспоминал: «Две картины этого похода никогда не изгладятся из моей памяти: это картина страшной степной метели и ожесточения человека в борьбе за жизнь. Огромная снеговая туча обтянула все небо, и густая пелена задернула свет. Неожиданно настала ночь. Наступил ужасный степной буран, когда пустынный ветер разыгрался на

просторе [и] взрыл снеговую беспредельность. Белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной ночи, окутал все. Снежный прах слепил глаза, занимал дыхание, все кругом ревело, свистало, выло и трепало со всех сторон. Двигаться вперед, да еще и без дороги, было невозможно. Все сгрудились вместе, стараясь укрыться за подводами. И все, эти люди, лошади и повозки, покрывалось густым снежным прахом»[383].

Борясь за то, чтобы просто выжить, люди ожесточались. Второй эпизод, поразивший полковника Лейбурга, как ни прискорбно, был характерен для той катастрофической ситуации, в которой оказались остатки армии и многочисленные беженцы. Заняв покинутый жителями аул, «начальник Отдельной Туркестанской стрелковой бригады старый полковник Р. (командир какого-то саперного батальона в мирное время), войдя в одну из... зимовок и выгнав всех, увидел в ней лежащего офицера, женщину и ребенка. Офицер болен тифом, его жена ухаживает за ним. Когда полковник Р. узнает, что этот офицер не принадлежит к чинам его бригады, он приказывает им убираться из зимовки. И никто не возмутился, никого не тронуло беспомощное, и так много пережившими, положение женщины, ребенка и больного офицера. Им пришлось уехать на подводе дальше. Что с ними стало, остались ли в живых или погибли от мороза и голода в степи?»[384].

Аулы, зимовки и пикеты с продовольствием и фуражом на пути отступления армии имелись, но далеко не в том количестве, какое требовалось для многотысячной людской массы[385]. Первоначально красная конница преследовала отступавших, но примерно на полпути соприкосновение с противником было потеряно. Новый год части корпуса встречали уже в районе Сергиополя. Во время похода в одной из стычек с противником погиб начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии генерал-майор В.А. Вишневский, оренбургские казаки также понесли тяжелую утрату — погиб известный оренбургский партизан полковник А.М. Булгаков[386], армия потеряла и командира 33-го Оренбургского казачьего полка войскового старшину Савельева[387]. Данные о численности и потерях армии Дутова в ходе Голодного похода сильно различаются. По одним, вероятно завышенным данным, по приходе в Сергиополь было зарегистрировано 33 тысячи человек из 60 тысяч, отступивших с Южного Урала[388]. По другим данным, в армии Дутова было до 40 тысяч человек, из которых лишь 3 тысячи боеспособных[389]. Наиболее близким к действительности следует

считать третий вариант, согласно которому из 20-тысячной в районе Кокчетава армии до Сергиополя дошло около половины состава[390]. Наконец, о 12–14 тысячах человек, из которых было 1–2 тысячи боеспособных, писал еще один белый мемуарист[391].

В СЕМИРЕЧЬЕ. АТАМАН АННЕНКОВ

29-летний талантливый организатор белых партизан полковник Б.В. Анненков еще в декабре 1918 года во главе своей Партизанской дивизии был направлен в Семиречье для борьбы с повстанцами Лепсинского и Копальского уездов (Черкасская оборона). Однако усмирение восстания затянулось почти на год, до октября 1919 года. Покинуть Семиречье и усилить в переломный период лета 1919 года своей дивизией белый Восточный фронт Анненков, несмотря на приказ Колчака, не захотел и продолжил бороться с восставшими семиреченскими крестьянами. В октябре за победу над ними приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака Анненков был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и чином генерал-майора. После ликвидации Черкасской обороны Анненков повел борьбу с частями Семиреченского фронта красных. Были взяты города Копал и Джаркент. В декабре 1919 года в Семиречье по приказу Колчака была образована Отдельная Семиреченская армия, численностью 7200 штыков и сабель и 6 орудий. Не будет преувеличением сказать, что к началу 1920 года Анненков в Семиречье находился на положении местного князька, который, если это было в его интересах, подчинялся центральной власти, а, если нет, — действовал по собственному усмотрению. Явных соперников он старался устранять. В частности, арестовал и изгнал из Семиречья Войскового атамана Семиреченского казачьего войска Генерального штаба генерал-майора А.М. Ионова.

Приход в Семиречье истощенных, обескровленных дутовцев, 90% которых, по утверждению Бакича, были больны различными формами тифа[392], был встречен сравнительно благополучно существовавшими анненковцами враждебно, были даже случаи вооруженных столкновений[393]. Позволю себе подробнее остановиться на этом малоизвестном и постыдном моменте в истории Белого движения.

Впоследствии, уже находясь в Китае, Бакич просил китайские власти разместить анненковцев отдельно от чинов его отряда (бывших

дутовцев). В апреле 1920 года он писал по этому поводу: «Имея же в виду ни чем не удержимый антагонизм между частями вверенного мне Отряда и частями Генерала Анненкова, порожденный допущенными последними насилиями и грабежами в минувших Декабре, Январе и Феврале месяцах по отношению к переносящим в это время эпидемию тифа чинам моего Отряда, я прошу разместить партизан[394] в случае перехода их на территорию Китая не в лагере на р. Эмиль, а в другой местности, удаленной от моего лагеря не менее чем на 150 верст. Только при соблюдении этих моих предположений я могу ручаться за то, что не будет столкновений между моими солдатами и партизанами Генерала Анненкова, могущими (так в тексте. — *А.Г.*) привести к очень нежелательным беспорядкам»[395]. В другом своем письме, адресованном генералам Н.С. Анисимову, А.Н. Вагину и Г.М. Семенову, Бакич отмечал, что «способ командования и порядки в партизанских частях Атамана Анненкова, где не соблюдались основные требования военной службы, отрицались законность и порядок, допускались невероятные бесчинства и грабежи, как по отношению к мирному населению деревень и станиц, а равно и по отношению к чинам моего отряда, вследствие болезни не могущих постоять за себя, вызвало озлобление против партизан Генерала Анненкова со стороны чинов моего Отряда. Памятуя, однако, общую цель — борьбу с большевиками, пришлось со многим мириться и принять совместное участие в боях по тракту Сергиополь—Урджарская...»[396]

«Не только жители, но и Оренбургская армия, — писал Бакич в сентябре 1920 года директору Русско-Азиатского банка, — после перенесенного трудного похода от Каркаралинска, попав в район оперирования партизан Анненкова, не мало испытала горя и лишения от своеобразного хозяйничанья на русской земле над русскими же людьми — защитниками Единой России «Брата Атамана» и его помощников. Больных и изнуренных походом и недостатком продовольствия офицеров и солдат бессовестно обирали партизаны и районные коменданты Атамана. От вышедших же вместе с армией беженцев было отобрано буквально все до последних пожитков заместителями «Брата Атамана», есаулами Козловым и Арбузовым, Власенко и другими...»[397] Достаточно ярко характеризует Анненкова и еще один пример, приведенный Бакичем. «Надеюсь, что Вам также небезызвестно, — писал он урумчийскому генерал-губернатору, — поведение Генерала Анненкова и его отряда во время нахож-

дения последнего на перевале Чулак (Сельке). Там все офицеры и солдаты, пожелавшие по каким-либо причинам оставить его отряд, по приказанию Генерала Анненкова раздевались почти донага и изгонялись из отряда — вдогонку же им высылались разъезды солдат или киргиз, вооруженные самим Анненковым, которые уничтожали несчастных. Полагаю, что Вам также известен неслыханный еще в истории случай, когда в отряде Анненкова на том же перевале Чулак, около сорока семейств офицеров его же отряда и беженцев были безжалостно ограблены, женщины и девушки от 7 до 18 лет изнасилованы, а затем зарублены»[398]. Публикуемые документы полностью подтверждают те сведения о зверствах анненковцев, которые были опубликованы советскими юристами в 1991 году на страницах «Военно-исторического журнала»[399] и достоверность которых ранее мне казалась сомнительной[400]. Факты произвола анненковцев по отношению к дутовцам содержатся и в других источниках[401]. Один из участников Белого движения на Восточном фронте, характеризовавший себя как «простого русского интеллигента... волею судеб одевшего мундир армии адмирала Колчака»[402], отмечал, что «прислушавшись ко всем рассказам местных жителей, очевидцев, и судя по отношению Анненкова к Оренбуржцам, для нас стало ясно, что мы попали в самое после большевиков, бесправное место и, если что атаману (Анненкову. — *А.Г.*) взбредет в голову, то он с нами и сделает»[403].

Сам же Анненков в своем приказе от 31 (18) марта 1920 года цинично написал: «Итак, двухлетняя борьба в Семиречье дала грустные результаты, благодаря только лишь приходу таких «беженцев-гастролеров» как Дутов, пришедший с оборванными, голодными и разутыми людьми, везя с собою массу баб, но без снарядов и патронов, привезя с собою тиф и развал»[404]. Позднее, уже на суде, Анненков был менее резок в оценках и отметил: «Когда армия Дутова вошла в расположение моих войск, она являлась полностью небоеспособной. Это были разложившиеся части, стремительно катившиеся к китайской границе. Вместе с ними шло упадническое настроение во всех частях верст на 900 по фронту. К тому же большинство людей оказались больными тифом. По сути, вся армия представляла собой сплошной тифозный лазарет. Ни одна кавалерийская часть не двигалась верхом, все ехали на санях. Создалось положение такое, что, если не принять решительных мер, наступит всеобщее разложение, паника, все сразу рухнет, и будет полнейший крах. Во многих частях армии оказались малодушные, которые, видя

наши неудачи на Восточном фронте, думали, что все пропало. Я считал необходимым принять самые срочные меры, чтобы вывести армию из катастрофического положения... По этому поводу издали приказ, категорически запрещавший под угрозой немедленного расстрела распространение панических слухов, проматывание и продажу казенного имущества, оружия. В приказе также отмечалось, что, как командующий Отдельной Семиреченской армией, я рассматриваю для себя нравственным и служебным долгом считать одинаково близкими сердцу бойцами своих старых подчиненных и вновь влившихся в армию, как одинаково отдающими свои жизни и здоровье во благо Родины, и не делать между ними никаких различий. Я преклонялся перед мужеством, героизмом и преданностью Родине частей армии генерала Дутова, перенесшей массу лишений и невзгод по пути отступления из Оренбургской губернии...»[405] Однако на практике отношение анненковцев к дутовцам было далеко не таким благожелательным.

По приходе в Семиречье 13 января 1920 года в журнале военных действий корпуса Бакича была сделана следующая запись: «Ввиду развала частей всего Восточного фронта и трудного положения Отдельной Оренбургской армии, на долю которой выпал тяжелый крест, вследствие чего войскам 4-го Корпуса, входящим в состав Оренбургской армии, пришлось сделать весьма продолжительные, почти беспрерывно в течение полугода, передвижения, сначала из района Оренбургской губернии к Аральскому морю, далее через Иргиз, Тургай и Атбасар в район гор[одов] Кокчетав, Петропавловск и Каркаралинск, в район города Сергиополя. Все те трудности, лишения и разные невзгоды, которые перетерпели Войска лихого 4-го Оренбургского Армейского Корпуса вместе с командиром Генерал-Майором Бакич и Начальником штаба, Генерального штаба Полковником Смольниным во время этого продолжительного марша по пустынно-степным областям — не поддавались описаниям; лишь благодарное потомство дорогой родины России по достоинству оценит боевую службу, труд и лишения истинно-русских людей, преданных сынов своей Родины, которые ради спасения своей Великой Отчизны самоотверженно встречали всякие мучения и терзания. Совершив небывалый в истории поход, преодолев все невероятные трудности, победив даже самую природу, лихие храбрые духом войска 4-го корпуса под руководством своего боевого командира вышли благополучно в населенный район, где им удалось передохнуть, оправиться и привести себя

в должный порядок. Но ввиду невероятных антисанитарных условий во время вышеуказанного похода по пустынно-степным районам эпидемия тифа всех видов достигла повального характера и, к великому прискорбию, много хороших бойцов выбыло из строя. Ввиду полного отсутствия укомплектований — ряды частей корпуса сильно поредели, и вся боевая организация в частях корпуса была нарушена»[406].

По свидетельству участника событий И. Еловского, «хотя оренбургский отряд и занимал свои позиции, удерживая таковые, но не мог уже быть по-прежнему боеспособным, так как почти весь отряд превратился в повальных больных тифом. Части с каждым днем таяли. Смертность была ужасающая. Медикаментов никаких почти не было, а также и ухода. Хотя госпиталь Красного Креста и принимал больных, но на весь отряд было мало госпитальной администрации. Медицинским персоналом делался обход по квартирам расположения частей, где находились больные. Иногда среди больных два, три человека умирали и лежали вместе с больными по несколько дней, так как не только вынести умерших, но подать пить больным было зачастую некому. Случалось, что, вследствие недосмотра, один или несколько человек, находясь в сильном бреду, выходили из квартир в одном белье, босые, и разгуливали, при 25–30° холода, по снегу. От каждой части назначались особые команды, которые беспрерывно рыли могилы и носили туда умерших. Зарывали в одну могилу иногда до 25 человек. Жители сел, в которых размещался отряд, тоже повально были все больны; их положение было еще хуже, так как похоронить умершего, вырыть могилу было некому...»[407].

От тифа, как острили в штабе, не страдало лишь два человека: «генерал Бакич, потому что русская вошь не кусала иностранцев, (Бакич был серб) и начальник автомобильной команды, который «заспиртовался», благодаря постоянной близости с бочками со спиртом»[408]. В то же время ходили слухи, что сам Бакич был ранен и раненым доставлен в Сергиополь[409]. Тем не менее, по оценке противника, в Семиречье корпус Бакича, как и ранее, оставался наиболее боеспособным соединением из состава армии Дутова[410]. Той же оценки придерживались и белые, считавшие Бакича одним «из лучших ее (Отдельной Оренбургской армии. — *А.Г.*) командиров корпусов»[411]. Между тем войска Бакича испытывали серьезную нехватку боеприпасов, вынудившую их в конечном итоге оставить Семиречье. Как писал уже в Китае сам Бакич, «все мои просьбы к Генералу Анненкову о снабжении патронами моих частей оставались безре-

зультатными, хотя таковые, впоследствии доставшиеся красным в Учарале, имелись в большом количестве...»[412]. Отказывалось анненковцами и в выдаче дутовцам продовольствия и фуража, причем сам Анненков отлично знал обо всем происходящем[413]. Кроме того, как писал в своем отчете особоуполномоченный Российского Общества Красного Креста С.С. Аксаков, анненковцы в станице Урджарской с ведома начальника штаба Анненкова полковника Н.А. Денисова отобрали много имущества (лошадей, медикаменты и т.д.) у медицинского персонала, пришедшего с оренбуржцами, причем «генерал Бакич был бессилен в этот период и ничего сделать не мог»[414], сами же анненковцы заявляли дутовцам, «что мы (дутовцы. — *А.Г.*) им не нужны, что мы убирались бы вон с территории Семиреченского района»[415].

Однако положение красных, противостоявших Бакичу в Семиречье, было немногим лучше. По признанию одного из советских авторов, «красноармейские части Семиреченского фронта до самого конца 1919 г. не обладали серьезной стойкостью и дисциплиной, что отрицательно сказывалось на их боеспособности. Даже оперативные вопросы нередко решались на митингах красноармейцев»[416]. Присылка пополнений на Семиреченский фронт осуществлялась начиная с октября 1919 года, но фактически до конца марта 1920 года красные не могли добиться перелома в свою пользу.

Приказом генерал-лейтенанта А.И. Дутова по Отдельной Оренбургской армии № 3 от 6 января 1920 года все части, учреждения и заведения армии сводились в отдельный «Отряд атамана Дутова». Штаб армии, штаб Оренбургского военного округа на театре военных действий, все управления Отдельной Оренбургской и Южной армий, корпусные штабы и часть дивизионных и бригадных (3-й Оренбургской казачьей дивизии, Туркестанской отдельной стрелковой и 4-й кадровой бригад) подлежали расформированию. В отряд были включены 1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии, а также Отдельная Сызранская Егерская бригада, которые пополнились личным составом всех расформированных соединений. Все чины штабов, команд, управлений и учреждений, приданные штабам, передавались на усиление следующих соединений: I Оренбургского казачьего корпуса и 3-й Оренбургской казачьей дивизии — в 1-ю Оренбургскую казачью дивизию; IV Оренбургского армейского корпуса — во 2-ю Оренбургскую казачью дивизию; Туркестанской Отдельной стрелковой бригады — в Сызранскую Отдельную Егерскую бригаду[417]. После переформирования состав отряда стал следующим[418]:

Подразделение	Командир	Численность
1-я Оренбургская казачья дивизия	полковник Р.П. Степанов	
1-я бригада	полковник Т.О. Савельев	
33-й Оренбургский казачий полк	полковник А.И. Скорняков (по другим данным, полковник А.П. Прокопьев)	2000
Атаманский полк II военного округа Оренбургского казачьего войска	войсковой старшина В.Н. Захаров	2000
2-я бригада	полковник А.С. Колокольцов	1500
1-й Оренбургский казачий полк	войсковой старшина К.С. Колокольцов	
4-й Оренбургский казачий полк	полковник Д.В. Кочнев	
2-я Оренбургская казачья дивизия	генерал-майор А.С.Шеметов	до 3500
1-я бригада	генерал-майор Попов	до 2000
Оренбургский казачий атамана Дутова полк	полковник Савин	
14-й Оренбургский казачий полк	полковник Кузнецов	
2-я бригада		до 1500
15-й Оренбургский казачий полк	полковник Глебов	
16-й Оренбургский казачий полк	полковник Малюков	
2-я Оренбургская инженерная сотня		
Оренбургский конно-артиллерийский дивизион		
Отдельная Сызранская Егерская бригада	генерал-майор Никитин	до 3000
1-й Сызранский егерский полк	полковник Чигарин	до 2000
2-й Сызранский егерский полк	подполковник Малеев	
Конно-егерский полк	полковник Евгеньев	
Киргизский конный дивизион Зеленого Знамени		
Сызранский егерский артиллерийский дивизион	капитан Полонский	
Артиллерийская батарея	полковник Д.Н. Кирхман	
Отдельные, технические, санитарные части и учреждения		
Конвой начальника отряда	полковник Мурзиков	200
Автомобильный отряд		
Радиостанция		
1-й полевой госпиталь	старший врач Чемоданов	
15-й госпиталь	старший врач Сергеев	
173-й госпиталь	старший врач Лебедев	
Госпиталь № 5–8	старший врач Борзаборатов	

Всего в отряде: до 15 000 человек, в том числе до 7000 штыков и до 2000 сабель при 200 пулеметах и 5 орудиях.

Начальником отряда с правами командира неотдельного корпуса тем же приказом назначался командир IV Оренбургского армейского корпуса генерал-майор А.С. Бакич[419]. Впрочем, на этот счет существуют разночтения. По данным журнала военных действий IV корпуса Бакич получил права командира отдельного корпуса[420]. Добавим, что, по сведениям атамана Дутова, изложенным им лишь накануне своей гибели, в начале 1921 года, Бакич в своих целях тиражировал этот приказ с преднамеренно сфальсифицированной записью о предоставлении ему более широких прав командира отдельного корпуса[421]. Поскольку подлинник приказа мне неизвестен, а весьма вероятно, вообще не сохранился, установить истину в этом немаловажном вопросе пока не представляется возможным. Сам Дутов стал гражданским губернатором Семиреченского края. Возможно, Анненков опасался конкуренции со стороны своего более известного соперника и стремился убрать Дутова из армии[422]. Отряд атамана Дутова был включен в состав Отдельной Семиреченской армии генерала Анненкова и подчинен последнему во всех отношениях. Штаб отряда был сформирован из штаба IV корпуса и штаба Отдельной Оренбургской армии, начальником штаба стал верный Бакичу Генштаба полковник Смольнин-Терванд. В последнем приказе Дутова по армии говорилось: «Тяжелый крест выпал на долю Отдельной Оренбургской Армии. Велением судьбы войскам пришлось сделать весьма продолжительные, почти непрерывные в течение полугода, передвижения, — сначала из района Оренбургской губернии к Аральскому морю, далее через Иргиз, Тургай и Атбасар в район Кокчетав—Петропавловск. Отсюда через Акмолинск и Каркаралинск в район Сергиополя. Все те трудности, лишения и разные невзгоды, которые претерпели войска Оренбургской Армии, во время этого продолжительного марша по пустынно-степным областям не поддаются описаниям. Лишь беспристрастная история и благодарное потомство по достоинству оценят боевую службу, труд и лишения истинно русских людей, преданных сынов своей Родины, которые ради спасения своей Отчизны самоотверженно встречают всякие мучения и терзания...»[423]

Как писал один из участников событий, «задача генерала (Бакича. — *А.Г.*) была далеко не легкая, потому что армия была поголовно вся больная и из 12–14 тысяч человек только около 1–2 [тысяч] мож-

но было, и то с трудом, поставить под ружье. Подтягивание армии и ее переформирование шли вплоть до нового года[424]. Вид подходящих частей самый ужасный: не люди, а живые трупы, порой без всякого белья, только в одном тулупе и валенках. Медицинской помощи почти никакой за неимением медикаментов, при самом скверном питании. Только крепкие натуры казаков могли нечто подобное выдержать»[425].

Переформирование происходило с 14 по 19 января (с 1 по 6 января по старому стилю, установленному в Семиречье Анненковым)[426]. При включении оренбуржцев в состав Отдельной Семиреченской армии Анненков изъял их армейские средства в размере 90 миллионов сибирских рублей, 1,5 пуда золота, принадлежавшего II военному округу Оренбургского казачьего войска и другие ценности[427]. Впоследствии, уже находясь в Китае, Дутов писал Бакичу: «...я отвечу на Ваш вопрос, почему я не остался при отряде. Вы отлично сознавали, что оставить отряд за собою и подчиниться Анненкову я не мог. То есть лично я бы это сделал, раз это было нужно, но войсковой Атаман Оренбургского войска, а тем паче походный Атаман казачьих войск сделать этого не мог, — иначе подчинение было бы признанием атаманства Анненкова, что даже тогда было невозможно. Оставалось одно решение: передать Вам и уйти самому. Жить при отряде, напр[имер] в Бахтах было, очевидно, невозможным. Я бы Вам мешал и стеснял, даже невольно, да и Анненков жил рядом, что не сулило удовольствия. Уезжая в Лепсинск, как [в] центр края, я ехал с подавленным настроением и ехал в ссылку... Дальнейшая жизнь и работа в Лепсинске несколько сгладила горечь моего пребывания вдали от отряда. За последний я был спокоен: во-первых, люди были спаяны лишениями уже два года; во-вторых, почти все одного места; и в-третьих, я Вам отдавал отряд, знал, что делал, т.е. был уверен в порядке и сохранении отряда. Я знал, что Вы ради дела сумеете быть и политиком и поступитесь личными своими симпатиями и привычками. Я был прав. Будучи спокоен за отряд, я начал борьбу с Анненковым тихо и планомерно... Казаки-семиреки ненавидели Анненкова и охотно подчинялись мне»[428].

Автор одной из характеристик, относящихся к этому периоду, служил в армии Колчака и впервые встретился с Бакичем в Семиречье. Он отмечал, что «генерал Бакич сам из южных славян, говорит с большим акцентом, очень прост и доступен в обращении, во все сам лично вникает и чем только может помочь, всегда готов все сделать. Вечно в хлопотах и заботах, всюду за всем смотрит сам, как хороший хозя-

ин, и энергии не теряет, хотя перед ним почти безнадежная задача (сохранить армию. — *А.Г.*). Характер у него как [у] южанина горячий, но скоро успокаивается и, если что не по нему, то накричится вволю, но худого не сделает; дисциплина у него строгая, но справедливая; офицеров держит в руках, за что те — распустившиеся за последнее время — его иногда недолюбливали, в особенности те, которые попали к нему из других частей. Солдаты же его любили и готовы за ним идти всюду. Безобразий и насилий, о которых приходилось постоянно слышать при проезде через армии Дутова и Анненкова, мне со времени вступления в командование отрядом Бакича[429] слышать не приходилось»[430].

19 (6) января белыми был оставлен Сергиополь. Части под сильным давлением войск противника отходили по тракту Сергиополь — Чугучак, заняв позиции у Нарынского пикета. Штаб отряда 21–25 (8–12) января находился в Благодатном, 28 (15) вечером прибыл в Урджарскую. Тыл Бакича часто беспокоили так называемые «горные орлы» — зеленые партизаны, действовавшие в горах Тарбагатая и боровшиеся за власть крестьянства. Однако борьба между этими партизанами и белыми носила отнюдь не тотальный характер, чем-то напоминая войны прошлого. К примеру, 31 (18) января несколько стрелков отдельной Сызранской Егерской бригады были захвачены «горными орлами» во время фуражировки, обезоружены и после опроса отпущены[431].

2 февраля (20 января) приказом войскам Отдельной Семиреченской армии начальник отряда атамана Дутова генерал-майор А.С. Бакич был назначен командующим частями Северного фронта армии и заместителем Анненкова, а через день принял фронт. Таким образом, в его подчинение поступили уже не только части бывшей Отдельной Оренбургской, но и части Отдельной Семиреченской армии. На следующий день Бакич отдал приказ о прикрытии пункта Бахты, расположенного в четырех верстах от границы с Китаем. Вероятно, уже тогда он задумывался об оставлении его войсками пределов России и стремился избежать участи быть отрезанным от границы, окруженным и уничтоженным превосходящими силами красных, однако «не хотел переводить своих славных оренбуржцев через границу на положение простых беженцев, а потому приказал держаться до последней возможности»[432]. По всей видимости, в этот период Бакич получил от Анненкова в качестве награды часы и шашку. (ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 97)

8 февраля (26 января) Бакич писал генерал-майору И.М. Зайцеву: «Нет ни Анненковцев, ни Дутовцев, а чины единой Семиреченской армии»[433]. В жесткой форме он требовал от бывшего начальника штаба Отдельной Оренбургской армии подчинения, отмечая, что «допущенная Вами анархия при расформировании Штарма[434] и Управлений Вам подчиненных вопреки Определенному приказу № 3, благодаря чему неизвестно куда делось и расхищалось ценное казенное имущество и деньги, вынуждают меня просить Командарма до выяснения ликвидационной комиссией всех виновных в расхищении и получения Ваших объяснений по этому поводу как Наштарма Оренбургской временно задержать Вас в районе Семиреченской Армии...»[435]

Вплоть до конца февраля нового стиля красные на фронте Бакича никакой активности не проявляли, что было связано не только с их организационными и дисциплинарными затруднениями, но и с невозможностью наступления от Сергиополя через Тарбагатайский перевал в зимнее время. Лишь 4 марта (20 февраля) на сергиопольском направлении небольшой отряд красных занял поселок Карабулакский. На следующий день они стали развивать успех, но были остановлены и отброшены назад частями Бакича. 9 марта (25 февраля) белые вели разведку на сергиопольском направлении, но вплоть до реки Кара-Кол противника не оказалось. Не исключено, что командование красных таким образом давало возможность анненковцам уйти в Китай, предоставляя своеобразный «золотой мост». Однако войска Анненкова этот шанс не использовали. В то же время надеяться на победу над большевиками и длительное удержание Семиречья было уже бессмысленно. Какой логикой руководствовалось белое командование в Семиречье в этот период — сказать сложно.

НА ЧУЖБИНЕ

Начиная с 16 (3) марта 1920 года заметным стало усиление красных против Северного фронта Отдельной Семиреченской армии. Уже 17 (4) марта части Бакича были сбиты с горных перевалов, которые удерживали. Началось отступление. 21 (8) марта была сдана Урджарская, штаб Бакича переехал в поселок Маканчи. Войска, чувствуя бесперспективность сопротивления на клочке земли в нескольких верстах от китайской границы, дрались неохотно, начинали прояв-

лять недисциплинированность. В частности, станица Урджарская была оставлена ими без разрешения Бакича, предполагавшего дать решающий бой на ее подступах. 22 (9) марта красные вновь оставались пассивными, что не может не вызвать недоумения. 23–24 (10–11) марта они возобновили наступление и заняли Маканчи. Части Бакича теперь обороняли последний населенный пункт на русской территории — поселок Бахты.

26 (13) марта уже велись переговоры с губернатором Китайского Туркестана (Синьцзяна) в Урумчи о возможности перехода отряда на китайскую территорию. Переговоры вели полковники Д.Н. Кирхман, Я.М. Розенбаум и капитан Полонский при содействии российского консула в Чугучаке В.В. Долбежева. Для уполномоченных вести переговоры была составлена специальная инструкция, включавшая 9 пунктов[436]. Переговоры шли непросто, китайцы колебались. Пытаясь спасти многочисленных беженцев, Бакич просил передать губернатору, что «вблизи границы в 4–5 верстах оставлять беженцев нельзя, т.к. банды красных, наверное, будут их уничтожать, тогда как посты пограничной стражи не в состоянии предотвратить этого»[437]. Обсуждались также различные варианты сдачи оружия. Китайцев особенно интересовали пулеметы. Предлагалось сдать оружие в обмен на снабжение отряда продовольствием. Кроме того, никто не предполагал, что китайцы потребуют сдачи оружия даже офицерами (револьверы и шашки). Сам Бакич рассчитывал перейти границу, сохранив вообще все оружие, чтобы затем по территории Китая выйти на тракт Чугучак–Кульджа и соединиться с частями Анненкова для продолжения борьбы и выполнения его приказов как командующего армией[438]. В итоге вооружение отстоять не удалось и согласно достигнутой договоренности сдаче подлежало все оружие, кроме необходимого для охраны денежных ящиков (по 4 винтовки на часть), а после перехода границы отряд должен был разместиться лагерем возле реки Эмиль в 40 верстах к юго-востоку от приграничного китайского города Чугучак, где имелись вода и фураж. Про этот день начальник штаба Бакича записал в журнале военных действий отряда: «Вследствие неблагоприятно сложившейся общей обстановки на всем восточном фронте и в отдельности на фронте Семиреченской армии и большого недостатка огнестрельных припасов в частях Отряда и Северного фронта, для сохранения живой силы отряда Командиром отряда и Начальником Штаба Отряда совместно с Начальниками всех дивизий отряда было решено — со всем отря-

дом перейти на Китайскую территорию, где интернироваться, сдав оружие пограничным Китайским властям и поступить, согласно международного трактата[439], под покровительство Китайского Правительства»[440].

27 (14) марта рано утром отряд выступил в направлении границы. Сдав оружие китайской пограничной страже, войска колоннами проследовали в район будущего лагеря на реке Эмиль. С переходом границы была утрачена связь с Анненковым и Дутовым. Сам Бакич перешел границу одним из последних[441]. Прикрытие перехода границы и разоружения осуществлял отряд полковника А.С. Колокольцова, на позиции восточнее поселка Бахты были установлены два артиллерийских орудия. Вечером того же дня отряд Колокольцова с боем оставил Бахты и, сдав оружие, перешел в Китай. По заслуживающим доверия данным советской разведки, границу пересекли 1238 офицеров, 232 чиновника, 72 врача, 78 сестер милосердия, 16 священников, 8017 солдат и казаков, 516 членов семей военнослужащих, 8076 лошадей, 1904 повозки[442]. По уточненным данным штаба Бакича, перешедших границу в составе отряда было больше: офицеров и чиновников перешло 1814, солдат и казаков — 8039, членов семей военнослужащих — 785 и около 5000 гражданских беженцев из Оренбургской и Уфимской губерний[443]. Таким образом, примерный (в связи с отсутствием отдельной статистики по военным чиновникам и медперсоналу) боевой состав отряда составлял 9853 человека.

По свидетельству участника событий, красные рассчитывали на сдачу отряда на границе, однако, поняв, что этого не произойдет, предприняли попытку окружить отступавших, встреченную шквальным огнем уходивших в изгнание остатков былой армии Дутова, и отступили[444]. Позднее красная конница подъехала к границе, причем «со стороны красных неслось пение революционных песен, крики «ура!», видны были насмешливые и угрожающие жесты по адресу перешедших»[445].

Личный состав отряда атамана Дутова на границе сдал все оружие, как огнестрельное, так и холодное, офицерам не было разрешено сохранить даже почетное оружие. Отдать оружие, особенно холодное, часто достававшееся по наследству от дедов, было морально крайне тяжело для казаков. На границе «было устроено подобие ворот из двух китайских знамен, через которые должны проходить части отряда. Приемом оружия заведовали китайские власти из го-

рода Чугучака, при сдаче присутствовал ген[ерал] Бакич. Были случаи, когда казаки, не желая сдавать своего оружия, пытались объехать стороною, но генерал Бакич зорко следил и смельчаков возвращал обратно, заставляя их сдать оружие»[446]. Начальник автомобильной команды С.Е. Хитун вспоминал: «Вдоль линии вооруженных винтовками китайских солдат идут станичники, сбрасывая свои винтовки в одну кучу на земле. Китайский чин с поднятым меховым воротником, с каждым очередным лязгом, делает пометку в книге. «Расплата русским оружием за китайское убежище», — пронеслось у меня в уме»[447]. Отряд Бакича сдал китайским властям 4253 винтовки, 252 револьвера, 2404 шашки, 42 бебута[448], 275 ручных гранат, 144 пулемета, 4 орудия, 139 522 патрона и 25 снарядов[449].

Все вооружение было отправлено китайскими властями на хранение в чугучакскую крепость. Есть данные о том, что часть винтовок и даже пулеметов белым все же удалось спрятать от китайцев[450]. Не изымалось охотничье и карманное оружие, предназначавшееся для самообороны. Сохранял свое вооружение и личный конвой Бакича. Можно предположить, что с целью сохранения оружия при переходе границы численность конвоя была завышена и заявлена в 20 офицеров и 200 нижних чинов[451]. Однако ввести китайцев в заблуждение не удалось, и конвой Бакича был ограничен 20 чинами. В то же время, в полном составе, со знаменем и всем вооружением китайскую границу пересек Атаманский полк под командованием полковника Савина. На требование сдать оружие Савин заявил, что сложит его лишь по приказу атамана Дутова. Позднее этот полк прибыл в лагерь на реке Эмиль, где и находился под охраной всего отряда[452]. Место для лагеря, как сообщал Бакич Дутову, было временным и через месяц по договоренности с китайцами должно было быть сменено, однако в итоге отряд так и остался на Эмиль до весны 1921 года[453].

На десятиверстном пространстве правобережья реки Эмиль к 1 апреля (19 марта) 1920 года расположились лагерем все части отряда. За короткий срок здесь из подручного материала были построены землянки, шалаши, бараки, столовые и церкви. Кроме того, от китайских властей было получено 100 юрт[454]. Возник целый город с правильной планировкой. Китайскими властями в целях надзора была прислана команда китайских солдат, которые должны были поступить в подчинение русскому коменданту лагеря.

Город Чугучак, расположенный недалеко от лагеря, являлся цент-

ром приграничной торговли, в нем проживало до 30 тысяч жителей[455]. По свидетельству очевидца, «жизнь Чугучака, как всякого восточного города, сосредоточена почти и исключительно на торговле. Невероятное количество лавчонок приводило первое время беженцев в полнейшее недоумение: кто же покупает, когда все продают? Торгует и китайский губернатор, и чиновники, и баи, и ребятишки, вообще все, кто в состоянии сидеть за прилавком, перед разложенным на земле товаром или бродить по улице... В сущности, Чугучак — огромный базар. Он ведет деятельную торговлю со степью, из которой из-за сотен верст притекает в него сырье. В свою очередь город снабжает степь суембой (?! — *А.Г.*), кирпичным чаем, дрянным кожевенным товаром, урюком, спичками и проч.»[456].

Непросто складывались взаимоотношения Бакича с властями Синьцзяна и с местным населением. Уже через неделю после перехода границы, 4 апреля (22 марта), при продаже револьверных патронов произошла драка между чинами отряда и китайцами, участников драки с русской стороны отдали под китайский суд, однако по просьбе командования отряда дело было замято[457]. По соглашению с китайскими властями в отряде была сохранена прежняя организация и управление. Вскоре после перехода границы Бакич писал чугучакскому дутуну (военному губернатору Тарбагатайского округа Синьцзянской провинции и заведующему внешними сношениями в Чугучаке) Чжану в ответ на приведенные последним обвинения, выдвинутые советским комбригом К.А. Салтыковым: «Никаких отрядов из киргиз, как Вам известно, я не формирую и не собираюсь формировать на гостеприимно принявшей нас китайской территории. Что касается заявлений, что я как будто бы собираюсь воевать с большевиками еще 60 лет, то прошу верить, как Вам неоднократно заявлял в присутствии Российского Консула, что лично я, как и все чины отряда, свято будем соблюдать все правила, относящиеся к нам, как к интернированным войскам согласно международным трактатам и соглашениям. Мною принимаются все меры, чтобы никто из чинов отряда самовольно не мог бы покинуть пределы лагеря. Тех же чинов, которые по тем или иным причинам оказались в Чугучаке или вообще вне лагеря, мною приказано, хотя бы силой, водворить в лагерь...»[458] Более того, Бакич разрешил китайцам всех чинов отряда, отлучавшихся из лагеря без разрешения, наказывать «без всякого снисхождения»[459]. Вообще, положение русских беженцев в самом Чугучаке было крайне тяжелым и практически бесправным[460]. Что касается местных китайских влас-

тей, то они выступили против функционирования на их территории русских военно-полевых судов[461], хотя в отряде Бакича такой суд действовал[462]. Бакич осознавал, что судьба всего отряда зависела исключительно от отношения к интернированным китайских властей, и был готов на компромиссы. Под давлением большевиков, интересовавшихся вопросом сдачи отрядом Бакича оружия, дутун просил Бакича с конвоем ездить в Чугучак безоружными[463].

Первое время жизнь в лагере была особенно тяжелой. Как писал Бакич 2 мая (19 апреля) российскому консулу в Чугучаке В.В. Долбежеву, «до сих пор расход денег произведен только на покупку мяса, считая по 1/2 фунта в день на человека и на самое минимальное количество соли. Никакого другого приварка подчиненные мне войска не получают и меню ежедневное выражается в воде с мясом и хлебе»[464]. Отсутствие соли и овощей в рационе грозило развитием цинги. Кроме того, после мытарств осени 1919 — зимы 1920 года основная масса чинов отряда была одета в тряпье, так как войска не получали нового обмундирования с начала 1919 года[465].

В отношении довольствия отряда губернатор Чжан просил чинов отряда не беспокоиться — «приготовим все, что как можно (так в тексте. — *А.Г.*)»[466]. Однако на практике дело обстояло иначе. За наличные средства отряда (в распоряжении Бакича в бывшем казначействе Северного фронта Семиреченской армии имелось 8 миллионов сибирских рублей[467], однако в Синьцзяне имели хождение только царские рубли, обменивавшиеся на сибирские по курсу 1:100[468]), заготовку дров для китайцев[469] силами русских казаков и солдат, а также за армейские средства, имевшиеся в распоряжении консула Долбежева, китайцы организовали присылку продовольствия в лагерь из расчета в 0,25 (иногда — 0,5) фунта баранины и 1 фунт (410 г) хлеба на человека в сутки. Кроме того, русские войска, вероятно, в качестве платы за продовольствие использовались на работах по исправлению дороги Чугучак—Сетер[470]. Несмотря на договоренность и финансирование, продукты, и прежде всего хлеб, доставлялись несвоевременно, что китайцы объясняли малым количеством мельниц в районе и неточностью весов. Общая недостача в поставках ко 2 мая 1920 года составляла 1406 пудов, или 23 с лишним тонны, муки[471]. Бакич писал, что в систематическом недовесе муки он усматривает «явный ущерб казне Российского Государства, которое впоследствии будет рассчитываться с правительством Великой Китайской республики за отпущенную Отряду муку»[472]. Как выяснилось позднее, ки-

тайцы сбывали муку на сторону[473]. Обещанного китайцами увеличения дачи муки на человека в сутки не последовало. Частично продовольствие удавалось получать из запасов, имевшихся в распоряжении консула Долбежева (8000 баранов, 10 000 пудов пшеницы, 1500 пудов риса, 350 пудов табака)[474]. Кроме того, сам Бакич закупил еще 1500 баранов. Однако к лету 1920 года эти запасы стали подходить к концу. С целью получить средства, необходимые для существования отряда, Бакич весной–летом 1920 года обращался к российскому посланнику в Пекине князю Н.А. Кудашеву, консулу в Кобдо, генералам Н.С. Анисимову, А.Н. Вагину и Г.М. Семенову, однако практически ничего не добился. Посланник в Пекине князь Н.А. Кудашев сообщал, что денег нет, пообещав запросить по вопросу о помощи Париж[475]. И единственным, кто хотя бы пытался помочь отряду, был атаман Семенов[476].

Для обеспечения своего отряда Бакич в апреле–мае 1920 года конфисковал все серебро бывшей Отдельной Семиреченской армии (243 пуда), находившееся в Чугучаке, а также реквизировал скот (8000 баранов), закупленный колчаковским правительством на нужды армии[477]. По некоторым данным, часть средств удалось получить от богатых сартов, являвшихся русскими подданными[478]. Этими мерами он существенно облегчил положение отряда. Имел ли он право на такие действия? Думаю, что в тех тяжелейших условиях, в каких находился его отряд, а, кроме того, учитывая степень развала армии, отступившей в Китай разрозненными группами, Бакич имел моральное право действовать таким образом. Более того, это был единственный возможный способ спасти вверенных ему людей, оказавшихся всеми брошенными и никому не нужными. Разумеется, серебро было бы справедливо разделить между всеми отрядами бывшей Отдельной Семиреченской армии, имевшими право на часть ее имущества. Эти самовольные действия Бакича не могли вызвать одобрение тех, кто считал себя его начальниками — Анненкова и Дутова. 17 (4) июня Дутов писал Бакичу: «Я полагал, что Вы, конфисковав 87 ящиков серебра, кое-что из материалов и несколько тысяч голов скота, поделитесь с нами, хотя бы серебром в пропорции отрядов, т.е. 1 на 10… О себе лично я ничего не прошу: пока есть три смены белья; я сыт. Но русским людям помогать я обязан, а своим казакам должен, а их-то у меня до 1000 человек. Вот почему я и рассчитывал на присылку Вами десятой доли серебра. Скот и пр[очее], конечно, не могут быть пересланы. Десять пудов серебра значительно разрядили бы напря-

женную атмосферу и не очень подорвали бы Ваш отряд. Но, до сего времени Вам об этом не писал, полагая, что Вы сами запросите. Или думаете, что мы не нуждаемся... Наш с Вами лозунг все же остается без изменения, и я уверен, что сторонников его будет немало не только среди русских, славян, а даже и иностранцев. Об Анненкове — дело его закончено. Оружие, которое он закопал, китайцами найдено и отобрано. И последняя тысяча, бывшая с Анненковым, значительно поредела, — разбежались; осталось не больше 400 человек... Не имея в отряде ни одного врача, очень тяжело живется. Может быть, Вы найдете возможным одного командировать ко мне. Кажется, все, что мог сообщить. Поклон всем Вашим подчиненным от рядового до генерала. Не найдете ли возможным периодически присылать Ваши приказы. Желаю Вам всего лучшего. Ваш А. Дутов»[479]. О конфликте Бакича с Дутовым, произошедшем в дальнейшем, в первую очередь в связи с вопросом объединения антибольшевистских сил в Западном Китае и главенства в будущей единой организации, будет сказано ниже.

Вскоре после этого российский посланник в Пекине князь Н.А. Кудашев и консул в Урумчи А.А. Дьяков потребовали ареста конфискованного Бакичем серебра. По их мнению, серебро являлось общегосударственным достоянием того же несуществующего государства, представителями которого они еще числились, а, кроме того, китайцы и так обеспечивали отряд Бакича, так что он, по их мнению, в средствах не нуждался. При этом консул в Чугучаке В.В. Долбежев, видя ситуацию на месте, как мне представляется, был склонен поддержать скорее действия Бакича, чем предложения своих коллег-дипломатов[480]. В ответ на обвинения Бакич писал, что он только «по фамилии серб, но Генерал Русской Армии и думаю, что во всяком случае больше люблю Россию, чем патриот-малоросс Шевченко, который на любви к Родине только думает наживаться»[481]. Речь шла о контрагенте Российского правительства по закупкам продовольствия Тимофее Шевченко, занимавшемся перепродажей скота, в реквизиции которого обвиняли Бакича.

Бакич не боялся ответственности и писал, что «за все свои распоряжения я всегда могу дать ответ перед законами Российского Правительства и иностранных великих держав»[482]. Кроме того, к осени 1920 года он считал себя уже вполне независимым начальником и писал урумчийскому генерал-губернатору: «Заявляя Вам, что, являясь по службе и годами значительно старше Генерала Анненкова и

больше его принесшего на благо русского народа своих знаний и трудов, я признаю над собой только законное Российское Правительство, признанное иностранными державами; только такое правительство и никто другой вправе сместить меня с командования отрядом и назначить заместителя. От этого моего права, пока я жив, я никогда не отступлю и распоряжаться моим назначением или смещением лицам, подобно генералу Анненкову, ни в коем случае не позволю»[483].

Часть казаков все еще стремилась к продолжению борьбы с большевиками, обнадеживающими казались слухи о восстаниях на советской территории и продолжающейся борьбе с красными на Юге России и в Сибири, но полуголодная и однообразная жизнь в лагере приводила к тому, что нижние чины отряда все же постепенно стали покидать его и уезжать в Советскую Россию. Началось с того, что уезжать стали военнослужащие отряда, расположившиеся вопреки приказам Бакича вне лагеря, в Чугучаке. Здесь Бакич был бессилен бороться с ними. Под влиянием этих военнослужащих идея возвращения в Россию получила распространение и в лагере на Эмиль, что привело к самовольному уходу в Советскую Россию некоторых чинов отряда[484]. Бакич пытался активно бороться с агитацией за возвращение в Россию, но люди все равно уезжали.

Осознав невозможность борьбы с возвращенцами, Бакич в мае 1920 года перестал препятствовать этому движению. Лагерь покидали в основном мобилизованные казаки и солдаты. Отпустить всех желающих сразу китайские власти не разрешили, поэтому люди уходили небольшими группами. Уходившие из лагеря снабжались продовольствием и лошадьми[485]. «Командиры частей, а равно и все остающиеся в лагере, к уходящим отнеслись с должным вниманием. Были отслужены напутственные молебны. Трогательно было расставание с людьми, с которыми у нас в течение столь долгого времени были одни интересы, одни печали и радости. Теперь каждый, отдавшись в руки судьбы, хотел найти лучшее. В то время было трудно сказать: тот ли счастлив, кто идет в Россию, на милость вчерашних врагов, поближе к своим родным очагам, или тот, кто останется, претерпевая разные лишения, на чужбине. Командир 15 Оренбургского казачьего полка, полковник Глебов, когда подошла очередь отправки казаков названного полка, приказал собраться всем офицерам и остающимся в лагере казакам на молебен и проводы уходящих. Полковым священником был отслужен молебен, после которого священник с крестом в руках обратился к уходящим со словом. Он указал

казакам на их заслуги перед Церковью, защиту ими религии, на их подвиги, жертвы и лишения, во благо нашей родины, для которой они сделали все, что могли, а потому ни св[ятая] Церковь, ни родина не забудут их. Сильные рыдания, как среди уходящих, так и среди остающихся, заглушили слова священника. После священника обратился к ним с речью полковник Глебов. В своей прекрасной речи он сказал: «Я не хочу упрекать вас за то, что вы покидаете нас; неизвестно еще, какая судьба ожидает нас, здесь остающихся. Но я хочу указать вам на ваши жертвы, которые вы принесли на благо дорогой нам родины и родного войска. В течение почти двух лет я все время был среди вас; я видел ваше искреннее желание освободить свое отечество от большевистского засилья. Много вы сделали ради этого, много ваших братьев-станичников и однополчан пало смертью храбрых на поле брани. Благодаря создавшимся обстоятельствам, мы оказались здесь. Я верю в вас, как и всегда, а также верю, что вы, уйдя в советскую Россию, где будете, быть может, мобилизованы большевиками, останетесь все же верными казаками. Счастливый путь! С Богом!..» Казаки, слушая своего любимого командира, появление которого среди них во время боя решало часто судьбу последнего, сквозь рыдания кричали: «Приходите снова с оружием в Россию, мы снова будем с вами, никогда не будем с большевиками!» После этого колонна уходящих казаков стала удаляться по направлению к русской границе. Долгое время мы смотрели вслед им, удаляющимся к неизвестному будущему. Никто из нас не подумал даже послать им упрек вдогонку. Никто не мог этого сделать, ибо каждый понимал этих оборванных, полубосых и измученных людей…»[486] Вообще, представления о жизни в Советской России в отряде были крайне смутными, возвращавшихся на родину заранее считали покойниками[487]. Впоследствии в отряде ходили слухи о том, что вернувшиеся в Советскую Россию офицеры и добровольцы были расстреляны красными[488]. Кроме того, предпринимались попытки покинуть лагерь в других направлениях и с другими целями. Так, казаки Атаманского полка, получив сведения о переходе Войскового атамана А.И. Дутова в Китай, стали стремиться уйти к нему в Суйдин. Слух об этом первоначально тайном плане достиг некоторых других частей, казаки которых также собрались вслед за атаманцами уйти к Дутову. Казаки верили, что Дутов поведет их в новый поход на большевиков. Стало известно об этом и командованию отряда. Для успокоения каза-

ков к ним был направлен полковник А.С. Колокольцов, а затем командир Атаманского полка полковник Савин был вызван в штаб отряда. После разъяснительной беседы в штабе он больше не предпринимал попыток увести полк к Дутову[489].

После ухода всех желающих в лагере осталось менее половины перешедших границу, без учета беженцев. По данным И.И. Серебренникова, к июню 1920 года лагерь покинуло около 6000 человек[490]. Даже если Серебренников при подсчетах сумел учесть движение гражданских беженцев, точно рассчитать их перемещения по Китаю, на мой взгляд, едва ли возможно. Известно лишь, что многие гражданские беженцы устроились на работы в Чугучаке, опередив в этом военных и заняв все свободные рабочие места. Существенно легче расчеты, непосредственно касающиеся военнослужащих и членов их семей. По данным штаба Бакича, к 27 (14) июля в лагере осталось 1468 офицеров, 3557 солдат, 721 член семей военнослужащих и 1000 гражданских беженцев, всего 6746 человек[491]. Численность перешедших границу в составе отряда сократилась на 346 офицеров, 4482 нижних чина и 64 члена семей военнослужащих, итого отряд покинули 4892 человека. В результате боевой состав войск Бакича сократился наполовину, но при этом Бакич выиграл в качестве личного состава — оставшимся уже не было дороги в Советскую Россию, с Бакичем они были готовы идти до конца.

Сам Бакич в телеграмме от 31 (18) мая 1920 года в Харбин генералу Н.С. Анисимову сообщал: «Не имея связи [с] востоком, решил сократить численность отряда отпуском [в] совет[скую]россию излишнего элемента, остается [в] итоге около 5 тысяч человек. Прошу Вас, [как] представителя Оренб[ургских] казаков, [из] которых [в] большинстве состоит [и] будет состоять отряд, выхлопотать [у] соответствующих властей помощь отряду деньгами [в] сумме пока 5 миллионов рублей царскими или другими равнозначащими, обмундированием, [в] котором крайняя нужда… ходатайствовать [о] переводе отряда [в] местность Китая, откуда [при] изменившихся обстоятельствах [отряд] скорее мог бы вернуться [на] Русскую территорию. Полагаю, [что] маршрут Кобдо [–] Урга единственный, далее [по] обстановке…»[492] Весной 1920 года от Анисимова было получено 25 000 лан[493]. Но, несмотря на это, именно на него следует возложить ответственность за те лишения, которые выпали на долю отряда Бакича в дальнейшем. Осенью 1920 года от атамана Г.М. Семенова Анисимов получил свыше 100 000 золотых рублей на поддержку

оренбуржцев в Синьцзяне, однако денег Бакич и Дутов для своих отрядов практически не получили. Лишь впоследствии в результате расследования деятельности Анисимова, проведенного ревизионной комиссией под председательством надворного советника П.С. Архипова, были выявлены факты хищений большей части этих средств (57 000 рублей)[494].

Постепенно жизнь в лагере стала входить в нормальную колею. Появились музыкальные инструменты, заработал любительский театр, организовывались даже киносеансы. Весь лагерь с первых же дней разделился на две группы: женатых и холостых, причем первая группа, естественно, смогла лучше устроиться, хотя представителей второй группы было намного больше[495]. В самом центре лагеря на Эмиль были расположены палатки Красного Креста, где работало много сестер милосердия. Сюда после дневной жары приходили многие офицеры, тосковавшие по женскому обществу. Некоторые из чинов отряда даже обзавелись семьями, летом 1920 года было сыграно не менее десяти свадеб. К пункту Красного креста вели четыре улицы, получившие оригинальные названия: Атаманская, Невский проспект, Поэзии и Грусти и последняя — Любви. 6 мая (23 апреля) 1920 года, в день Войскового праздника Оренбургского казачьего войска в лагере были устроены скачки, джигитовка, гимнастические упражнения, военные игры. На праздник были приглашены русский консул и чугучакский военный губернатор. При выезде губернатора из чугучакской крепости производилось три пушечных выстрела, сам выезд также был помпезно организован: «Под звуки рожков и труб, разгоняя палками толпу, появлялась экзотическая пехота в невероятных, разукрашенных надписями на груди и на спине, костюмах, за пехотой следовала кавалерия в юбках и кофтах из красного атласа. Губернаторский конвой был обмундирован настолько необычайно, настолько одежда солдат казалась взята из костюмерной оперного театра, что для полноты картины не хватало только появления тенора, вместо него показывалась запряженная шестеркой мулов игрушечная двухколесная каретка, из которой выглядывало желтоватое, сморщенное лицо в огромных круглых очках. При проезде китайского губернатора полагалось снимать шапки и кланяться»[496]. Губернатор был очень доволен увиденным у русских зрелищем и пообещал улучшить продовольственное обеспечение лагеря. Произошел обмен любезностями, причем к праздникам дутун подарил отряду 10 быков и 100 баранов[497]. Вообще, на начальном этапе пребывания

отряда в Китае местные власти были чрезвычайно любезны и даже помогали Бакичу, обеспечивая его данными разведывательного характера относительно действий большевиков[498].

Большевики между тем внимательно наблюдали за действиями Бакича. Пользуясь близостью к границе, они пытались вести борьбу с его отрядом даже на китайской территории. С этой целью через границу направлялись советские секретные агенты, а кроме того, незначительными силами красные предпринимали набеги с целью угона лошадей отряда[499]. Грабежом и угоном скота занималось и местное население. Все эти явления осложняли пребывание отряда на территории Западного Китая.

Несмотря на трудности, Бакич находил возможности заботиться и о русских гражданских беженцах, оказавшихся в чужой стране. Как впоследствии вспоминал один из офицеров отряда, «неутомимый Бакич поспевал всюду; он своей энергией в заботах об улучшении жизненных условий лагеря заслужил общую любовь и уважение.

– Какой ви части? — спросил он, увидев меня верхом на осле (я долго не мог ходить).

– Автомобильной команды.

– Тишее едеши, дальшее будеши. — Он блеснул белыми зубами из-под черных усов и потрепал ухо осла. И вдруг серьезно: – Это ви видумали там какой-то сирк (цирк)? — спросил он, имея в виду киносеансы. И, не дожидаясь моего ответа, зашагал вдоль землянок, так сильно выделяясь на тусклом пыльном лагерном фоне своей генеральской формой и ярко начищенными сапогами»[500].

В письме чугучакскому военному губернатору от 5 мая 1920 года Бакич писал: «Будучи недавно в Чугучаке, я осмотрел лагерь Бахтинских, Маканчинских и Урджарских беженцев на Чобар-Агаче. Впечатление вынес самое безотрадное. Все беженцы очень нуждаются в продовольствии, так как отпускаемых 2 джин[501] на несколько дней каждому, конечно, не хватает. Много глав семейств умерло, остались женщины и маленькие дети, которые без посторонней помощи обойтись не могут. Беженцев покуда из лагеря не выпускают, и они не могут иметь никакого заработка, вследствие чего им приходится распродавать за бесценок последнюю одежду, повозки, лошадей и проч[ую] домашнюю обстановку, вывезенную из России. Исходя из изложенного, прошу Вас, Ваше Превосходительство, так заботливо относящегося к Российским гражданам, так или иначе принужденным искать гостеприимства и покровительства на терри-

тории Великой Китайской республики, войти в трудное положение беженцев на Чобар-Агаче и оказать им необходимую помощь. Полагал бы очень полезным разрешить беженцам устроиться на работах у владельцев заимок в окрестностях города Чугучака. Если это с Вашей стороны не встречает препятствий, прошу сделать соответствующие распоряжения подчиненным Вам чиновникам и не отказать меня о Вашем решении поставить в известность. С своей стороны я мог бы в каждом отдельном случае дать удостоверение о благонадежности беженцев и гарантию в их добром поведении»[502].

В конце мая китайцы обнаружили значительное количество оружия и боеприпасов, закопанных вблизи границы, что явилось основанием для недоверия Бакичу[503]. Генерал пытался оправдываться, сославшись на то, что оружие закопано беженцами из Семиречья или анненковцами, но никак не его отрядом. Поверил ли его оправданиям дутун, сказать сложно. 27 (14) июня 1920 года Синьцзянский гражданский и военный губернатор Ян-Цзун-Син (Ян-Цзынсинь) весьма дипломатично написал Бакичу: «...я вполне признаю, что те войска, кои перешли границу и находятся в пределах Китайской республики, должны быть охраняемы и власти должны хорошо относиться к этим войскам. Сожалею лишь о том, что первое время войска эти были приняты без соблюдения этикета, почему я очень этим обеспокоен и стыжусь за то, что вы в своих письмах выражаете свою признательность приема, коей был не так достаточный (так в тексте. — *А.Г.*). Так как я всегда понимаю, что вы ведете дела весьма миролюбиво и прежде всего вы думаете о дружбе обоих государств, ввиду этого я имею смелость сказать, что касающиеся вопросы по отношению двух дружественных держав будут разрешены само собою на основах международного права и отношение России с Китаем будет с каждым днем улучшаться и крепнуть»[504]. Спустя менее чем полтора года, осенью 1921 года, этот же губернатор писал в РВС войск Сибири: «...тем более благодарю Вас, что помощь в деле ликвидации со стороны Китая была невелика, о чем я особенно жалею. Со своей стороны искренне поздравляю Вас с успехом. Бакич, нарушивший международный закон и угрожавший спокойствию двух соседних Республик[505], ныне уничтожен»[506]. Сравнивая эти два письма, можно прийти лишь к единственному, давно известному выводу о том, что политика и мораль несовместимы.

Оказавшись в Китае, Бакич проявил беспокойство и о судьбе своей первой семьи, 21 (8) июня он телеграфировал в Харбин о возмож-

ности перевода жене и детям денег[507]. Как выяснилось, Ольга Константиновна с детьми находилась в Никольске-Уссурийском[508] — городе, с которым у нее были связаны воспоминания о первых годах ее совместной довоенной жизни с Бакичем. Вместе с тем в июле 1920 года Бакич потерял близкого человека, О.Ф. Якименко, — женщину, вместе с которой он прошел всю Гражданскую войну. Ко времени трагедии Ольга Федоровна страдала сильнейшим нервным расстройством, ставшим причиной ее самоубийства. Сразу после случившегося по лагерю поползли слухи, касавшиеся обстоятельств гибели Якименко. Поскольку о необходимости провести расследование обстоятельств этого дела с целью предотвратить дальнейшее распространение слухов писал не кто иной, как сам начальник штаба отряда Генерального штаба генерал-майор И.И. Смольнин-Терванд[509], скорее всего, слухи эти обвиняли в убийстве своей любимой женщины самого Бакича.

Официальное расследование, проведенное военным следователем отряда атамана Дутова поручиком Мосевниным, позволяет понять, что же произошло в лагере на Эмиль тем трагическим вечером 22 (9) июля 1920 года. По показаниям самого генерала Бакича произошло следующее: «9-го июля с[его] г[ода] часов около 7 $^1/_2$ вечера я приехал из города Чугучака в лагерь. В своей палатке я застал Ольгу Федоровну в возбужденном состоянии, причиною которого было то, что ей отказали в тарантасе, на котором нужно было отвезти двух портных в Атаманский полк 2-го округа. Она начала мне жаловаться на это, говоря, что в течение 2-х часов ей не дали тарантаса, а предлагали телегу. Затем она начала жаловаться в раздраженном тоне на то, что ее никто из окружающих не слушается, не исполняют ее просьб, в частности офицеры, к которым она обращалась в этот день. Я сделал ей замечание, что она не может требовать от офицеров исполнения ее просьб и делать им какие-либо замечания. Во время моего приезда тарантас стоял уже у моей кибитки, около которой находились штабс-капитаны Лекс и Лютин[510], которые отправили этих двух портных и отправились к себе домой. После этого у меня зашел с Ольгой Федоровной разговор о домашних делах. Говорили о ее предстоящих именинах, которые должны были быть 11-го июля. Она спрашивала, закупил ли я те предметы, которые она просила приобрести, на что я ответил, что все куплено, причем часть вещей привез с собою, а часть должна быть привезена на телеге, которая осталась позади. При этом разговоре она была все время в раздраженном со-

стоянии, которое еще не прошло с нею. При этом она сообщила мне, что сегодня слышала, как наши близкие соседи не так хорошо отзываются и относятся к ней. После этого я, устав после дороги, прилег на постель и сказал, чтобы она не обращала внимания на эти сплетни, которые случались не в первый раз. После этого она спросила меня, буду ли я ужинать, на что я ответил, что ужинать не буду, так как только что пил молоко, и попросил скорее приготовить мне постель, так как завтра нужно было вставать рано и сделать распоряжения о приготовлении к именинам. Она приготовила постель и в это время как раз подъехала с фельдъегерем телега с зеленью. Я пошел посмотреть, как выгружали телегу, и в это время подошел к телеге вестовой Начальника Штаба — Михаил Смирнов, который сказал, что Начальник Штаба просит к чаю немного молока. Я послал его в землянку к прислуге Мане, но ее там не оказалось, и я тогда налил ему молока из котелка, который стоял у меня в кибитке на столе. Ольга Федоровна, увидев это, пришла снова в сильно раздраженное состояние и начала кричать, зачем давать Марии Ивановне[511] молоко, когда она так плохо отзывается обо мне! «Я сегодня слышала это своими ушами, когда посылала к ней за ложками Костю Иванова»[512]. После этого она начала кусать руки, упала на постель, начала плакать и хотела идти к генералу Смольнину, поговорить с ним об этом. Я сказал ей на это, что не пущу ее и что завтра, когда она успокоится, поговорит и выяснит это. Она продолжала плакать. Чтобы дать ей возможность успокоиться, я вышел из кибитки, сказав ей, чтобы она ложилась спать и что я сейчас вернусь обратно. После этого я пошел проверить дневальных, которые следят за лошадьми. Только что я вышел за кухню, как услышал громкие крики Ольги Федоровны: «прощай». Я крикнул на это: «Что ты делаешь, безумная». После этого услышал второй крик: «прощай» и выстрел. Я побежал к кибитке и одновременно вошел в нее вместе с прибежавшими на выстрел поручиком Столыпиным[513], шт[абс]-капитаном Лютиным и моим вестовым Любомиром Буарович[514]. В это же время прибежал и генерал Смольнин. Когда я вошел в кибитку, то увидел Ольгу Федоровну перевернувшеюся на спину с револьвером в правой руке. Из груди сильно текла кровь. В момент моего прихода услышал ее последний вздох. После этого я помню, что Начальник Штаба послал за врачом Рябухиным[515], а меня куда-то вывели за кибитку… В моей кибитке всегда находились 2–3 револьвера, из которых мой находился при мне в кармане шинели, а другой был в ки-

битке за драпировкою с восточной стороны, и покойная знала, где он находится, тем более, что во время моего отъезда в Чугучак она убирала кибитку. Во время раздраженного состояния она, очевидно, достала его и выстрелила в себя»[516]. По одному из свидетельств, войдя в палатку и увидев застрелившуюся супругу, Бакич упал к ее ногам и со словами: «Господи, за что это; что это такое» схватился за револьвер, но комендант лагеря штабс-капитан Г.В. Лютин отнял у него оружие и вместе с поручиком Д.И. Столыпиным вывел Бакича на свежий воздух[517]. Якименко страдала галлюцинациями и ранее уже предпринимала попытки самоубийства, но они заканчивались неудачно, причем сам генерал Бакич несколько раз обнаруживал ее предсмертные записки и упреждал попытки покончить с собой.

В период июня–июля 1920 года Бакич был произведен приказом Дутова в генерал-лейтенанты, что нашло отражение в их переписке, к сожалению ни сам приказ, ни его дату обнаружить не удалось. Они могли сохраниться лишь в личном архиве Дутова, судьба которого до сих пор неизвестна. Переписку Бакича с Дутовым в этот период достаточно красноречиво характеризует пространное письмо последнего от 22 (9) июля, которое я привожу целиком. Дутов, пока еще в дружеской форме, писал Бакичу: «Ваше Превосходительство, Андрей Степанович. Рапорт Ваш за № 71/н от 14 июня 1920 года мною получен 2-го июля с[его] г[ода]. Нет никаких сомнений в том, что, как я полагал и на что особенно указывал в прежних своих письмах к Вам, доклады различных лиц, слухи и различные сплетни не имеют оснований и не порождают причин недоверия к Вам с моей стороны. Я особенно доволен случаем еще раз высказать Вам снова, что моя работа на славу и пользу Единой и Неразделыной России идет рука об руку с Вашею и преследует одну общую цель, в чем я никогда не сомневался, — спасение Родины — России от разнузданной большевицкой власти. Исходя из этого, я, однако, не могу ограничиться простым констатированием факта общности нашей работы и цели и единства пути к достижению этой цели, а должен предупредить Вас, Андрей Степанович, о характере нашей переписки, которая, как мне кажется на основании Вашего рапорта № 71/н, с Вашей стороны в общем не понята Вами так, как я бы хотел. Прежде всего, я определенно игнорировал возможность перемены к Вам уже тем, что писал Вам все время, посвящая Вас во все, что на моих глазах творилось. Я заранее предупредил Вас, что за время трехлетней нашей совместной работы я привык считать Вас наиболее доверен-

ным и ценным помощником, и мое доброжелательное отношение к Вам всегда исключает возможность положения, при котором Вы были бы в каком-либо от меня подозрении. Между нами, в течение трех лет испытывающими вместе революционную ломку на фронте, где выковываются и выкристаллизовываются отношения людей, не могут иметь места посредничества третьих лиц и их интриги. Самым фактом письма № 502 к Вам я это подчеркнул. Далее. Я смотрю на все эти доносы, сплетни и доклады, как на несомненные факты, доказывающие существование, где бы то ни было, но, безусловно, около нас, той атмосферы, тех разговоров, которые окружающими толкуются, перехватываются и разносятся. Но я знаю, что эти доносы глупы и наивны в той области, где они желают породить между мною и Вами некоторую шероховатость. И вот я не хочу закрывать на это глаза. Я считаю необходимым, в начале раскрыв сердечность наших отношений, затем убить в корне начавшиеся кривотолки, поставив об этом в известность командиров частей. Нет ничего опаснее толпы, но опасны и кривотолки этой толпы. И Вы, Андрей Степанович, теперь согласитесь со мною, что выбранный мною путь бьет именно по самой сплетне. Обвинять докладчиков я не могу, так как это приезжие люди. То, что они передавали, они обыкновенно рисовали, как бы настроения и чувства, которыми живет бывшая Оренбургская Армия. Сами они не слыхали, да, конечно, не только они, но и никто не мог слышать от Вас именно чего-либо, позорящего меня, но в отряде меня кое-кто ругает и, чтобы дать весу своим домоганиям, бессовестно опирается на имя более известное, в данном случае Ваше и, может быть, генерала Смольнина. Это возможно, и этого, я думаю, и Вы не будете отрицать. Наличность известной неблагожелательной для меня атмосферы в известном кругу лиц отряда есть, и вот цель моего письма и составлял, главным образом, этот круг. Своим предложением прочесть это письмо командирам частей и лицам, равным им по власти, я, с одной стороны, добился того, что моя цель была достигнута, с другой — совершенно наглядно дал понять, что отношения мои с Вами не могут составлять тайны и не могут быть объектом для каких-нибудь доносов впредь, ибо все будет объявлено. Таким образом, тот успех сплетен, которым, как Вам кажется, даю я веру, имеет и обратное значение и обратный смысл, который, при правильном пользовании его, ведет, я полагаю, не к розни между Вами, отрядом и мною, а, наоборот, к большему сплочению, от чего торжествует общее дело.

Вот то исходное положение, которое в зависимости от сообщенной мною выше цели, если Вы будете иметь его в виду при чтении письма, придает совершенно другой характер всему высказанному в письме № 502. Вам бросился в глаза тон этого письма. Вы согласны, что он диссонирует в наших отношениях, и Вы на это обратили внимание, но я не думал, что Вы сочтете его за личную обиду для себя. Между тем это так просто. Если всегда на деле, в мелочах, даже не изменять идеи общего дела (так в тексте. — *А.Г.*), ставить в[о] главу угла именно это, если хотите, самоотречение, тогда будет исключена возможность ошибок к своим лучшим доброжелателям. Я мог бы, конечно, уже одним основным положением считать вопрос, затронутый Вами, совершенно исчерпанным, но для того, чтобы уничтожить даже самую возможность существования некоторой недоговоренности между нами, я разберу некоторые места своего письма № 502, которые, если встать на Вашу точку зрения понимания моего письма (так в тексте. — *А.Г.*), могут, на первый взгляд, как будто противоречить тому тону и характеру письма, которые я, как автор, на что имею, конечно, право, и хотел ему придать и за ним утвердить. При объяснении таковых мест, я буду отвечать на Ваше письмо, т.е. брать те места, которые Вы изволили сами выбрать в своем письме. Это будет самое лучшее: здесь я становлюсь, если хотите, с точки зрения не моего толкования письма, в самое невыгодное для меня положение. Я оставлю в стороне рапорт генерала Смольнина, представленный Вами мне: он будет иметь определенное значение и последствия. Я Вам писал, что Вы восторженно приняли дисциплину Анненкова и отдали приказ о введении таковой в отряде. Благоволите взять мое письмо и читать: где есть хоть слово о моем мнении по сему вопросу? Где даже намек на мое недовольствие по поводу того, что Вы подружились с Анненковым, приняв от него часы и шашку? Я сообщил Вам то немногое, что знал о Вас. Сдав армию Анненкову, и Вам, с Вашего согласия, поручив отряд, разве я не показал, что Вашему опыту и усмотрению я доверил самое дорогое для меня? Я мог иметь, по поводу изменения дисциплины, свое мнение, но ведь Вы его от меня не слышали, насколько я помню, еще? Принятие анненковской дисциплины, с моей точки зрения, было жертвою, но ведь и подчинение Оренбургской Армии Анненкову также — жертва. Та и другая жертвы были принесены во имя спасения тысяч веровавших нам людей. И Вы имели основание полагать, что Ваша жертва последовательно вытекала из моей. Цель была одна, и Вы могли счи-

тать себя продолжателем моей идеи. Вы и я все это делали не для своего удовольствия и не по какому-нибудь капризу. Вы теперь видите, что Вам не следовало останавливаться в Вашем письме ко мне на оправдании, в конце концов, моей же идеи. Как Вы, так и [я], ставим выше всего общее дело. И раз мы пришли к заключению вверить судьбу Армии Анненкову, мы должны были использовать все средства беззаветно служить общему делу. Когда Командующий Армией[518] обратился ко мне с просьбою своим авторитетом помочь дать ему средства для Армии из запасов золота эвакуированных учреждений, разве я мог отказать в этом? Ради спасения 500 беженцев 2-го округа[519] и во имя экономии золота для Войска нужно было ставить на карту существование целой Армии, которая кровью расплачивалась за каждую пядь последнего кусочка русской земли. Дело не требовало излишних разговоров. Я сам в Лепсинске ничего не имел, не имею ничего и в Китае. Мне было ясно, что беженцы не пропадут и без этого золота, войско же, когда мы вернемся, от 60 фунтов не оскудеет, и я дал распоряжение. Как оно исполнено, насколько реально неудовольствие правления 2-го округа, или оно негодует на меня, так сказать, платонически, ибо, быть может, это золото осталось бы еще у них и доныне неиспользованным, — я этого не знаю, но нравственно я прав. Обижаться, конечно, могут: это их выгода и их право, но я иду далее. Если бы я в тот момент знал, что Анненков — совершенно подлый человек, но не изменник, я все равно отдал бы это распоряжение. Он командует фронтом, ему вверены войска, и пока он не изменник, я не имею права не верить ему. Силою обстоятельств взявши все в свои руки в Семиречье, он чувствовал в себе достаточно сил, опыта, знания и бодрости, и он должен был бороться. Зато он не имеет права теперь сказать, что мы ему мешали. Нет, ему помогали люди, которые беззаветно отдавали для общего дела всю свою душу, проводили на деле идею самоотречения тыла в пользу Армии. «Все для армии, для фронта, все для войны». И вот, как далеки от понимания меня мои строгие критики, и как бы я советовал им прежде, чем критиковать, проникнуться духом благородства, проникнуться истинным пониманием общего для спасения Родины дела. Без этого я не представляю, что же, кроме простого шкурничества, мешает им вернуться в Советскую Российскую Федеративную Республику. Вы хотите узнать мое отношение к Анненкову теперь, так как из письма № 502 ничего вывести по сему поводу нельзя. Но после этого Вы получили письмо от 26 апреля,

которое я послал Вам из Джампаня: оно должно было показать Вам, что я знаю очень много из скверных анненковских проделок, и мой взгляд на Анненкова, насколько я уяснил себе, разделяется Вами и отрядом в полной мере. Я буду иметь возможность переслать Вам мои мысли, написанные мною полтора месяца тому назад, в середине мая, об интригах Анненкова, откуда Вы почерпнете полную чашу тех замыслов и сетей, которыми Анненков старался окружить меня в Лепсинске. Вы могли обидеться за себя и за своих помощников. Здесь я не имею в виду генерала Смольнина: у Вас помощников много. Нет ничего удивительного, что Вы обиделись, но, конечно, не за себя, а за помощников. После всего сказанного мною Вам, — за себя, Вы видите, я Вам не давал даже повода обижаться. За всех же своих помощников в столь тяжелое время ручаться не всегда можно, как я убедился лично на опыте, хотя это для начальника, верящего своим подчиненным, и достойно и честно, но, простите меня, иногда бывает и невозможно. Вы пишете, что в течение 21 дня я так резко изменил взгляд на Вас и отряд, и что тон и заголовок последующего письма уже дружествен. Вас это удивляет, а между строк можно читать: ну, и мельница же Атаман, раз за три недели взгляды совершенно новые. Весь тон и мысли настоящего письма достаточно определенно вырисовали всю необходимость письма № 502 и его цель, что, по поводу этой Вашей заметки, я отвечать не буду. Вырисовав Вам, глубокоуважаемый Андрей Степанович, свою точку зрения по затронутому Вами невольно в определенной плоскости вопросу, который я вовсе не хотел поднимать, остаюсь в глубокой уверенности, что происшедший между нами обмен мыслей послужит еще к большему взаимному пониманию, к вдумчивому обсуждению поступков каждого из нас и к тому глубокому уважению, которые характеризуют обыкновенно взаимоотношения людей, абсолютно верящих благородству стремлений других. Атаман Дутов»[520]. Таким образом, на данном этапе отношение Дутова к Бакичу оставалось в целом положительным, однако уже чувствовались предвестники будущего разрыва между генералами.

12 августа (30 июля) 1920 года Дутов издал свой приказ № 141, в котором писал: «...2. Ввиду разбросанности частей бывшей Оренбургской армии и ушедших из отряда Атамана Анненкова, находящихся ныне в Китае, в Илийско-Тарбагатайском крае, на положении интернированных, я, желая объединить их как в смысле нравственном, так и в строевом, и направить все части к единству действий, дисциплине и порядку, приказываю все воинские части, команды,

управления, учреждения и заведения, входившие ранее в состав Оренбургской и Семиреченской армий и отряда полковника Брянцева, считать Кадрами частей Оренбургской отдельной армии. 3. Я, являясь Главным Начальником Семиреченского Края, в то же время принимаю на себя прежние права Командарма отдельной Оренбургской. 4. Части, расположенные в лагере на реке Эмиль, что у Чугучака, именовать по-прежнему отрядом Атамана Дутова и считать Начальника его на правах Командира отдельного корпуса... 7. Никакие выделения частей, перемещения их, командировки на Д[альний] Восток, без моего ведома и приказа не разрешаю. 8. Отдельным г.г. офицерам, чиновникам и нижним чинам командировки, увольнения и отпуски разрешаю без моего приказа только лицам, пользующимся правами комотдкорпуса[521]...»[522] По сути, приказ Дутова был необходим, но его автор, на мой взгляд, превысил свои полномочия и не учел изменившихся обстоятельств, при которых командиры отрядов, перешедших в Китай, фактически оказались независимыми друг от друга начальниками. Кроме того, важно обратить внимание на назначение Бакича командиром отдельного корпуса, поскольку до этого он считался командиром неотдельного корпуса. В дальнейшем этот нюанс был, видимо, забыт Дутовым, который считал Бакича по-прежнему своим подчиненным с правами командира неотдельного корпуса. Бакич же истолковал этот приказ как полное признание своей самостоятельности.

В августе 1920 года к Бакичу под видом туристов прибыли офицеры японской разведки Нагамини и Сато, с которыми он вел переговоры о поддержке его корпуса; в декабре в отряд с целью содействовать объединению белых в Западном Китае прибыл японский майор Цуга[523]. Еще в июле Бакич в своей переписке допускал возможность остаться в Западном Китае на продолжительное время и даже зимовать[524]. По мнению медиков, «устраивать зимовку там, где стоит лагерь, значит обречь людей на верную смерть»[525]. С приближением холодного времени года, практически исключавшего из-за сильного ветра и морозов в этом регионе возможность зимовки в лагере, поднялась новая волна отъездов. Ухудшилось и положение отряда. 29 (16) августа 1920 года Бакич телеграфировал в Харбин для передачи генералу Анисимову: «...благодаря проискам врагов общего дела... посланником [в] Пекине [в] помощи отряду отказано. Получение [от] Китая двух фунтов муки недостаточно [для] жизни, средства вышли все, просите Семенова[526], земства не отказать

[в] спешной помощи отряду...»[527] Месячная потребность отряда в довольствии после ухода основной массы желавших покинуть лагерь составляла 2300 пудов мяса, 1400 пудов риса, 400 пудов соли, 30 пудов чая, 75 пудов мыла и 75 пудов табака. Кроме того, необходимы были перец, лук и капуста[528]. В качестве залога для оплаты продовольствия Бакич рассматривал сданные китайцам оружие и боеприпасы, стоимость которых превышала 400 000 урумчийских лан[529].

По мере приближения зимы и усугубления положения отряда менялся и тон телеграмм Бакича. Обращаясь к российскому консулу в Кобдо, Бакич 27 (14) июля 1920 года отмечал: «...прошу Вас, г. Консул, не отказать по мере возможности в помощи верным сынам родины, из далекого Поволжья и Оренбургского края, предпочитавших[530], несмотря на все труды и лишения, лучше жить на чужбине, чем покориться игу коммунистов и жидов»[531]. Теперь, опасаясь зимовать в сырых землянках под открытым небом, люди из отряда уезжали в основном, на Дальний Восток к атаману Г.М. Семенову или в Ургу. Еще в июле Бакич обращался к атаману Семенову и другим белым военачальникам с просьбой о переброске отряда для активной борьбы с большевиками[532], в сентябре он уже вел переговоры об отправке отряда на Дальний Восток непосредственно с китайцами. Отправиться всем разрешено не было, поэтому приходилось уезжать небольшими группами[533]. Надежды на то что китайцы разрешат отряду перезимовать в населенных пунктах, не оправдались. Бакич писал генералу Анисимову: «Ниоткуда пока помощи нет, прошу главу правительства востока помочь шести тысячам раздетым, босым, обреченным [на] голодную холодную смерть...»[534] К этому времени о положении Бакича через французскую миссию было сообщено в Крым Врангелю, что породило новые надежды на скорую помощь со стороны союзников. 29 (16) сентября 1920 года Бакич телеграфировал в Пекин: «Принимая программу [и] идеи Врангеля, отряд ждет [его] указаний [о] дальнейшем»[535].

Осенью материальное положение отряда ухудшилось настолько, что из-за недостатка средств в ноябре было решено продать два казенных автомобиля, один из которых ранее атаман Анненков заочно легкомысленно подарил губернатору в Урумчи[536]. Тогда Бакич не отдал этот автомобиль как казенный, что, конечно, не способствовало улучшению его отношений ни с Анненковым, ни с урумчийским губернатором. Если первоначально китайские власти опасались отряда Бакича и должны были с ним считаться, то со временем авторитет

отряда в глазах чугучакского губернатора значительно понизился, причем губернатор позволял себе даже отказывать в приеме самому Бакичу, что было оскорблением для всего отряда[537]. Кроме того, по решению президента Китайской республики защита русских граждан осенью 1920 года была поручена китайским местным властям. Российский посланник и консулы декретом от 23 (10) сентября 1920 года прекратили свои функции[538]. Долбежев тогда же уехал на Дальний Восток, оставив в качестве своего заместителя некоего Балабанова[539]. Теперь судьба Бакича и его отряда оказалась целиком в руках китайцев. Судя по сохранившимся описаниям, Бакич пытался поддерживать в отряде дисциплину и военную организацию, хотя это было непросто. В лагере была запрещена продажа китайской водки[540]. Как вспоминал один из русских беженцев, живших в Чугучаке, «на линейках и во время парадов перед генералом выстраивались люди в шкурах, без шапок, кто в штанах, а кто и без штанов; они стояли вытянувшись, изобразив на лицах верноподданные чувства, а генерал-лейтенант Бакич с блестящей свитой под гром шпор проходил вдоль шеренги и, с трудом разыскав у кого-нибудь на ногах сапоги, бросал:

– Т-ты! чистить надо! П'ачему не чистишь?

А там, за этой вытянувшейся шеренгой, торчали кривые, готовые рухнуть крыши, развевались по ветру развешенные вместо дверей овчины и кошмы, стояли оборванные женщины и хилые, больные ребятишки»[541]. По свидетельству того же автора, Бакич проявил мало распорядительности и хозяйственности для обустройства отряда в лагере, что, учитывая первоначальный характер его военной службы, когда он занимался почти исключительно хозяйственными вопросами, кажется невероятным и не может иметь оправдания. Единственным благоприятным для Бакича объяснением этого может стать надежда генерала на скорое возвращение в Россию, в связи с чем он не хотел всерьез обосновываться в лагере. По другой характеристике, «честолюбивый генерал (Бакич. — *А.Г.*) мечтал о лаврах спасителя России от большевизма и прилагал большие старания к сохранению своего отряда. Он верил в непрочность советского правительства, ждал приглашения из России идти туда и помочь восставшему против большевиков народу»[542]. Осенью 1920 года в Чугучаке имели место первые случаи грабежей с участием русских беженцев. Стали появляться целые банды, активно действовавшие в окрестностях города. Подобная ситуация не могла не вызвать серьезного беспокойства китайских властей, не имевших достаточно сил для наведения порядка.

Летом 1920 года на территории Алтайской и Семипалатинской губерний вспыхнуло мощное антибольшевистское крестьянское восстание, в котором приняло участие свыше 15 000 человек. В середине осени 1920 года после неудачи восстания в район Чугучака через Монголию пришел отряд повстанцев под командованием офицера Сибирского казачьего войска есаула Д.Я. Шишкина численностью до 800 человек, половина из которых сохранила оружие[543]. В лагере на Эмиль их считали большевиками и относились недружелюбно. Шишкин, вставший на сторону Дутова и полковника Савина, был весной 1921 года арестован при содействии Бакича и попал в китайскую тюрьму в Урумчи[544], его дальнейшая судьба неизвестна[545]. К весне 1921 года шишкинцы как отдельная группа рассеялись, отчасти пополнив отряд Бакича.

На 13 ноября, по данным штаба помощника главкома войск Республики по Сибири, у Бакича осталось не более 3000 человек, причем до 45% составляли офицеры[546]. По данным самого Бакича, на 27 (14) сентября в его отряде состояло 6 генералов, 150 штаб-офицеров и 1250 обер-офицеров, всего 1406 человек без учета нижних чинов[547]. По данным разведки штаба Туркестанского фронта, внимательно наблюдавшей за положением белых в Западном Китае, к 30 декабря 1920 года в отряде состояло 2730 человек при 108 винтовках[548]. Обеспокоенность советского руководства наличием значительных организованных и закаленных годами борьбы антибольшевистских сил вблизи границ Советской России понятна, тем более что сами белые не теряли надежды «с честью», как писал Бакич[549], вернуться на родину и свергнуть большевистский режим. Особенно активно в этом направлении работал А.И. Дутов. Именно с деятельностью Дутова в советской историографии связывалась подготовка восстания в Нарынском уезде в ноябре 1920 года[550]. Дутов поддерживал связь с лидерами басмачей, предпринимал попытки организовать антибольшевистское подполье в рядах РККА. Активная антибольшевистская деятельность Дутова и его непререкаемый авторитет в казачестве стали причинами его физического устранения чекистами 6 февраля (24 января) 1921 года.

В одном из своих последних приказов за № 207 от 30 (17) января 1921 года атаман Дутов писал о Бакиче уже в совершенно ином тоне, чем ранее: «С начала интернации[551] Отряда моего имени, начальник его, генерал Бакич, совершенно пренебрег основным военным законом — держать связь со старшим, и за восемь месяцев пребывания в

Китае ни разу не потрудился запросить меня ни почтою, ни телеграфом, ни посылкою фельдъегеря, или командируя офицеров, имея к тому все средства. Из Чугучака в Кульджу и Суйдин еженедельно приезжают торговцы и беженцы, и они охотно взяли бы на себя труд передать мне письма и донесения. Каждый русский, приехавший из Чугучака, считал своим долгом зайти ко мне и представиться, и мой к ним всегдашний вопрос — нет ли писем мне от генерала Бакича — получал обычный ответ: нет. Между тем, ген[ерал] Бакич посылал телеграммы в Пекин, в Читу и Харбин и получал ответы. Мне же что-либо сообщить считал излишним. Ген[ерал] Бакич имел серебро, романовские деньги и другие средства и свыше 1000 одних только офицеров, что безусловно давало ему полную возможность завязать со мною правильные почтовые сношения, но, очевидно, это было для ген[ерала] Бакича невыгодным. В начале нахождения в Китае, в Чугучаке, распространился слух о моем расстреле красными и вообще смерти. Мне известно, что г.г. офицеры и казаки, интересуясь судьбою своего атамана, заходили в Штаб, спрашивали его обо мне, но Штаб, его начальник, совместно с начальником Отряда, упорно молчали и, не отрицая слуха, ничего не сделали для выяснения его. Судьбе угодно было сохранить меня, и я сам известил отряд о своем месте нахождения. Приказы, кои я посылал в Чугучак, частям не объявлялись, так как де не было бумаги. Оправдание неудачное — ибо деньги на бумагу были в отряде, а бумага в Чугучаке есть, доказательством чему служит покупка мною бумаги у чугучакских торговцев. Генералу Бакичу, а тем паче его начальнику Штаба должно быть известно, что в воинских частях существует еще и такой порядок: приказ, нужный для объявления, посылается с вестовым по частям, где его или переписывают или просто прочитывают. Из дальнейшего будет ясна причина сокрытия моих приказов — просто надо было изъять имя Атамана Дутова из жизни и все внимание сосредоточить на господине генерале Бакиче. Не имея совершенно средств, не имея перевозочных материалов, я тем не менее смог дважды командировать офицера в лагерь на реке Эмель (так в тексте. — *А.Г.*) и, кроме того, пользовался и телеграфом, и попутчиками, дабы связаться с Отрядом. Оба моих офицера благополучно прибыли в Суйдин и выполнили поручения. Командир моего Атаманского полка нашел же возможным прислать двух своих офицеров с донесениями. Полагаю, что Начальник Отряда имел больше способов в своем распоряжении для связи. Мне, измученному походами, и больному, нужен был эки-

паж, я обратился к генералу Бакичу и получил отказ; тогда как командир полка, полковник Савин, нашел же способ прислать мне два фургона. И так во всем. Генерал Бакич пишет мне письмо — «Дорогой Войсковой Атаман», изъявляет мне восторги, что я жив и т.п.; на деле же все обратно. При отъезде моего штаб-офицера [П.П.] Папенгут, ген[ерал] Бакич заявил, что он прекращает всякие сношения со мною, и что Атаман Дутов кончил свою деятельность. Что ген[ерал] Бакич прекращает свои сношения — это для меня не новость, ибо он их и не начинал, а были лишь остатки самой обычной вежливости — ответ на мои письма и запросы. Что же касается прекращения моей деятельности — это дело мое, а не генерала Бакича. Я — русский, а не иностранец, как ген[ерал] Бакич, и для меня интересы России дороже всего. Я прекращу свою работу лишь за смертью. Генерал Бакич и его начальник штаба заявили моему штаб-офицеру, что они не верят в возможность ухода в Россию и что он делает все, чтобы убедить начальников частей в невозможности дальнейшей борьбы его отрядом. Все порывы истинно русских людей, желавших продолжения борьбы за правое дело, генералом Бакичем наказуются заключением в китайской тюрьме или, как, напр[имер], генерала Никитина, откомандировывают от отряда. Начальник Отряда со своим Штабом до того не заинтересован в том, что делается в пограничной полосе России, что разведка совершенно откинута, и, когда в июле 1920 года, во время Алтайского движения, командиры частей просили средства на разведку и изъявляли желание принять участие, генерал Бакич категорически отказал в этом. Полки сами на свои средства посылали агентов. Когда генерал Анисимов изъявил желание информировать отряд, ген[ерал] Бакич отказал ему в пуде серебра на это дело. Печальная история ухода Красного Креста из лагеря есть непонимание генер[алом] Бакичем своих прав. Считаю уместным напомнить ген[ералу] Бакичу, что я, передавая ему отряд, подписал приказ, определяющий его права, как командира неотдельного корпуса, между тем, ген[ерал] Бакич в переписке с А.А. Булыгиным передергивает «Положение о пол[евом] упр[авлении]», присваивая себе права чуть ли не Главнокомандующего. Мне известно, что в части попал приказ, где были указаны права ген[ерала] Бакича как командира корпуса отдельного — это умышленно неправильная перепечатка. Зимняя заготовка баранов обошлась отряду в среднем по 11 рублей за голову, между тем любой скотопромышленник из Кульджи перегнал бы баранов в Чугучак за половинную плату. Баран

в Илийском крае на серебро стоит 3 р. 50 к. или 4 рубля. Не вижу экономии в расходе серебра, и, вместо того, чтобы за 60 000 рубл[-ей] серебра купить 5000 баранов, можно было купить 15 000 голов и обеспечить отряд вплоть до 1922 года. Удивляюсь тому обстоятельству, что ген[ерал] Бакич с налету захватывает 1/3 часть серебра, бывшего у консула Долбежева, скот у Шевченко и тем лишает отряд кредитов от посланника в Пекине, но не считает нужным взять 13 000 гурт баранов, пасущийся у Чугучака, закупленный еще агентами Сибирского правительства. Генерал Бакич ежедневно недополучает 2000 джин муки, что пагубно для отряда, но оставляет без внимания 30 000 пудов пшеницы закупок Анненкова, кои ссыпаны в Чугучаке. Не думаю, чтобы это было неизвестно генералу Бакичу, раз известно мне. Причина, очевидно, в том, что ген[ерал] Бакич не сумел завоевать себе расположения как среди населения, так и среди местных властей. Мне известны случаи непринятия ген[ерала] Бакича местным китайским начальником. Это уже оплеуха всему отряду. Удивляет меня еще и то обстоятельство, что при отряде существует казначейство, но серебро хранится начальником отряда у себя под кроватью. Что это? Акт недоверия присяжным чинам Государственного Казначейства, или здесь неведомая тайна. Во всяком случае, это — незаконно, и не дело Начальника Отряда лично выдавать мешки с серебром. Можно вести учет иным порядком. Мне известно, что перевод, сделанный генералом Анисимовым в размере 25 000 лан, до сего времени не получен, ибо начальник отряда требует выдачи его золотом, и в то же время отряд — буквально голый. Имея в отряде все мастерские, инструменты, огромное количество обозов и лошадей, значительный запас серебра и других ценностей, имея огромный комплект всякого рода специалистов: инженеров, коммерсантов, агрономов и мастеров всех цехов — преступно просидеть 6 месяцев и не создать мастерового городка. При наличии таких сил и средств можно было бы забить все местные фирмы. Распоряжения ген[ерала] Бакича свелись в отряде к тому, что воинский отряд превратился в лагерь беженцев с полным отсутствием дисциплины и воинских отличий: каждый живет по себе и для себя. Некоторые части разбились по поселкам и сходкою решают вопросы службы и наряда. Меры, принимаемые полковником [Р.П.] Степановым и генералом [А.С.] Шеметовым к поднятию дисциплины и порядка, сочувствия в штабе Отряда не встречают. Особым бельмом в отряде для генерала Бакича служит мой Атаманский полк, в виду сохране-

ния им в полном объеме воинской дисциплины. Но в то же время генерал Бакич усиленно подчеркивает, что его отряд — военный, когда дело касается заработка отдельными чинами или организации ими какого-либо коммерческого предприятия. Подполковник Папенгут был свидетелем прибытия в Чугучак офицера любимой генералом Бакичем Сызранской дивизии. В 30° мороз в одной рваной шинели, надетой на рваное белье и имея на ногах куски кошмы, вместо сапог. Что же тогда делается с казаками? Волосы становятся дыбом. Попытка реквизировать частною инициативою созданный кожевенный завод закончилась крахом завода, и, вместо получения 11 000 овчин, полученных от съеденных к 1 августа баранов, выдано было на полк по 10 плохо обделанных шкурок, но штаб получил полностью. У меня имеются данные, что генерал Бакич в начале интернации пытался увести отряд в Пекин, о чем шла усиленная переписка с русским посланником. Я совершенно не был уведомлен об этом, между тем, более 80% отряда составляют оренбургские казаки, и их Атаману, очевидно, небезынтересно было знать, куда ведет их начальник, поставленный тем же Атаманом. Знакомясь с жизнью отряда по приказам, я из 108 номеров мне присланных, усмотрел, что 31 приказ посвящен судебной части, т.е. 30% всех приказов составляют судебные дела и приговоры — это тогда, когда нет бумаги. Да разве судом исправляют виновных? Господин генерал! Надо уметь поставить себя так, чтобы не судный приговор заставлял исполнять приказы, а уважение к начальнику. Обычно все арестованные отправляются в ямынь (китайскую тюрьму). Ведь всем известно, что из себя представляет китайская яма, и в нее сажать тех русских, кои 5000 верст прошли с огромными лишениями, неся с собою огромную любовь к Родине. За что такое издевательство над русскими да еще в чужой стране, с полудеспотическими законами?! Я страдаю душою за всех русских Чугучака и Эмеля. Генералу Бакичу, как сербу, может быть, неясны мои побуждения, но я не могу больше допустить издевательства над русскими — славянами. Я оценил заботы генерала Бакича об отряде, бывшие в Семиречье и в начале интернации, — благодарил приказом и произвел в генерал-лейтенанты, но генерал Бакич забыл, что, принимая от меня производство, он тем самым подчиняется мне всецело. Генерал Бакич принял все меры к тому, чтобы разложить отряд и держать его полуголодным и голым, очевидно, надеясь, что к весне подчиненные уйдут от ген[ерала] Бакича, и он сможет поехать на Дальний Восток, выполнив свою

задачу, окруженный почетом. Эти расчеты ошибочны, и настоящий приказ мною послан как в Пекин дипломатическому корпусу, так и в Харбин к генералу Анисимову. Генерал Бакич забыл, что отряд носит мое имя, и я не могу допустить, чтобы оно трепалось зря. Генерал Бакич, получив мои подробные сообщения и приказы, ответил на них краткою бессодержательною бумагою, приложив стихи Анненковского сочинения. Считаю подобное отношение к высокому государственному делу освобождения России — издевательством. Мною был командирован на р. Эмель штаб-офицер для поручений при мне капитан Папенгут, и он доложил мне, что ген[ерал] Бакич запретил ему доклад от моего имени командирам частей отряда и не допустил капитана Папенгута на заседание, бывшее у генерала Бакича с ком[андирами] частей по поводу поручения капитана Папенгута, между тем последний офицер удостоверением был уполномочен говорить от моего имени. Я не могу понять, как генерал Бакич, состоя начальником отряда моего имени, решился не допустить заместителя моего. Это и оскорбление мне, и нарушение воинской вежливости. На оперативный приказ о выходе в Россию генерал Бакич ответил полным отказом, заявив, что отряд не пойдет в Россию, и что он не боеспособен. На приказ о выдаче серебра для общего дела спасения России, переданный лично ген[ералу] Бакичу капитаном Папенгут, генерал Бакич ответил отказом, и на вторичный приказ мой по телеграфу положил свою резолюцию, которую привожу как в доказательство понимания генералом Бакичем русского дела и русского языка: «Телеграмму читал и на совещание начдивов обсуждалось; отряд находится в очень тяжелых условиях, и болие, чем рание (здесь и далее — так в тексте. — *А.Г.*), решено было — нет возможности пока ничего уделить: офицеры, казаки и сольдаты голие и босие». Нач[альник] Отряда Ген[ерал-] Лейт[енант] Бакич, 23 окт[ября] 1920 г. Дважды генерал Бакич не исполнил моего боевого приказа, хотя бы и прикрылся совещанием начдивов. Исходя из всего этого, я не могу более быть равнодушным к делам отряда моего имени на реке Эмиль, и ради спасения казаков и русских людей, интернированных у Чугучака, принимаю решительные меры. Русская пословица говорит, что «рыба тухнет с головы», а потому я, властью, мне данной, отрешаю от должности начальника отряда моего имени на реке Эмиль — генерал-лейтенанта Бакича и его начальника штаба, ускоренного выпуска Генерального штаба генерал-майора Смольнина…»[552]

Приведенный выше документ совершенно не соответствует по своей форме приказу; скорее, это личная исповедь Дутова или даже публичное обращение к самому Бакичу. В тексте, наряду с искренней болью за судьбу оренбургских казаков, ощутимо проскальзывает и обида уязвленного самолюбия Дутова. При этом автор сам себе противоречит, обвиняя сначала Бакича в отсутствии связи, а затем критикуя письма Бакича в свой адрес. Нельзя не отметить и то, что Бакич с начала 1920 года не находился у Дутова в подчинении, а подчинялся лишь Анненкову. Дутов сам стал заложником ситуации, созданной им и Анненковым в Семиречье, когда оренбургский атаман фактически самоустранился от руководства армией. Но поскольку Анненков себя дискредитировал насилиями его подчиненных по отношению к чинам бывшей Отдельной Оренбургской армии, Бакич в Китае посчитал себя независимым и от Анненкова, и от Дутова. К тому же ни первый, ни второй реально не сделали ничего, чтобы помочь многочисленному отряду Бакича. Приказ о походе на Советскую Россию Бакич вполне обоснованно посчитал авантюрой. Что касается приказа об отрешении Бакича, то Дутов допустил в тексте несколько серьезных ошибок, дезавуировавших этот приказ в глазах Бакича. Прежде всего он позволил себе опуститься до личных оскорблений, выставляя Бакича малограмотным человеком и инородцем, хотя в безграмотном ответе по телеграфу мог быть повинен телеграфист, а не сам Бакич, а что касается национальности Бакича, то, она, разумеется, имела значение в формировании его личности и черт характера, но говорить о том, что боевому генералу русской службы, георгиевскому кавалеру и герою двух войн были чужды интересы России, по меньшей мере оскорбительно. Еще один промах Дутова — выпад против начальника штаба Бакича генерала Смольнина, который закончил никак не ускоренный, а полный курс академии Генерального штаба, причем с лучшим результатом, чем сам Дутов. Тем же приказом Дутов назначил начальником отряда генерал-майора А.С. Шеметова, начальником штаба — полковника Кострова.

Дутов телеграфировал князю Кудашеву в Пекин: «Сообщаю Вам [и] дипломатическому корпусу, [что] мною Нач[альник] отряда [в] Чугучаке генерал Бакич за самоуправство, незаконные реквизиции, нарушение международных законов [и] прочие деяния отрешен от должности вместе с Нач[альником] штаба. Назначен новый начальник генерал Шеметов. Сообщаю на предмет оказания помощи отря-

ду, прошу деньги адресовать генералу Шеметову... Дутов»[553]. Этому распоряжению Дутова Бакич не подчинился. От возможных негативных последствий его спасла гибель Дутова, спустя лишь неделю после неприятного для Бакича приказа. В лагере, по свидетельству корпусного интенданта есаула И.И. Кокарева, «Бакич объявил себя полным диктатором (подчеркнуто в тексте. — *А.Г.*) и высказал в своих речах на собраниях, что жизнь каждого члена корпуса всецело находится в его руках...»[554]

По мнению начальника разведывательного отдела штаба Туркфронта Кувшинова, «присутствие в [китайских] провинциях белогвардейцев может привести к весьма печальным для Китая последствиям. Несомненно, Китайские власти учитывают это обстоятельство, и если мирятся с присутствием на их территории русских белогвардейцев безоружных, то вооруженных — лишь терпят до поры до времени, пока не имеют возможности с ними разделаться...»[555]. Слова эти оказались пророческими.

Зиму 1920/21 года отряд Бакича преодолел, хотя люди постоянно голодали, а в связи с отсутствием фуража пало более половины лошадей[556]. За долгие зимние месяцы в лагере было выпущено три номера машинописного журнала «На чужбине» [557]. Весна 1921 года принесла слухи о крестьянских восстаниях по всей России. В частях отряда появилась надежда на возвращение в Россию, освобожденную от большевиков. Эти надежды, однако, не оправдались. 4 марта (19 февраля) 1921 года Бакич телеграфировал послу Франции в Пекине: «[С] трудом прожив зиму...[из-за] недостатка средств [и] заработков, войска принуждены разойтись. Прошу Вас [как] представителя союзной державы [в] Пекине переговорить [с] миссиями других государств [и] выяснить нужно ли сохранение войск [в] организованном виде, [ни] оставаться надолго [в] прежнем положении, [ни] вернуться [в] Коммунистическую Россию невозможно. Полагаю желательным выхлопотать средства [и] разрешение передвинуться [из] западного Китая [на] восток, где можно выйти [на] территорию России, свободную [от] большевиков или поселиться [в] местности, где могут найти заработок 1300 офицеров, 4000 солдат. Прошу любезности ответить телеграфом возможно скорее. Генерал Бакич»[558].

После конфликта с Дутовым и его гибели Бакич, как старший офицер оренбургских частей, переименовал свой отряд атамана Дутова в Отдельный Оренбургский корпус. Потенциальный соперник

Бакича, выдвиженец Дутова генерал А.С. Шеметов, по некоторым данным, получил повышение[559]. Попытка мятежа активного сторонника Дутова, командира Атаманского полка полковника Савина, была пресечена, участники (сам полковник Савин, есаулы Остроухов и Шишкин) попали в китайскую тюрьму[560]. В составе корпуса, по данным штаба Бакича, состояло 500 офицеров, 4000 казаков, чиновников и членов семей и 1500 неказаков. Кроме того, вне корпуса насчитывалось до 4000 военнослужащих. 9 марта 1921 года Бакич телеграфировал Анисимову: «...остаюсь [в] Корпусе до повеления общепризнанного правительства, ответственен пред людьми, [с] которыми работаю три года [ради] идеи единой России. Не признаю интриг, дрязг...»[561]

Положение в лагере на Эмиль весной 1921 года было отчаянным. Голод свирепствовал и в Чугучаке. Отсутствие помощи Бакич объяснял происками Дутова[562] и просил Анисимова срочно выяснить: «...Нужна ли моя организация, [за] неполучением перевода [и] выходом средств принужден всех распустить. Если не нужны, просите передать... [в ту] местность, где могут найти работу 1300 офицеров, 4500 солдат, [с] семействами. Ответ нужен возможно скорее [для] принятия решения» [563]. Многократные просьбы возымели действие, и Анисимов перевел в банк в Урумчи денежную сумму для отряда Бакича. Тем не менее деньги получить даже в Урумчи было непросто. Между тем в войсках Бакича уже имели место случаи голодной смерти[564]. В этой обстановке Бакич разрешил засеять землю в районе лагеря, однако собрать урожай белым не пришлось.

НОВЫЙ ПОХОД

Ранее я уже писал о том пристальном внимании, с каким советская военно-политическая разведка относилась к антибольшевистским силам в Западном Китае. В то же время достоверных данных о состоянии отряда Бакича, его действиях и планах лидеры большевиков практически не имели, что видно из информационных сводок ВЧК высшему советскому руководству, в которых о Бакиче сообщались отрывочные и совершенно не соответствовавшие действительности сведения[565]. Более достоверной информацией располагала военная разведка Туркфронта, данными которой руководствовалось командование фронта. Еще 27 июля 1920 года командованием

Туркфронта, во главе которого стоял М.В. Фрунзе, был подготовлен доклад в Реввоенсовет республики о необходимости ликвидации белогвардейских очагов в приграничных районах Китая. В докладе говорилось: «По повторным показаниям перебежчиков, заслуживающих доверия, отряды Дутова, Анненкова, Бакича и других белогвардейских главарей, перешедшие на китайскую территорию, не разоружены и сохранили частично свою организацию. Китайцам была передана ничтожная часть оружия, главная же масса закопана и скрыта и, таким образом, фактически осталась в распоряжении белогвардейцев. По последним данным, указанные генералы приступили к новой организации крупных отрядов, вербуя путем широкого подкупа местных русских поселенцев и мусульман; устанавливается связь с ферганскими басмачами, ведется тайная агитация во всем Семиречье, где мусульманская и кулацкая часть населения представляет для белогвардейцев подходящий контингент. Гор[од] Кульджа является центром широко намеченной организации антисоветского движения во всем Туркестане, причем там же образовано особое мусульманское правительство, намечающее организовать священную войну за освобождение народов Афганистана, Персии, Индии, но, конечно, в первую очередь Туркестана. Эти планы, вызывающие сомнение в таком широком масштабе, в отношении Туркестана вполне осуществимы и не могут быть оставлены без всякого внимания. Попытки ликвидировать дипломатическим путем эти возможности и вынудить китайские местные власти обезоружить банды не привели ни к каким результатам, и вопрос остается открытым. Реввоенсовет фронта считает необходимым в интересах установления полного спокойствия в Туркестане безусловно ликвидацию указанного белогвардейского центра. Пути к этому сводятся, во-первых, к предъявлению китайским властям категорического требования о разоружении и отводе всех белых банд от границы вглубь Китая и, во-вторых, в случае отказа в этом, — во временном занятии нами Кульджи и Чугучака. Принимая во внимание особую серьезность вопроса, Реввоенсовет фронта ожидает соответствующих указаний центра. Командтурк Фрунзе. Члены Ревсовета: Ю. Ибрагимов, В. Куйбышев»[566]. Наличие в приграничной полосе Китая значительных антибольшевистских сил могло серьезно помешать реализации планов большевистского руководства по экспорту революции на Восток[567], однако необходимо отметить, что попытки практического воплощения этих планов применительно к Китаю относятся к более позднему периоду 1921–1927 годов[568].

В 1919–1920 годах руководство Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в отношении Китая руководствовалось концепцией перманентной революции, выработанной Л.Д. Троцким, мировая революция рассматривалась как естественное продолжение Гражданской войны. Вплоть до конца 1922 года этой идеей руководствовались и китайские коммунисты[569]. Лидер большевиков В.И. Ленин (Ульянов) в конце 1919–1920 году, видя трудности реализации идеи Троцкого на практике, пришел к выводу о необходимости изменить тактику действий. Взгляды Ленина легли в основу теории антиколониальных революций, выработанной Коминтерном летом 1920 года. Новый курс предусматривал, в первую очередь, ликвидацию господства иностранного империализма в колониальных и полуколониальных странах (национальные революции), что, по замыслу разработчиков, должно было привести к освобождению трудящихся масс. Национальные революции, осуществляемые под руководством коммунистов, рассматривались как часть мировой пролетарской революции. Вместе с тем победа революций в странах Востока считалась невозможной без союза местных революционных сил с советскими республиками развитых стран[570]. В сентябре 1920 года в Москву прибыла китайская военно-дипломатическая миссия во главе с генералом Чжан Сылинем, который был принят Лениным[571]. В результате переговоров была достигнута договоренность о прекращении деятельности не признававших большевиков русских дипломатических представительств в Китае. Однако дальше этого в 1920 году китайцы не пошли.

В начале мая 1921 года в район лагеря на реке Эмиль с территории Советской России пришла так называемая «Народная дивизия» — около двух тысяч (4 полка[572]) токаревцев — западносибирских крестьян-повстанцев, боровшихся с большевиками в районе Каркаралинска.

Токаревцы являлись сравнительно небольшой группой участников Западно-Сибирского восстания 1921 года — крупнейшего противобольшевистского повстанческого выступления периода Гражданской войны, превосходившего по числу участников знаменитые Тамбовское и Кронштадтское восстания[573]. По различным подсчетам, общее число участников восстания оценивается от 30 до 150 000 человек. Активное участие в этом выступлении приняло и доведенное до отчаяния продразверсткой казачество. Один из повстанческих лидеров, сибирский казак подхорунжий С.Г. Токарев, накануне восстания служил в отделе по учету конского состава Петропавловско-

го уездного военкомата. В конце февраля 1921 года он возглавил 1-ю Сибирскую казачью дивизию, однако уже в середине марта был разбит и вместе с уцелевшими казаками вынужден бежать под ударами красных из Петропавловского в Кокчетавский уезд Омской губернии. 6 апреля 1921 года его дивизия заняла Каркаралинск, где была реорганизована и получила название Народной. Но вскоре Токарев в связи с наступлением красных был вынужден покинуть город и через горные перевалы уйти в Синьцзян.

Пришедшие на территорию Китая токаревцы имели при себе большое количество оружия, включая 4 пулемета. Командир отряда, подхорунжий Токарев, признал над собой власть Бакича, и его отряд в качестве 1-й Сибирской дивизии был включен в состав Отдельного Оренбургского корпуса. Приход вооруженных повстанцев и слухи о крупномасштабном антибольшевистском крестьянском движении по всей России значительно повысили боевой дух корпуса. Сам Токарев был произведен Бакичем в полковники[574]. Токаревцы отказались сдать оружие китайским властям, чем вызвали их серьезное недовольство.

В результате 17 мая 1921 года в пограничном пункте Бахты между военным губернатором Тарбагатайского округа дутуном Чжаном и командованием Туркестанского фронта (уполномоченный — Раздобреев) было подписан договор, предусматривавший ввод советских войск на территорию Китая для ликвидации отряда Бакича и других антибольшевистских формирований. В советской историографии утверждалось, что инициатором соглашения был военный губернатор Тарбагатайского округа Синьцзянской провинции[575]. По данным белых, губернатора просто подкупили[576]. Кроме того, сами китайцы тяготились присутствием на своей территории интернированных, а теперь еще и вооруженных людей и были заинтересованы в наведении порядка в Синьцзяне, чего своими силами они сделать не могли[577]. Интерес советского руководства в уничтожении своего давнего опытного противника очевиден. По условиям договора красные предполагали справиться с Бакичем в недельный срок, имея свой запас продовольствия, в дальнейшем, если бы операция потребовала больше времени, снабжение должны были осуществлять китайцы[578]. Однако ликвидировать Бакича красным в ходе этой операции, названной Чугучакской, оказалось совсем не так просто, как они предполагали.

В Чугучаке китайскими властями были вывешены объявления, в которых от имени губернатора сообщалось, что в связи с заключени-

ем договора между Российской и Китайской республиками русские беженцы могли возвращаться на родину с гарантиями личной и имущественной неприкосновенности[579]. Вскоре по городу поползли тревожные слухи, в том числе о принудительном выселении беженцев и о скором занятии города красными. Многие беженцы стали покидать город и уезжать в лагерь к Бакичу. Слухи оказались во многом достоверными. 24 (11) мая части Туркестанского фронта действительно перешли границу с Китаем и заняли Чугучак, силы Семипалатинской группы войск содействовали выполнению операции[580].

После годичной мирной передышки Бакич вновь должен был браться за оружие. Всего вместе с ним в поход выступило до восьми с половиной тысяч человек, из которых менее тысячи было вооружено[581]. Прославленный партизанский генерал Р.П. Степанов предложил дать красным отпор и занять Чугучак, чтобы завладеть оружием, сданным китайским властям в прошлом году. Тем не менее, чтобы не нарушать международные законы, от этой идеи Бакич отказался[582]. Было принято решение немедленно сниматься с места и уходить по голодным степям Джунгарии вглубь Китая, подальше от советской границы. Уже к вечеру 24 (11) мая, по донесению начальника арьергарда полковника Т.О. Савельева, красные заняли лагерь на реке Эмиль.

Весь поход голодных, почти безоружных, отчаявшихся людей, обремененных семьями и преследуемых частями регулярной армии, был одновременно трагедией и подвигом. 27 (14) мая, по воспоминаниям военного чиновника корпуса Бакича А.И. Ефимова, две сотни оренбургских казаков из состава 1-й Оренбургской казачьей дивизии самоотверженно «без выстрела, с гиканьем и свистом, бросились... на красных, обратив их в поспешное бегство»[583]. На пути отступавших находился горный хребет Уркашар, в районе которого для ускорения движения было брошено все лишнее. Происходили душераздирающие сцены, когда родители были вынуждены бросать здесь даже своих детей[584]. 30 (17) мая красным удалось сбить Бакича с тракта Чугучак—Урумчи и отряд вступил в пустыню Гоби. В эти дни участник похода А.И. Ефимов записал: «Пустыня, пески, безводье, невыносимая жара... голод и томительная жажда. Мы обречены... Голод — страшная вещь, а человеческая натура не брезглива, и мы стали превращаться в зверей. Как только конь начинал показывать признаки усталости и было видно, что он уже не помощник нам, его прикалывали... и рвали затем на куски. Ели мясо без соли...

Я стал понимать выражение: люди пухнут от голода. Не приведи Бог никому видеть это! Человек становится как бы налитым водою, делается ровный, круглый, с прозрачным телом...»[585]

Лишь к вечеру 1 июня (19 мая) части корпуса вышли из песков. На следующий день были получены данные об организованной красными на пути отряда засаде при выходе из ущелья. Все, способные носить оружие, были вызваны для того, чтобы принять участие в бою, однако пришли в основном лишь несемейные, в общей сложности около 600 человек, причем две трети были безоружными[586]. 3 июня (21 мая) батальон красных, высланный из Зайсана, повел наступление на Бакича от реки Кобук. Единственным шансом спастись для белых был стремительный прорыв. Описывая произошедший бой, А.И. Ефимов приводит очень сильные строки: «Пробиться! Это было все для нас. Жуткие минуты, когда приходилось думать об этом! И без того все были и физически, и нравственно измучены. Многие из нас в изнеможении падали и долго оставались лежать на земле, закрыв лицо руками; другие рыдали... Были случаи самоубийства... Измученные, голодные, в большинстве вооруженные камнями, оглоблями и чем попало, мы бросились в атаку на красных. Все шло хорошо до тех пор, пока мы не дошли до окопов противника, где у красных началось было замешательство... Но, увидев нас вплотную безоружными, красные пришли в себя и бросились в контратаку.

– Товарищи! Они безоружны, бейте их! — кричали их комиссары.

Нам пришлось отступить, неся потери. Пять раз ходили затем в атаку, но все безуспешно. В 9 часов утра мы посадили половину участников боя на лошадей, которых выпрягли из обоза, и пошли в атаку в шестой раз... На этот раз, испугав красных обходом, мы сбили их и опрокинули в реку. В реке их потонуло более половины. Остатки их преследовались нами верст десять, пока у голодных и усталых людей хватало силы бежать за противником. Многие из нас, добежав до реки, бросились к ней, прильнули к воде и пили ее до потери сознания, не обращая внимания ни на что... У красных было взято много винтовок, патронов, хлеб и другие съестные припасы»[587]. Всего в плен было захвачено до 50 красноармейцев, они были разоружены и после опроса отпущены[588]. Трофеи составили до 6000 патронов и около 50 подвод с продовольствием. Впоследствии победа на реке Кобук породила среди местного населения самые фантастические слухи о невероятной мощи отряда Бакича, что, конечно, было на руку генералу[589].

4 июня (22 мая) корпус вышел на дорогу, которая вела к городу Шара-Сумэ на реке Кран, чтобы кратчайшим путем оттуда уйти в Монголию, избежав преследования со стороны китайских и советских войск[590]. Корпус шел к этому городу, сметая все на своем пути, местное население бежало, пытаясь спасти имущество от разграбления голодными обезумевшими людьми. «Голодные едва ли могут рассуждать о правильности своих поступков», — писал очевидец[591]. 7 июня (25 мая) Бакич отдал приказ, в котором предлагал всем, кто не может передвигаться своими силами, возвратиться в Россию или оставаться на месте. Этим он хотел облегчить участь оставшихся.

Движение по долине реки Кобук было относительно благоприятным, однако 10 июня (28 мая) корпус вновь вступил в пески. Подчиненным Бакича предстоял 120-верстный переход по пустыне. Красные продолжали преследовать корпус, а голод постоянно напоминал о себе: люди ели собственные ботинки, варили супы из одежды, арьергарду попадались на пути трупы с вырезанными на ногах икрами, которые были съедены своими же[592]. Возле озера Улюнгур, к которому корпус подошел поздно вечером 11 июня (29 мая), обпившись горько-соленой воды, погибло еще несколько десятков человек.

12 июня (30 мая) беженцы подошли к реке Черный Иртыш, у которой произошли драматические события. Китайцы перегнали паром на правый берег реки, чтобы затруднить переправу белым, последние же приступили к постройке плотов. 15 (2) июня переправа из-за сильного течения не удалась. «Первый плот был пущен, нагруженный стариками, женщинами и детьми. На самой середине реки проволока, по которой передвигался смастеренный нашими руками паром, оборвалась, и плот понесло вниз по течению. Конечно, люди, бывшие на нем, погибли. Никто и не попытался помочь чем-либо несчастным…»[593]

Каким же было состояние людей, когда 17 (4) июня удалось раздобыть некоторое количество продовольствия. «Ели до рвоты. Одного казака пришлось силою оторвать от котла с рисовою кашею. В течение часа он принимался кушать несколько раз. Наедался до рвоты и, едва опроставшись, опять тащился к котлу. На мое замечание, что он может объесться, казак ответил:

– Лучше умереть от пищи, чем от голода»[594].

20 (7) июня четверо голых казаков переплыли реку и, испугав своим видом китайскую охрану, захватили паром. Бакич с конвоем и добровольцами переправился через реку и двинулся на Шара-Сумэ. Китайцы были напуганы слухами о надвигающейся бесчисленной

орде русских, жителям города было выдано оружие. Теперь Бакич, поняв, что невозможно соблюсти международные законы по интернированным в тех условиях, когда их так грубо и цинично нарушила приютившая его отряд сторона, был вынужден начать боевые действия и против китайцев.

Наперерез китайским войскам, отступавшим от Шара-Сумэ, был двинут отряд полковника А.С. Колокольцова, однако, увлекшись грабежом и не приняв мер предосторожности, белые потерпели поражение. К вечеру 24 (11) июня переправа через Черный Иртыш была закончена. Войска выступили к реке Кран, при переправе через которую под обстрелом китайцев также погибло немало чинов корпуса. Тем не менее переправиться удалось, и корпус по правому берегу реки Кран выступил уже непосредственно на Шара-Сумэ. Получив известия о переходе белых через Иртыш и не надеясь удержать Шара-Сумэ, губернатор Шара-суминского (Алтайского) округа Синьцзянской провинции Джо-у-Сюэ покончил с собой[595]. После этого в городе началась настоящая паника. Власти стали эвакуировать население, были отмечены случаи мародерства. Дожидаться прихода Бакича в городе остались лишь русские, сарты (мусульмане) и небольшое количество китайцев, из которых была сформирована самоохрана. Незадолго до занятия города Бакичем вернувшиеся китайские солдаты (в основном дунгане) устроили погром в русском квартале, в ходе которого было вырезано более 45 человек, включая женщин и детей[596]. Существует и иная трактовка событий, согласно которой в китайских частях Шара-Сумэ вспыхнул мятеж, подавить его власти не смогли, губернатор покончил с собой и город легко достался войскам Бакича[597]. Есть версия и о том, что Шара-Сумэ Бакичу удалось занять лишь в результате двух- или даже трехнедельной осады[598]. Так или иначе, но 26 (13) июня 1921 года власти Синьцзяна, видя невозможность остановить Бакича, направили советскому правительству повторную просьбу о вводе своих войск на территорию провинции[599]. По этому вопросу в Чугучаке и Урумчи были начаты советско-китайские переговоры, затянувшиеся в связи с отсутствием у красных в тот период свободных сил до осени[600].

Тем временем 2 июля (19 июня) Бакич без боя занял Шара-Сумэ. По некоторым данным, потери Бакича в походе от Чугучака до Шара-Сумэ составили около 4000 человек — в основном умершими от голода[601]; по более умеренным подсчетам, речь шла о 1000–2000 погибших[602], наименьшая цифра — 500 умерших от голода — содер-

жится в советских аналитических материалах об отряде Бакича[603]. Из офицеров в этом походе погибли: войсковой старшина Н.А. Донсков, есаул В. Бараев (утонул в реке Черный Иртыш), сотник Ханжин (убит в бою), войсковой старшина Биктеев, сотники Кочнев и Каширин (числились пропавшими без вести), поручик Фомин (наевшись сырой конины)[604]. И этот мартиролог далеко не полон.

МИРНАЯ ПЕРЕДЫШКА

Бакич не стал удерживать подчиненных от того, чтобы те в Шара-Сумэ сполна излили свою ненависть к продавшим их китайцам. Впрочем, едва ли это было в его силах. Город был разграблен, причем «грабящих никто не сдерживал. Я видел сам, как даже начальник штаба корпуса вылезал из окна одного китайского магазина с какими-то узлами в руках. Солдаты и казаки, разбивая магазины и дома, искали главным образом хлеба и съестного вообще... К вечеру в городе трудно было встретить собаку или кошку: те, что не успели убежать из города вслед за жителями, были съедены людьми отряда. Весь день и ночь, по занятии города, люди ели и пили, — благо джуну, т.е. китайской водки, оказалось сколько угодно. Зарево огней освещало окрестности города на несколько верст. Это варили «плов» — рисовую кашу с бараниною, урюком и изюмом»[605]. Обозы были расположены по заимкам на реке Кран вблизи города.

Занятие города позволило Бакичу вооружить свои части, в основном винтовками Маузера образца 1890 года, корпус получил даже артиллерию: четыре-пять 37-мм автоматических орудий системы Маклена. В то же время существовала острая нехватка трехлинейных винтовочных патронов. Быстрый успех пробудил давние мечты о походе в Россию. Для этого необходимо было срочно получить хотя бы какую-то информацию о международном положении. Бакич же в Синьцзяне был фактически изолирован китайцами от новостей. Кроме того, настало время для координации действий с другими отрядами и поиска возможных союзников в предстоявшей упорной борьбе. Взяв Шара-Сумэ, Бакич установил связь с действовавшим между Кобдо и Улясутаем партизанским русско-инородческим отрядом есаула А.П. Кайгородова. 8 июля (25 июня) Бакич направил письмо монгольскому правителю Хатам-Батар-Вану в Кобдо, предлагая ему воспользоваться занятием Бакичем Алтайского округа и

присоединить последний к Монголии, прислав свои войска. «Полагаю необходимым, — писал Бакич, — скорейшую посылку монгольских войск в Алтайский округ, дабы закрепить за независимой Монголией этот край. Также необходимо срочно принять меры к организации власти в округе, так как теперь после ухода китайцев там власти не существует. Ответ прошу прислать с Вашим представителем, который мог бы меня посвятить в дальнейшие планы Ургинского правительства»[606]. 10 июля (27 июня) 1921 года, после переговоров с монголами о снабжении, Бакича провозгласили монгольским князем, хотя признать его власть отказались. В дальнейшем, однако, местные правители просили Бакича о покровительстве[607]. Из Шара-Сумэ Бакич отправил также несколько писем генерал-лейтенанту барону Р.Ф. Унгерну фон Штернбергу, начавшему в этот период свой второй поход в Советскую Россию. Таким образом, нельзя согласиться с утверждением современного московского исследователя Е.А. Белова, по мнению которого Бакич не ответил на письмо Унгерна, поскольку «во-первых, он (Бакич. — *А.Г.*) считал, что у него довольно большие военные силы, способные самостоятельно бороться с советской властью. Во-вторых, у них были идейные разногласия: Унгерн выступал за восстановление абсолютной монархии в России, а Бакич — за созыв Учредительного собрания. И в дальнейшем Бакич не пытался установить связь с Унгерном»[608]. На переписке Бакича и Унгерна, а также на политической программе первого мы остановимся ниже.

15 (2) июля из Шара-Сумэ на Бурчум, для занятия последнего, выступила группа под командованием генерала Р.П. Степанова. Вскоре стало известно о занятии Степановым Бурчума, гарнизон которого бежал в направлении на Урумчи[609]. Алтайский округ был полностью очищен от китайских войск. На 25 (12) июля с целью обсудить положение в регионе и решить вопрос о направлении дальнейшего его развития Бакич назначил съезд всех киргизских и монгольских правителей Шара-суминского округа. Всего на съезде собралось до 3000 человек, из которых Бакичем был выбран временный правитель округа. Им стал Бейсе Ханафий Мамиев, произведенный в чин надворного советника[610].

В целом отношение монголов и киргизов к русским было доброжелательным, и, как писал Бакич Унгерну, «имея в виду их племенную рознь, политическую неразвитость даже правителей, приходится согласиться с общим взглядом на среднеазиатские народности, что они будут подчиняться сильнейшему»[611]. Себя и Унгерна Бакич

считал освободителями Монголии. Благодаря помощи местного населения, огромному количеству поставленного корпусу скота, части стали оправляться от голода и лишений последнего похода. В обмен на скот местному населению поставляли мануфактуру и чай.

Идея связать себя с монголами возникла у Бакича в связи с острой необходимостью наличия надежной базы для возобновления активных действий против красных. Его корпус был слишком слаб для одновременной борьбы и против большевиков, и против китайцев. Монголия, как полагал он, признанная самостоятельной, позволила бы белым на время укрыться от китайских войск, организоваться и сосредоточиться на своей главной задаче — борьбе с красными на широком фронте. Организационный центр для дальнейших операций, по мнению Бакича, должен был находиться в Урге — городе, через который можно было установить связь с Дальним Востоком, где еще продолжалась активная борьба с красными. Бакич признал Унгерна командующим на монгольском фронте и формально поступил в его подчинение. В своих действиях он руководствовался известным приказом Унгерна за № 15 от 21 (8) мая 1921 года русским отрядам, готовым к борьбе с красными[612]. Этот приказ Бакич расценивал как «предварительное распоряжение для самостоятельных выступлений отдельных партизанского характера отрядов»[613]. В начале 1921 года Унгерн направил к Бакичу оренбуржца полковника В.Н. Доможирова для организации переброски войск Бакича в район Урги, однако связь установить не удалось (Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004. С. 322–323). Унгерн, по некоторым данным, назначил Бакича начальником Юго-Западной Монголии[614]. Бакич разработал план подготовительных мероприятий для начала активной борьбы против большевиков, которым предусматривались:

1. Организация власти в Алтайском округе из местного населения и охрана границ округа от китайских войск до получения указаний из Урги.

2. Разведка и сосредоточение частей корпуса вдоль реки Черный Иртыш[615].

Расположившись в долине реки Кран, подчиненные Бакича занялись уборкой урожая пшеницы и проса, засеянных в этом районе, причем урожай был выше среднего. Во время стоянки по инициативе корпусного интенданта в районе Шара-Сумэ было оборудовано 6 кожевенных заводов, пимокатные мастерские, на реке Кран построена мельница, перемалывавшая до 200 пудов зерна в сутки[616].

В то же время, как писал чиновник Ефимов, «наша родина будет несчастною, если мы вернемся домой такими, какие мы сейчас... Мы слишком озверели и одичали»[617]. Ефимов, настроенный явно недоброжелательно по отношению к Бакичу, обвинил его в произволе, поскольку Бакич арестовал командира 1-го Оренбургского казачьего полка полковника Д.В. Кочнева, формально — за укрывательство реквизированного у китайцев, а на самом деле, как считал Ефимов, — за отказ поделиться с самим Бакичем[618]. Однако нельзя исключить версию о том, что Бакич, после нескольких дней грабежа его подчиненных в Шара-Сумэ, всерьез взялся за наведение дисциплины в корпусе и в качестве примера для других начал со штабофицеров. К тому же, по утверждению одного из токаревцев, Г.З. Бурлакова, «дисциплина в частях Бакича была суровая, поддерживалась телесными наказаниями, арестами и расстрелами за побег и агитацию против власти Бакича»[619]. Еще одним поступком Бакича, вызвавшим осуждение Ефимова, стало решение поднести избранному правителем округа Б.Х. Мамиеву мундир Оренбургского казачьего войска. Ефимов писал: «Я заявил протест по поводу этой выходки бесцеремонного серба, сказал, что мундир нашего войска может носить только казак или то лицо, которому эта честь может быть оказана всем войском за особые услуги; Бакич сам носит его не по праву, да еще дарит его первому встречному»[620]. Ефимов явно увлекся разоблачениями — будучи принятым в казаки и имея большие заслуги в деле защиты войска, Бакич имел полное право носить казачий мундир. Что касается возможности награждать войсковым мундиром, то этот жест уважения был сделан Бакичем, чтобы местные власти не были враждебно настроены по отношению к его подчиненным. Вообще, до середины августа положение корпуса явно стабилизировалось. Люди смогли прийти в себя и отдохнуть. Жизнь не стояла на месте, в частности в Бурчуме женился генерал-майор Р.П. Степанов.

В эти дни Бакич активно готовился к походу в Россию. Была проведена реквизиция лошадей у местного населения, удалось собрать до 2500 голов, что вызвало озлобление монголов[621]. По мнению одного из подчиненных Бакича, в успех этого безумного предприятия не верил даже сам генерал, но тем не менее продолжал вести серьезную подготовку. Была сформирована Народная революционная армия во главе с Верховным Главнокомандующим, в состав которой вошел Отдельный Оренбургский корпус[622]. К сожалению, более под-

робные сведения об этой таинственной армии мне неизвестны. Был заготовлен флаг, представлявший собой смесь красного и старого русского флагов — символ примирения старого (белых) и нового (крестьян-повстанцев) течений в борьбе с большевиками, выработана политическая программа, написаны обращения к народам Сибири[623]. Политическая программа Бакича, представляющая собой весьма интересный по содержанию документ, была подробно изложена его начальником штаба генералом Смольниным в письме есаулу Кайгородову от 11 августа (29 июля) 1921 года. Кроме того, сохранился несколько иной по содержанию проект этой программы, а также ряд листовок с программными заявлениями Бакича. Основной лозунг Бакича гласил: «Долой коммунистов, да здравствует власть свободного личного труда!»[624] В программе говорилось: «Граждане России, без различия социального положения, веры и национальности!! Всем Вам достаточно хорошо известны последствия власти над Вами коммунистов. Вам также известен путь, который вернет нашу Родину к благоденствию и миру — путь один: избавление страны от коммунизма. Необходимо бороться до достижения нашей и всех Вас общей ближайшей цели — уничтожения коммуны и установления на Руси такого правопорядка, при котором народ сам себе был бы хозяином, а не кучка коммунистов. Народная власть, по избавлении от коммуны, должна руководствоваться до выборов одного хозяина земли Русской следующим:

1. Восстановить Русское Государство, его богатство и целость совместными усилиями всех граждан, всех партий в полном единении.

2. В освобождении Родины от ига коммунистов рассчитывать исключительно только на силы русского народа, без вооруженной помощи иностранцев.

3. В организации вооруженных сил народа стремиться к полному единению армии с народом, почему части должны комплектоваться путем мобилизации, равной и всеобщей, без применения различных партизанских и добровольческих частей. Воинские чины, допустившие какие-либо самочинные реквизиции, насилия и захваты, беспощадно должны караться. Местные власти приглашаются задерживать насильников, представляя виновных с обвинительным материалом к их начальникам. Красная армия распускается по домам, сдавая оружие при ведомостях местным волостным, уездным или губернским некоммунистическим властям. Служащие в красной армии офицеры и солдаты (не партийные коммунисты) могут добровольно по-

ступать в новую армию. Воинские части должны существовать, как всюду в мире, на строгой централизации, по существующим законам и уставам, соблюдая железную воинскую дисциплину.

4. Внутреннее управление страною должно основываться на широком народоправстве. Выборные земства и городские самоуправления восстанавливаются. До их восстановления должны оставаться на местах и работать советские учреждения и органы, только без коммунистов (партийных). Эти же учреждения могут быть переформированы затем в соответствующие отделы земств. Выборный голова данного (волостного, уездного, губернского) земства является ответственным руководителем и начальником в своем районе. Ему подчиняются все органы местной власти, в том числе и наружная милиция. Земство избирает и назначает на все подчиненные ему должности в своем районе. Общегосударственные органы власти подчиняются своим центральным управлениям, избираются и назначаются Верховною властью. К работе по управлению должны привлекаться, вне зависимости от партии, только люди знания и дела, независимо от пола, ответственные за свою деятельность перед законом. Признавая необходимым вести беспощадную борьбу с моральным развалом, взяточничеством, спекуляцией и насилиями, установить скорые беспощадные мероприятия по отношению к виновным, в том числе и представителям власти, вплоть до смертной казни, до тех пор, пока жизнь страны не войдет в норму. Право подвергать смертной казни виновных в указанном выше предоставляется главам уездного и городского самоуправления и выше, военным властям, начальникам дивизий и выше без суда.

5. В земельном вопросе стоять за широкое наделение трудящихся крестьян и казаков землею, за счет помещичьих, кабинетских и проч[их], в полную собственность. Никто не может иметь больше определенной нормы земли. Норму для данной губернии устанавливает губернское земство. Оно же сохраняет в прежнем размере и виде необходимые для страны культурные хозяйства и наделяет безземельных, проживающих в губернии, землею. Арендные участки поступают в собственность арендаторов, если не превышают нормы. Переселение на свободные земли из других губерний должно быть произведено впоследствии центральным правительством.

6. В области финансов — одинаковое хождение должны иметь все знаки, имеющиеся на руках у населения, кроме тех, которые будут признаны аннулированными центральной властью в определен-

ной последовательности. Из общегосударственных налогов сохраняется один — прогрессивно-подоходный, остальные — по усмотрению земских и городских самоуправлений.

7. Должны быть приняты все меры к восстановлению путей сообщения для правильного товарообмена и пассажирского движения.

8. Для рабочих должны быть созданы наиболее благоприятные условия для жизни, питания и труда. Каждому рабочему должна быть обеспечена помощь и хлеб в старости и на случай нетрудоспособности. Профессиональные союзы сохраняются.

9. Торговля и промышленность должны существовать на принципах свободной торговли и частной инициативы предпринимателей. Кооперация должна получить возможно более широкое развитие.

10. Народное просвещение считается основою благосостояния, почему весь школьный аппарат, существовавший при коммунистах, остается на местах. Обучение первоначальное — на родном языке, вводится Закон Божий, обучение ремеслам. Исключается из программы учение о коммуне.

11. Каждому гражданину должна быть обеспечена свобода: совести, слова, печати; неприкосновенность имущества, жилища; свобода, честь и достоинство личности; свобода союзов и собраний. Религия, святыни и церкви (безразлично, какие) должны защищаться властью от поруганий.

12. Члены партии коммунистов подлежат суду общества каждого населенного пункта, где проживал данный коммунист. Суд этот избирается местным населением из своей среды, решение его окончательное и приводится в исполнение самим обществом немедленно. Не принадлежащие к числу местных жителей коммунисты, равно и коммунисты войсковых частей красной армии, судятся в ближайшем военно-полевом суде при участии представителя от местного населения. Решение суда утверждается и приводится в исполнение войсковым начальником, имеющим по закону право учреждать военно-полевой суд. Суду над коммунистами не носить характера политической мести, а преследовать только избавление России от вредного и уголовно-преступного элемента»[625].

В «Проекте программы власти» Бакича предлагалось следующее[626]:

– сохранение и законодательное закрепление всех завоеваний революции, за исключением крайностей;

– прямое, тайное и равное избирательное право для всех трудящихся;

– ответственность власти перед народом;

– все гражданские свободы (слова, печати, собраний, союзов, совести, передвижений) в полном объеме;

– неприкосновенность личности и жилища;

– свобода труда и пользования продуктами труда;

– отмена насильственного проведения властью коммунистических принципов;

– развитие и расширение кооперации;

– национализация крупных отраслей промышленности и торговли;

– государственное ограничение прибыли частных предпринимателей;

– законодательное обеспечение каждого работающего минимальной заработной платой;

– социальное обеспечение на случай безработицы, болезни и старости;

– признание послереволюционного «черного передела» земли;

– свободные земли — достояние государства и источник для наделения всех желающих заниматься земледелием;

– леса и недра — достояние государства;

– всеобщее народное образование;

– высшее образование обязательно для наиболее способных;

– единая твердая денежная единица;

– общегосударственный прогрессивный подоходный налог;

– местные органы общественной власти вправе вводить местные налоги для удовлетворения местных нужд;

– строгая дисциплина в армии;

– солдат вне службы — свободный гражданин;

– комплектование армии исключительно по территориальному принципу;

– армия предназначена только для отражения внешнего врага;

– амнистия политическим противникам, наказываться могут лишь новые посягательства на народную свободу;

– национальное примирение.

Следует отметить, что второй вариант программы является незаверенным, а кроме того, значительно левее первого и нельзя исключить того, что документ был сфальсифицирован перед судебным процессом Бакича, чтобы связать его деятельность с работой эсеров, поэтому я сосредоточусь на анализе первого варианта, как более близкого к действительности. По некоторым данным, составителем программы был И.И. Смольнин-Терванд[627]. Программа позволяет по-

нять, какие ошибки Белого движения были учтены ее разработчиками и как они собирались преобразовать свои лозунги в соответствии с изменившейся обстановкой. Примечательно, что составитель документа совершенно не касается вопросов внешней политики, также сознательно обойден, как крайне сложный, вопрос о верховной власти в России, в программе говорится лишь об избрании «хозяина земли Русской», что может трактоваться очень широко, объединять и монархистов, и республиканцев, поэтому однозначно определить, кем был Бакич по своим убеждениям, довольно трудно. Впрочем, он и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Несмотря на утверждения некоторых авторов, основанные в большей степени на внешних символах (красный флаг, демократическая риторика и т.д.), о том, что Бакич стоял за Учредительное собрание[628], мое предположение таково, что генерал, будучи вовлечен в многолетнюю борьбу с большевиками, стал воспринимать ее как самоцель, некое перманентное состояние, вне которого он уже не мог бы существовать. И здесь ему было все равно, какие политически лозунги, кроме собственно большевистских, выдвигать. Похоже, он вообще не воспринимал и не понимал политику.

В военном отношении Бакич осознал неэффективность добровольческого способа комплектования частей и партизанских действий и, по аналогии с Красной армией, предлагал провести всеобщую мобилизацию и вводить регулярный принцип формирования. В основе всей программы государственного строительства Бакича лежал принцип местного земского и городского самоуправления, причем местным выборным начальникам были временно, до успокоения страны, предоставлены самые широкие полномочия, в том числе и судебные. Фактически их власть, в некоторой степени, напоминает власть казачьих атаманов после введения в 1917 году выборного начала в казачьих войсках, и особенно в период Гражданской войны, когда атаманы, хотя и ограниченные Войсковыми Кругами, фактически обладали всей полнотой власти в регионах. В целом, программа Бакича соответствовала тем наработкам в политической области, которые были подготовлены правительствами Колчака, Деникина и Врангеля в 1919–1920 годах, однако имела и свои особенности. В частности, сохранялось волостное земство, введенное Временным правительством и позднее ликвидированное на белом Юге[629]. Цель этой программы мне представляется популистской — объединить наиболее широкий спектр антибольшевистских сил для вооруженной борьбы с

красными. Ведь, собственно говоря, для воплощения программы в жизнь необходима была прежде всего военная победа над большевиками. Сам Бакич был кадровым военным, и, как уже говорилось, политика для него, как и для многих офицеров русской армии, если и существовала вообще, то была делом второстепенным.

1 сентября (19 августа) 1921 года перед уходом из Шара-Сумэ в приказе начальникам дивизий корпуса Бакич писал: «Всех добровольно сдавшихся и перешедших на нашу сторону красноармейцев, хотя бы даже и с оружием в руках, не считать нашими врагами. Помнить, что вся эта молодежь, красноармейцы, — наши братья, ибо была масса случаев, что сдавшиеся находили в наших отрядах своих родных братьев, также установлено 32 случая, что сдавшиеся красноармейцы находили в наших отрядах своих отцов. Пусть каждый командир и рядовой ясно представляет себе картину проводов красноармейцев из отчего дома в красную армию. Как нас когда-то провожали из родных домов, так и их, также по христианскому обычаю, на стол клали булку хлеба, присаживались, молились тому же Богу, которому молимся и мы, и, может быть, также матери и отцы с судорожными рыданиями провожали своих детей — единственную опору в старости и немощи на войну. С кем? Со своим же братом. Почему делали так — делали потому, что их принуждали жиды-комиссары. Говорили ли они во время прощания своим сыновьям: «Сынок, поедешь служить, защищай коммуну». Нет, не говорили, ибо эта коммуна свела у них со двора последнюю животину и под метелку вымела все закрома, дала же взамен всего пять фунтов хлеба на едока в месяц. Почему же воюют против нас красноармейцы? Да потому, что сзади их подгоняют комиссары, но стреляют они всегда вверх, этим и объясняются ничтожные потери в наших рядах. Помнить и растолковывать каждому рядовому, чтобы ни один волос не упал с головы красноармейца. Приказываю сдавшихся зачислять на довольствие при частях на тот же паек, что получаем и мы, предоставлять такие же помещения, какие предоставляются и своим солдатам. Под страхом расстрела запрещаю отобрание каких бы то ни было вещей у красноармейцев, пожелавших встать в наши ряды... Ввиду недостатка комсостава разрешаю комсостав красной армии, перешедший на нашу сторону, в случае выраженного ими желания, принимать на командные должности не выше командиров рот, сотен, под ответственностью ближайших начальников. Иметь в виду, что многие перешедшие к нам из комсостава красной армии зарекомендовали себя впол-

не надежными начальниками, даже из числа окончивших военные школы красных командиров. Объяснить сдавшимся, что погоны мы носим не для того, чтобы требовать отдания чести, а для того, чтобы отличить своих, и что в наших рядах не редкость встретить погоны полковника с одной, двумя или тремя нашивками, что означает, что полковник служит чуть не рядовым бойцом, а бывший пахарь командует им. Впредь при назначении на командные должности должны руководствоваться не чинами, а боеспособностью и умением обходиться с народом. Вместе с этим предписываю широко оповестить подчиненные нам войска, что песенка коммунистов на Руси спета. Мы не желали воевать с народом до тех пор, пока он сам не познает, что такое коммуна, и поэтому ушли в Китай[630]. Мужик сер, да ум у него не черт съел. Теперь он хорошо понял коммуну. Повстанцы Омской, Тобольской и Челябинской губерний послали за нами I Сибирскую Народную дивизию вместе со своим пахарем-начальником Токаревым во главе. Прибывшие за последнее время два партизанских отряда из Самарской, Оренбургской и Тургайской губерний зовут также для установления новых порядков, при которых можно было бы жить мужику. Из привезенных этими отрядами сведений все Поволжье горит в восстании, Западная Сибирь бьется за свободу уже шестой месяц. За Волгой стоят народные войска Антонова, Попова, Батько Махно очистил всю Украину[631]. По Чуйскому тракту тянутся обозы с семьями коммунистов — нам на смену. Пусть еще китайцы узнают, что такое коммуна…»[632]

В РОССИЮ!

12 сентября (30 августа) в Чугучаке особоуполномоченным РВС войск Сибири И.М. Погодиным и уполномоченным генерал-губернатора (дутуна или дуцзюня) Синьцзянской провинции по заключению соглашения Лю Сицзином был подписан документ, санкционировавший повторный ввод частей РККА на территорию Китая для ликвидации Бакича. Текст соглашения гласил: «Ввиду того, что отряды под командой Бакича и других белых, перешедших китайскую границу в 1920 году и проживших год в пределах Чугучакского района, и ныне, вопреки международным законам, силой оружия захватившие Шара-суминский округ, являются опасными для спокойствия двух соседних дружественных Республик, Уполномоченные Дуцзю-

ня Синьцзянской провинции в лице Начальника Штаба Уездного Начальника Лю Си-цзина и Уполномоченного драгомана Бао-Энь-ту и Особоуполномоченн[ый] Революционного Военного Совета войск Сибири РСФСР по переговорам о ликвидации белых отрядов в Китайской Республике товарищ Погодин И.М. заключили настоящее соглашение в городе Чугучаке о вводе в пределы Алтайского округа красных войск РСФСР для ликвидации отрядов белых в названном районе на следующих условиях:

1) В целях совместной ликвидации белых отрядов, находящихся в Алтайском округе, предпринимаются военные операции, в которых красные войска РСФСР ведут наступательные действия из района города Зайсана по своему усмотрению. Китайские войска принимают на себя охрану тыла в районах Булун-Тохой и на восток по реке Урунгу, не допуская белогвардейцев в глубь провинции, т.е. район Урумчи.

2) Для успешного проведения операции и координации действий полевые штабы как китайский, так и русский обоюдно обмениваются Представителями. Примечание: Отсутствие Представителя как китайского, так и русского командований полевых штабов не может остановить операции.

3) Считая операции против Бакича и других белогвардейских отрядов общим делом обеих дружественных Республик, китайские власти Синьцзянской провинции снабжают продовольствием действующие части красных войск РСФСР в течение одного месяца, считая со дня ввода на китайскую территорию, на четыре тысячи (4000) человек по 6000 цзиней в день, т.е. около двухсот десяти (210) пудов мукой и рисом бесплатно. Указанное продовольствие китайские власти доставляют в город Булун-Тохой и там сдают командованию красных советских войск.

4) Советское командование в случае надобности в момент боевых действий против Бакича оказывает поддержку китайским войскам в снабжении их снарядами и патронами бесплатно.

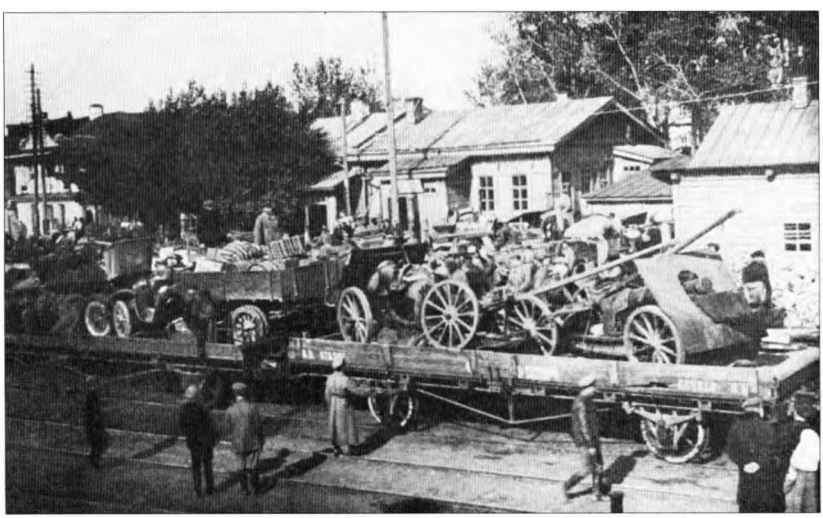
5) Во время операции советские войска должны бережно относиться как к казенному, так и к частному имуществу в пределах Китайской Республики, отнюдь не считая его военной добычей.

6) Повреждения частному и казенному имуществу, могущие быть произведенными в борьбе с Бакичем в Алтайском округе артиллерийским и другим огнем, не могут считаться как убытки, нанесенные красными советскими войсками.

Генерал-лейтенант А.С. Бакич.
Последняя фотография. 1922 год.
Центральный музей вооруженных сил. Публикуется впервые

Обер-офицер
Русской императорской армии
Андрей Бакич.
Мартиновић Душан. Генерали из Црне Горе у руској војсци. Подгорица, 2002

А.С. Бакич.
Фото не ранее 1916 года.
Исторический альманах «Белая гвардия»



Эвакуация Самары.
Za Svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914-1920. Kn. III. Praha, 1926

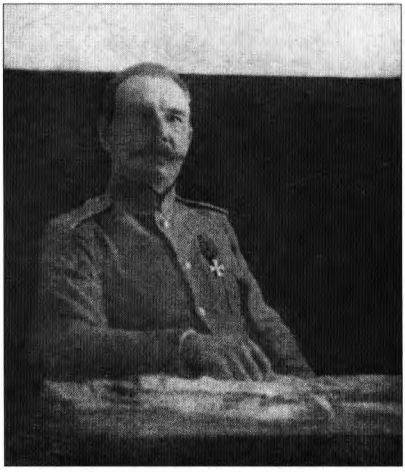
Россия, Монголия и Китай в 1917-1922 гг.

Масштаб 1:25 000 000 (в 1 см 250 км)

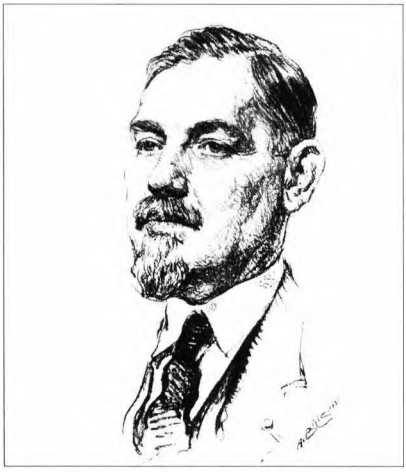
250 0 250 500 750 1000

Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И. Дутов.
Российский государственный архив кинофотодокументов

Командир II Оренбургского казачьего корпуса Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин.
Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. Шанхай, 1937



Командир I Оренбургского казачьего корпуса генерал-лейтенант Г.П. Жуков.
Оренбургский казак. Харбин, 1937

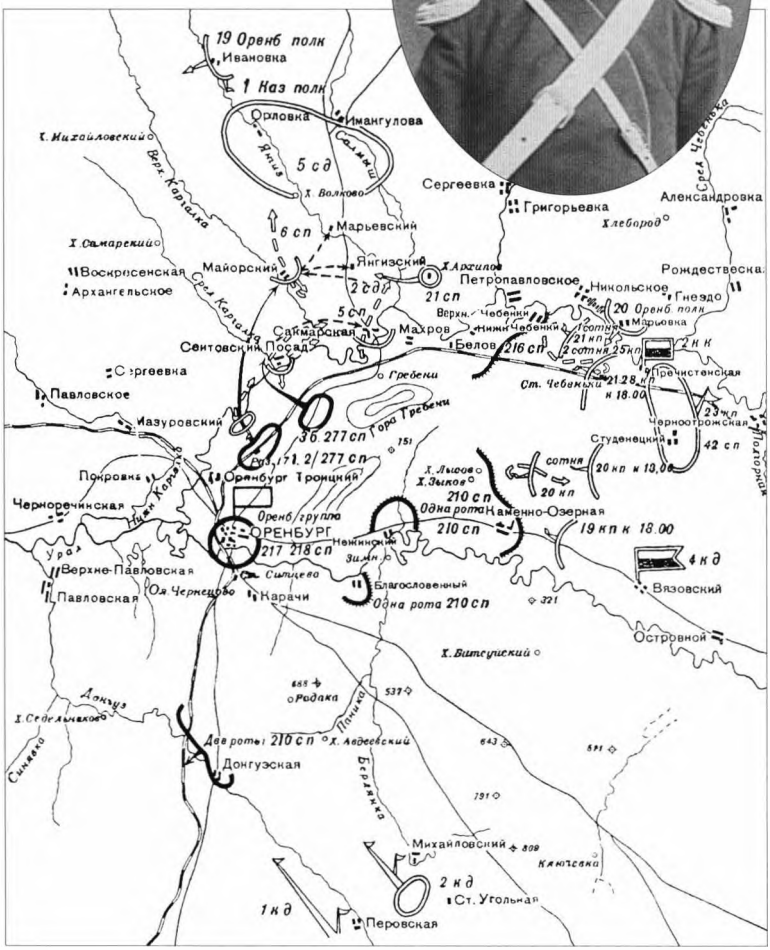


Полковник Ф.Е. Махин.
Рисунок художника А.Л. Билиса

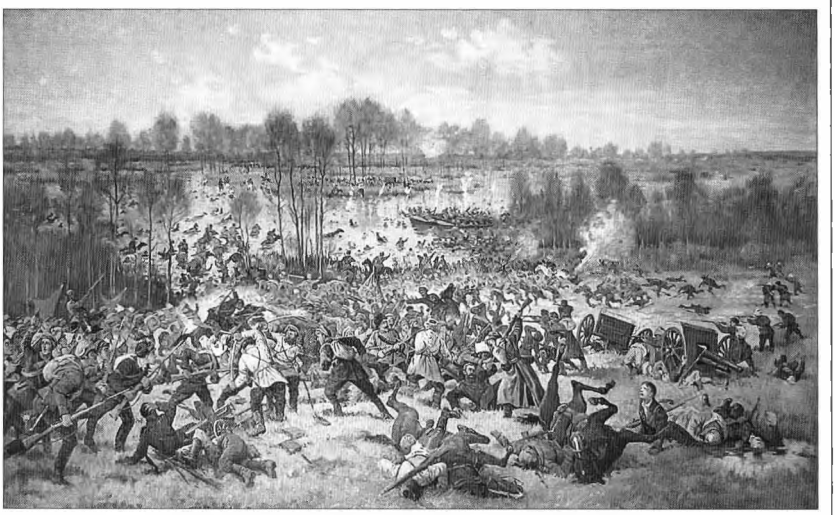
Белые выдвигаются в обход противника.
Za Svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914-1920. Kn. III. Praha, 1926

Коммунистический субботник на железнодорожной станции в осажденном белыми Оренбурге. Весна 1919 года.
Центральный музей вооруженных сил

Обер-офицер Г.М. Фаддеев.
В 1919 г. — полковник,
командир Сводной казачьей бригады
IV Оренбургского
армейского корпуса.
Фото из собрания В.Г. Семенова.
Публикуется впервые



Максимальные успехи корпуса Бакича
на подступах к Оренбургу. 23 апреля 1919 года.



Г. Барабаш. Бой с колчаковцами на р. Самыш.
Копия с картины Е.Н. Тихменева. Орский историко-краеведческий музей

Эпизод боя – на переправе.
Фрагмент картины

ПЯТНИЦА, 27-го іюня 1919 года. № 18. ЦѢНА въ киоскахъ и у разносчиковъ 50 КОП.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ
Рукописи должны быть написаны четко (желательно на пишущей машинѣ) и только на одной сторонѣ листа, прилагая безъ обманчивости условий считаются безплатными. Рукописи остаются на собой право сокращать рукописи и не сдѣлку уговорившіяся хранить рукописей не отвѣчаетъ. ГАЗЕТА для возвращенія своей РЕДАКТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ЮЖНАЯ АРМІЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
10 рублей въ мѣсяцъ
Подписка принимается каждаго 1 и 15 числа на 1-2-3 мѣсяца.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: Особая Канцелярія Штаба Южной Арміи.

Въ возрожденіи арміи—возрожденіе Россіи!

Отдѣлъ оффиціальный.

Выписка изъ Приказа по Военно-Административному Управленію Южной Арміи.

Отдѣлъ неоффиціальный

Народъ, который борется за свои права, не должен строенію новаго порядка, не подумавъ о томъ, что главными строителями должны быть мы вести насъ изъ смуты и разрушенія. И надо торопиться, пока большевики не растащили все по щепочкамъ.

Военный обзоръ.

Экземпляр газеты «Южная армия» – органа особой канцелярии штаба Южной армии. ГА РФ

ПРИКАЗЪ

Копія съ копіи

107

4 Оренбургскому Армейскому корпусу.

№ 133

8 Іюня 1919 года.

С.Мраноке.

§ I.

Славные войска 4-го корпуса. Сегодня исполняется ровно годъ, когда съ помощью нашихъ братьевъ Чехо-Словаковъ поднялось вооруженное возстаніе на Волгѣ въ гор.Самарѣ и положено основаніе организаціи НАРОДНОЙ АРМІИ. Вмѣстѣ гнѣздившись по всей странѣ новая молодая армія освободила много городовъ по Матушкѣ Волгѣ.

17 Іюня Советахъ противъ большевиковъ и гор.Сызрань, Отъ Т.города Самара и Сызрань, объявились центрами общаго вниманія являлись главными пунктами организаціонной борьбы съ большевиками по всему походу.

Въ скромъ времени переходская армія соединилась съ Оренбургскими и Уральскими казаками, а въ затѣй Уфы и съ Сибирской арміей.

Славная 2-я Сызранская Стрѣлковая дивизія начала свое существованіе съ 21 Іюня, когда Башкатановъ Дивизія была сформирована I-й добровольческій батальонъ-нынѣ 5-я Сызранскій Стрѣлковый полкъ; затѣмъ 6-й Сызранскій, 7-й Хвалынскій и 8-й Вольскій стрѣлковые полки.

Славные стрѣлки вамъ не было времени подготовляться и обучаться для встрѣчи сильнаго врага, а взять въ руки винтовки пришлось сразу выступить на защиту своихъ городовъ и деревень.

10 Іюля подъ Сызранью вы нанесли жестокій ударъ желѣзной и Пензенской дивизіямъ красныхъ, а затѣмъ подъ Хвалынскомъ, Вольскомъ, Жуайецкомъ, Канадевомъ, Инцой и Синбирскомъ.

Въ концѣ Сентября на вновь первыя наступленія большія силы красныхъ отъ Бикиолаевска и съ запада наступала Пензенская и желѣзная Симбирская дивизіи, вы были со всѣхъ сторонъ окружены превосходными силами противника, но вы все же съ честью вышли изъ тяжелаго положенія и отбивались отъ Симбирскаго фронта и отъ Вольска, Хвалынска, Жуайецкомъ и Инцой до Самары все время имѣя угрозу съ Юго-Востока отъ гор.Николаевска и съ Сѣверо-запада отъ селъ Теренгъ и Усолья. Вы нанесли незабывкихъ трофей во много разъ сильнѣйшему противнику и вывезли съ собой снабженіе на 40000 солдатъ. Вы умѣло разрушили Александровскій и Самарскій мосты-тѣмъ лишивъ противника возможности перебросить силы и подвозъ необходимаго для него военнаго снабженія.

Отбиваясь отъ сильнѣйшаго и опьяненнаго успѣхомъ враговъ переходили въ контръ-атаки у Александровскаго моста, Майту и, Безенчуга, Бриньчиха задержали продвиженіе его впередъ и тѣмъ улучшили положеніе и частей городовъ Уфы и Оренбурга.

Вмѣстѣ съ Оренбургскими казаками, вы сдерживали упорно насѣдавшихъ на насъ, по линіи Ташкентской желѣзной дорогѣ, желѣзную дивизію красныхъ съ цѣлью овладѣнія Оренбургомъ. Вы отдохнувъ лишь 10 дней въ Ноябрѣ 1918 года перешли въ наступленіе при морозахъ 25-30 градусовъ, не имѣя полушубковъ, валенокъ, папахъ и другой теплой одежды. Среди васъ не было обмороженныхъ такъ какъ ваши сердца горяче бились во святую идею спасенія Родины и Русскаго народа. На Сорочинскомъ направленіи вы, слабые силами, но сильные духомъ нанесли умѣлые удары и тяжелый уронъ полкамъ желѣзной дивизіи красныхъ въ рядахъ которыхъ было много мадьяръ-венгерскаго сплата комисаровъ-сдерживающихъ. Не мало ихъ уничтожили вы подъ Бѣлебѣей, Бугульмой, Киселевкой, Бабичевымъ и Гумеровымъ. При отходѣ къ Оренбургу Вамъ снова пришлось упорно сдерживать превосходящаго васъ противника, все время, имѣя угрозу флангу съ сѣвера и тыла.

Приказ IV Оренбургскому армейскому корпусу № 133 от 8 июня 1919 года. Заверенная копия. РГВА. Публикуется впервые

И. Еловскій

Голодный поход Оренбургской арміи

(Из воспоминаній участника похода).

1921 г.

ПЕКИНЪ.
Типографія Успенскаго монастыря при Русской Духовной Миссіи.

Обложка книги И. Еловского «Голодный поход Оренбургской армии». Пекин, 1921. ГА РФ

Сотник (впоследствии командир V Стерлитамакского армейского корпуса, генерал-майор) В.М. Печенкин. 1 августа 1895 года.
Из собрания В.Г. Семенова.
Публикуется впервые

Начальник штаба Отдельной Оренбургской армии генерал-майор И.М. Зайцев.
Зайцев И.М. Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936

Командующий Отдельной Семиреченской армией генерал-майор Б.В. Анненков. 1920 год.
«Белая армия. Белое дело». Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург)

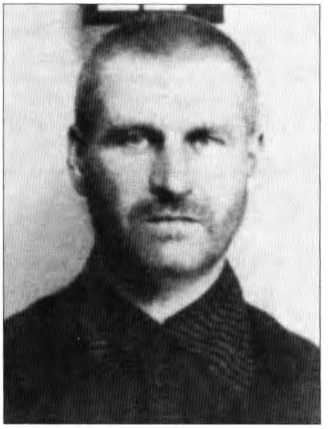
Штаб Отдельной Семиреченской армии.
Павловский П.И. Анненковщина. М.-Л., 1928

Конная группа одного из подразделений Отдельной Семиреченской армии. 1919 год.
Центральный музей вооруженных сил. Публикуется впервые

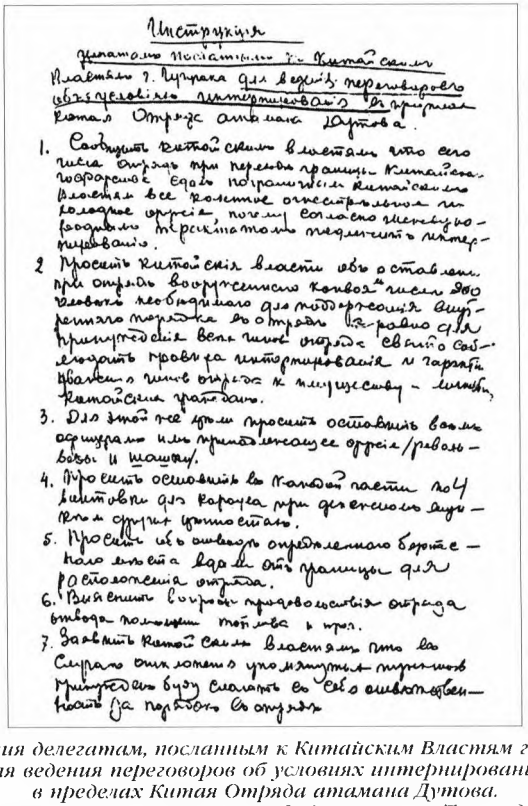
Анненковцы
со своим атаманом перед купанием.
1919 год.
Павловский П.И. Анненковщина.
М.-Л., 1928

Хорунжий (впоследствии полковник) Ф.С. Луговских. 1891 год. Его семья (супруга и три дочери) в марте 1920 года была вырезана анненковцами на перевале Сельке возле китайской границы.
Из собрания В.Г. Семенова.
Публикуется впервые

Синьцзянский
гражданский и военный
губернатор Ян-Цзун-Син.
Hopkirk P. Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia.
New York-Tokyo-London, 1995



Генерал-майор
Н.С. Анисимов.
Фото из следственного дела.
Расстрельные списки.
Вып. 2. М., 1995



Инструкция

делегатам посланным к Китайским Властям г. Чугучака для ведения переговоров об условиях интернирования в пределах Китая Отряда атамана Дутова.

1. Сообщить китайским властям что его числа отряд при переходе границы Китайского государства едва пограничным Китайским властям все военное огнестрельное и холодное оружие почему согласно международно-принятому порядку подлежит интернированию.
2. Просить китайские власти объ оставлении при отряде вооружения конвой" числа 300 человек необходимого для поддержания внутреннего порядка в отряде равно для принудительных всех чинов отряда своего собственного провиза интернирования и гарантии чинов отряда к мирному — мирным китайским гражданам.
3. Для этой же цели просить оставить всем офицерам или приравненное оружие / револьверы и шашки.
4. Просить оставить в каждой части по 4 винтовки для караула при дезертирстве внутренних отрядов.
5. Просить объ отводе определенного района земли вдали от границы для расположения отряда.
6. Вынесение вопроса продовольствия отряда выводя полным тылом и пр.
7. Заявить китайским властям что в случае отказа упомянутых пунктов принуждены будем сделать за свою ответственность за подробности отдельно.

Инструкция делегатам, посланным к Китайским Властям г. Чугучака для ведения переговоров об условиях интернирования в пределах Китая Отряда атамана Дутова. Подписана А.С. Бакичем и И.И. Смольниным-Тервандом. 14 (27) марта 1920 года. Бахты.
Подлинник. ГА РФ. Публикуется впервые

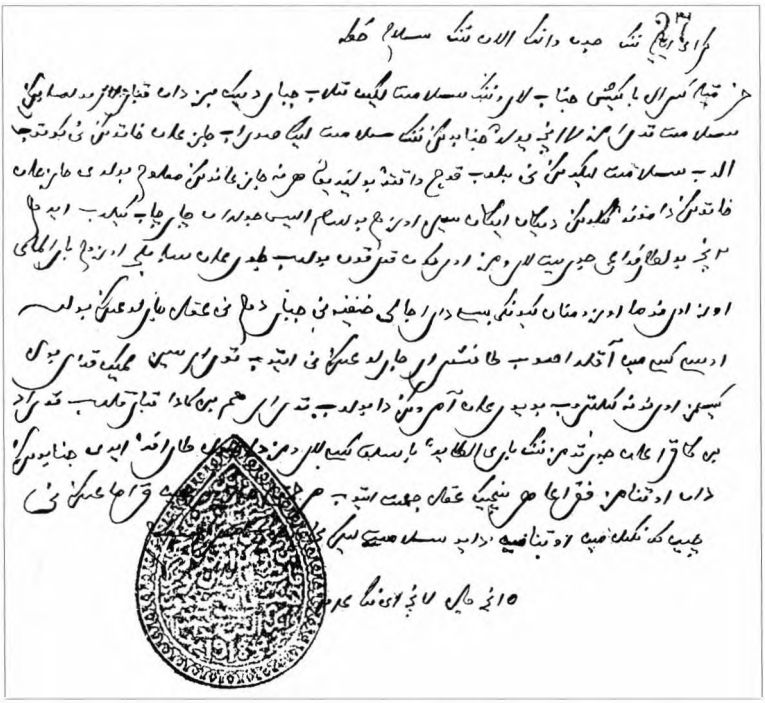
Советский разъезд в приграничном районе. Средняя Азия. 1920-е гг.
Hopkirk P. Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. New York-Tokyo-London, 1995

Сообщаю Вамъ дипломатическому корпусу мною Начотряда Чугучакѣ генералъ Бакичъ за самоуправство незаконныя реквизиція нарушеніе международныхъ законовъ прочія дѣянія отрѣшенъ отъ должности вмѣстѣ съ Начштаба Назначенъ новый Начальникъ Генералъ Шеметовъ. Сообщаю на предметъ оказанія помощи отряду прошу деньги адресовать генералу Шеметову точка 7IO Д У Т О В Ъ .

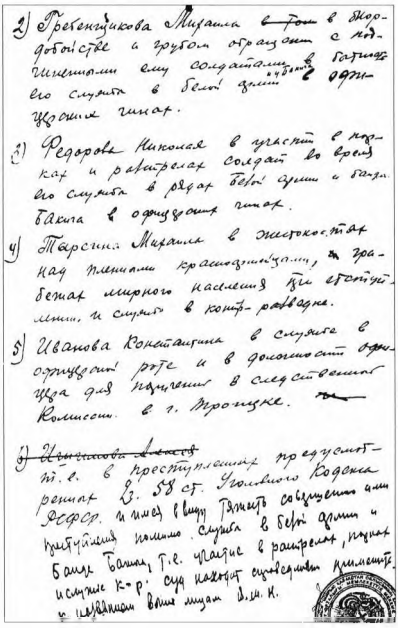
Копія съ телеграммой присланной Синьцзянскимъ Генералъ-Губернаторомъ на имя Тарбагатайскаго Военнаго Губернатора ДУТУНА ЦЗЯНЪ-ЦЗЯНБ вѣрна:

Генеральнаго Штаба, ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРЪ

Телеграмма А.И. Дутова
об отрешении А.С. Бакича и И.И. Смольнина-Терванда от должностей.
Конец января - начало февраля 1920 года.
Заверенная копия. ГА РФ. Публикуется впервые



Адрес жителей Алтайского (Шара-суминского) округа Китая
на имя А.С. Бакича. Июль – август 1921 года.
Подлинник. ГА РФ. Публикуется впервые

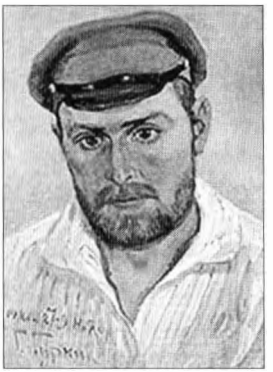


Фрагмент расстрельного приговора офицерам отряда Бакича. Семипалатинск. 31 июля 1922 года.
Подлинник. Архив Департамента КНБ Республики Казахстан по г. Алматы. Публикуется впервые

Бывший штабс-капитан отряда Бакича Г.М. Науменко.
Домашний архив В.Н. Башкина. Публикуется впервые

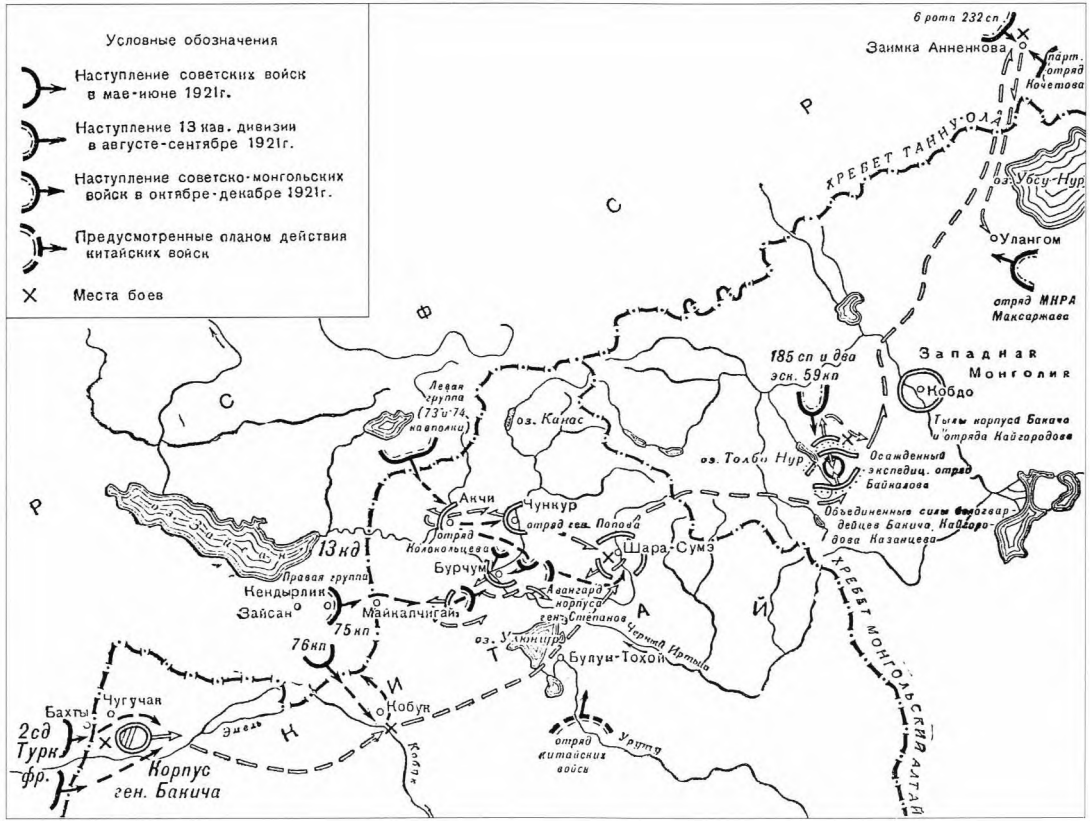
Хорунжий И.З. Сизухин. 1909 год (В 1922 г. — полковник, начальник штаба Народной дивизии. Расстрелян).
Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920-1922. Кн. 2. М., 2004

Войсковой старшина Н.А. Донсков, погибший на реке Черный Иртыш, с семьей.
Домашний архив Е.В. Захарьиной. Публикуется впервые



Красные командиры — участники ликвидации Бакича (слева-направо): начальник 13-й кавалерийской дивизии И.И. Собенников, командир сводного советско-монгольского интернационального отряда К.К. Байкалов (Иекундэ).
Молоков И.Е. Разгром Бакича. Омск, 1979.
Командир урянхайских красных партизан С.К. Кочетов.
Гуркин Г.И. Портрет С.К. Кочетова. 1921.
Горно-Алтайск, Республиканский краеведческий музей

Группа офицеров и сестер милосердия корпуса Бакича – участников похода через пустыню Гоби.
Сидят: доктор Д.И. Казаков, О.Ю. Трубникова, начальник отряда генерал-майор А.А. Булыгин, А.А. Чижова, неизвестный.
Стоят: неизвестный, С.И. Чижова, подполковник И.А. Татаринов, Т.А. Эванс, А. Марковников. Город Лянь-Чжоу.
Белая Россия. 1917-1922 гг. М., 2003



Походы Отдельного Оренбургского корпуса по территории Китая и Монголии. Май-декабрь 1921 года

7) Оружие, захваченное Бакичем в Шарасуминском районе и принадлежащее ранее китайским властям, в случае, если будет отбито советскими войсками, подлежит возвращению китайским властям. Примечание: Для приемки и сдачи указанного оружия создается смешанная комиссия из Представителей русского и китайского командований.

8) По очищении от банд белых того или другого района территории Алтайского округа советскими войсками, таковой передается в управление китайским властям.

9) На время операции по ликвидации белых банд граница Алтайского округа открывается. По окончании операции и по выводе красных войск граница считается закрытой. По окончании операции советские войска немедленно покидают пределы Китая.

10) По ликвидации банд Бакича в Алтайском округе немедленно создается комиссия из Представителей Революционного Военного Совета войск Сибири и Дуцзюня Синьцзянской провинции для рассмотрения вопросов, на основании заключенного договора, Представителями Советского Правительства и Дуцзюня Синьцзянской провинции в Бахтах в мае месяце 1921 года, и в развитие его, — о выдаче Российскому Советскому Правительству русских белогвардейцев, находящихся в настоящее время в Синьцзянской провинции.

Настоящее соглашение, подписанное на китайском и русском языках, вступает в силу с момента его подписания и по окончании ликвидации белых банд в Алтайском округе теряет силу и считается недействительным»[633]. Из текста соглашения следует, что предполагался не только разгром белых, но и их выдача советским властям. Народный комиссар иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин писал В.И. Ленину (Ульянову): «Готовится вскоре экспедиция из Сибири на Кобдо для борьбы против Бакича. Последняя цель есть единственная, этим будут удовлетворены желания местных китайских властей, с которыми мы должны жить в дружбе. На Урумчи мы не собираемся идти, да и нет нужды, ибо там нет Бакича, это было бы опасно, ибо могло бы способствовать восстанию местных племен, чего мы не желаем»[634].

Надо сказать, что активные действия против Бакича на территории Китая красные начали задолго до подписания этого документа, на какой правовой основе — сказать сложно. Уже 27 (14) августа части РККА заняли исходные районы для наступления[635]. Утром 1 сентября (19 августа)[636] силами 13-й Сибирской кавалерийской ди-

визии П.П. Собенникова[637] (1350 сабель, 32 пулемета, 4 орудия[638]) они, застав белых врасплох, подошли к городу Бурчум. Участник боя под Бурчумом военный комиссар 77-го кавалерийского полка К.П. Лавровский, впоследствии член-корреспондент АН СССР, вспоминал: «Казара — так мы называли белогвардейское казачество, дралась с отчаянием обреченных. Впервые на востоке страны я был свидетелем и активным участником большой и жестокой кавалерийской схватки. Топот копыт, ржание покалеченных коней, лязг стальных сабель, стоны и крики людей — все слилось в один дикий рев. Вначале идти в атаку было страшно... Потом, как это часто случается, страх заглушило дружное, мощное «ура», и я уже ничего не боялся. Передо мной мелькали разноцветные вражеские зипуны, погоны, слышались удары собственной сабли...»[639] Красные атаковали двумя группами (всего 8 эскадронов при 20 пулеметах), активно использовали пулеметные тачанки. Бой под Бурчумом был одним из крупнейших конных сражений Гражданской войны на Востоке России[640]. Он длился с 10 до 16 часов, причем с обеих сторон в сражении участвовало не менее полутора тысяч кавалеристов. Думается, неверно ставить этот бой исключительно в заслугу сибирским казакам из состава Народной дивизии[641], — активную, а возможно, и основную роль в нем сыграли оренбуржцы, входившие в состав отряда Р.П. Степанова.

Китайские войска под командованием полковника Вин Джегоу должны были перекрыть белым пути отступления на юг и юго-восток[642], впрочем, белые и не собирались отходить в этом направлении, ведшем вглубь Китая. Генерала Степанова в Бурчуме не было, он уехал с молодой женой. В его отсутствие командование было вверено одному из оренбургских казачьих офицеров полковнику А.И. Скорнякову, не обладавшему полководческими способностями[643]. Скорняков был оттеснен красными к рекам Бурчум и Черный Иртыш, вынужден бросить артиллерию и оставить город Бурчум, причем при отступлении многие из чинов отряда утонули или погибли под огнем противника. Накануне боя под Бурчумом в плен к красным попал есаул Старков, в самом сражении пропали без вести сотник Понятовский и хорунжий Лукашев, вскоре застрелился полковник Бухарин. Перед тем как покончить с собой, он сказал: «Я не могу идти дальше, но живым отстать от Оренбургской армии тоже не могу»[644]. 6 сентября (24 августа) бои шли уже на ближних подступах к Шара-Сумэ, город был занят красными. Под давлением про-

тивника Бакич со своими войсками был вынужден оставить Шарасуминский округ, но разгромлен не был, рассчитывая в дальнейшем на активные действия против большевиков.

4 сентября (22 августа) Бакич отдал приказ о выступлении в Россию. Скорее всего, это был пропагандистский ход, так как в действительности речь шла об отступлении под ударами красных. В приказе говорилось: «Доблестные войска и граждане корпуса. Настал наконец долгожданный час, после полуторагодного (так в тексте. — *А.Г.*) скитания и перенесенных тяжелых испытаний в диком негостеприимном Китае, двинуться на родные края и на деле доказать свою верность и любовь к России и русскому народу. Помните, что у меня никогда не было мысли бросить Вас или начатое нами правое дело. Веря в Бога, в наше святое и правое дело и в Вас, верных сынов Родины и народа, — я, уповая на Промысел Божий, твердо надеюсь, что мы сломим первую преграду, отделяющую нас от России и, вступив в пределы дорогой отчизны, принесем радость и избавление томящимся в когтях коммунизма нашим отцам, братьям и матерям. Долой коммуну. Да здравствует Единая Россия и народ. С нами Бог и Народ. Приказ прочесть во всех ротах, сотнях, эскадронах, баталионах и командах. Подлинный подписал Командир Корпуса Генерал-Лейтенант БАКИЧ»[645]. В тот же день Бакич приказал «ввиду невозможности отступления вглубь китайской территории, вследствие отсутствия продовольствия и невозможности движения колесного обоза, почему все пешие и семейства остались бы на произвол в руках китайско-подданных: дунган и сартов, я решил: перейти в общее наступление на красных, разбить их и вывести весь корпус в Россию… Приказываю:... Разъяснить всем, что от успеха операции зависит участь всего корпуса и что только первоначальный успех даст нам возможность вывести всех из Китая, где всем, в случае дальнейшего пребывания, грозит гибель и что только разбив ближайшего противника мы можем приступить к нашей главной работе — освобождению[646] России от Коммуны. Отступления быть не может. Только вперед, хотя бы это и стоило нам оставления всего, что не может пробиться сквозь расположения красных»[647].

Первоначально планировалось выдвинуться на реку Черный Иртыш, но, не веря в успех предприятия и находясь под влиянием большевистских агитаторов, прибывших в район корпуса, большинство чинов корпуса и беженцев решило остаться под Шара-Сумэ. В общей сложности осталось от трех до четырех тысяч человек[648]. По

другим данным, остались лишь безлошадные[649]. При оставлении Бакичем района Шара-Сумэ он получил сведения от есаула А.П. Кайгородова о возможности благополучно перезимовать в Урянхайском крае[650], что объясняет его дальнейшие действия. По некоторым данным, по совету генерала Смольнина, Бакич отказался от первоначального направления движения и выступил на Чуйский тракт с целью соединиться с отрядом Кайгородова в районе Кобдо в Западной Монголии[651]. Движение осуществлялось двумя колоннами: одну (боевой состав) повел Бакич, другую (небоеспособные, хозяйственная часть) — генерал Шеметов. Состав его корпуса к началу похода представляется в следующем виде[652]:

В составе корпуса:	Численность (чел.)
1-я Оренбургская казачья дивизия	350
2-я Оренбургская казачья дивизия	700
1-я Сибирская (Народная) дивизия	до 500
Сызранская дивизия	до 500
Конвой командующего корпусом	200
Всего: 2250 чел., 1000–1200 винтовок, 5 (по другим данным, — 19) пулеметов и 4–5 орудий	

Красные преследовать Бакича не смогли или не захотели якобы в связи с закрытием снегом горных перевалов в Монгольском Алтае и 28 (15) сентября вернулись в Шара-Сумэ, а 6 октября (23 сентября) покинули пределы Китая[653]. Таким образом, они, по сути, не достигли своей цели — уничтожения Бакича. Тем не менее за этот рейд начдив П.П. Собенников, военный комиссар дивизии Н.Ф. Евсеев, а также некоторые другие командиры и красноармейцы были награждены орденами Красного Знамени[654].

16 (3) сентября в пять часов утра отряд Бакича вышел на Чуйский тракт. За время похода в Монголию по горным районам от холода и голода в корпусе погибло до 200 человек, было много обмороженных; кроме того, Бакичу пришлось бросить всю артиллерию, за исключением одного орудия системы Маклена[655]. 19 (6) сентября в 10 верстах от озера Толбо-Нур у монастыря (куре) Саруль-гун (в другом написании, Сарголь-гун или Сарыл-гун) произошло соединение его отряда с отрядом Кайгородова (около 800–900 бойцов при 6 пулеметах).

В этом монастыре Кайгородов осаждал сводный советско-монгольский интернациональный отряд силой в 360 бойцов при 20 пулеметах под командованием К.К. Байкалова (Некундэ)[656]. Байкалов предполагал заманить белых в ловушку, рассчитывая на то, что Бакича преследуют части красных. Однако, как было отмечено выше, красные прекратили преследование Бакича, чем сильно осложнили положение отряда Байкалова. По полученным Байкаловым от монголов сведениям, «у бакичан[657] много женщин и детей, солдаты страшно оборваны, многие без ружей, у других, бородатых (ясно из "парадной дивизии"[658]) одни рогатки (пики), есть немного ружей на ножках и колесиках (пулеметы), а одно большое ружье на колесах (орудие). Выясняем, что это "Макленка"»[659].

Монастырь, в котором закрепился отряд Байкалова, был расположен в котловине, окруженной сопками и представлял собой квадрат с длиной сторон около 200 метров (300–320 шагов). В центре находилась кумирня, вокруг которой были установлены юрты, имелись ручей и колодец. Кайгородовцы отвели ручей от монастыря, усугубив тем самым положение осажденных. Вскоре из отряда Байкалова бежала часть монголов во главе с Хас-Батором, боевой состав отряда уменьшился.

Уничтожение отряда Байкалова позволяло белым взять под свой контроль всю Западную Монголию. Численное превосходство было на их стороне, и 20 (7) сентября Бакич предложил красным сдаться, говоря о бесполезности сопротивления и обещая неприкосновенность всем добровольно сложившим оружие. Красные, со своей стороны, ответили Бакичу аналогичным предложением: «Вы сами в окружении, только в более крупном масштабе... Предлагаем вам сдаться на тех же условиях, которые вы предлагаете нам»[660]. После отказа красных сдаться Бакич и Кайгородов собрали военный совет, на котором было принято решение об одновременном штурме монастыря со всех сторон. С целью оказать психологическое воздействие на противника Бакич устроил парад войск, причем части несколько раз проходили на виду у красных, создавая иллюзию многочисленности отряда. Кроме того, в канун штурма вечером белые развели вокруг монастыря сотни костров, что также должно было подавляюще действовать на осажденных. На следующий день в 3 часа ночи начался штурм. Штурмом достаточно неумело руководил Кайгородов. Обстрел из орудия Маклена, несмотря на точные попадания, результата не дал: снаряды не рвались[661]. Штурм был отбит красными при помощи руч-

ных гранат. По ошибке белые в ходе штурма вели огонь по своим и потеряли до 85% штурмующих (по некоторым данным, потери белых составили 250 человек убитыми и ранеными[662]). Отряд Байкалова потерял 54 человека (в том числе 17 монголов) убитыми и 3 пулемета Шоша с боеприпасами к ним, доставшиеся белым[663]. Несмотря на трофеи, серьезной проблемой для белых продолжала оставаться катастрофическая нехватка оружия, а, кроме того, в войсках начала падать дисциплина, люди Бакича стали перебегать в отряд Кайгородова, где условия службы казались им лучше. После штурма было решено все же покончить с Байкаловым, а уже затем идти на Советскую Россию. 22 (9) сентября Кайгородов со своим отрядом ушел в Сибирь, по некоторым данным, выполняя приказ Бакича об организации восстания в Горном Алтае[664]. Вместе с ним отряд Бакича покинул и взвод добровольцев во главе с есаулом Пудовкиным. В бою под Кош-Агачем Кайгородов был разбит красными и ушел в Горный Алтай. В этом бою погиб оренбургский казачий офицер сотник Дерлюгов[665]. Бакич же продолжал осаду монастыря, предприняв еще два неудачных штурма, после чего он принял решение взять Байкалова измором.

Тем временем красные отмечали победу над Бакичем в Синьцзяне. 29 (16) сентября 1921 года особоуполномоченный РВС войск Сибири И.М. Погодин писал военному губернатору Тарбагатайского округа и уполномоченному генерал-губернатора провинции Синьцзян: «От имени Революционного Военного Совета войск Сибири приветствую Вас и в Вашем лице славные китайские войска, приношу искренние поздравления по поводу разгрома банд Бакича — этого злейшего врага трудового народа обеих дружественных Республик и благодарность за ту помощь и содействие китайских войск и народа в этой операции нашим войскам, действующим на территории Китайской Республики. Смею надеяться, что искренняя дружба с Вашей стороны к Российской Республике доказана подписанием соглашения, направленного к уничтожению банд Бакича, и приношу не менее искреннее заверение в дружбе с нашей стороны к Китайской Республике, тем более что, по моему мнению, интересы как военные, так и экономические обеих дружественных стран тождественны. С совершенным почтением к Вам, имею честь быть»[666].

Не менее дипломатичный ответ китайцев был следующим: «Ваше любезное поздравление с окончанием ликвидации банд Бакича лиш-

ний раз доказало нам дружественные отношения Великой Советской Республики к Китаю. Принося Вам со своей стороны самые искренние поздравления по поводу уничтожения вашего последнего фронта, спешу подчеркнуть, что дружественные отношения между двумя соседними Республиками, установившиеся еще с того времени, когда впервые банды Бакича и Новикова нарушили международные законы и тем самым стали в угрожающее спокойствию двух соседних Республик положение, теперь окончательно укрепились, доказательством чего служит как нахождение советских войск в пределах Китая, так и подписание последнего соглашения. Теперь же, когда военные дела окончены, будем твердо надеяться, что две соседние Республики в тесных дружественных отношениях, рука об руку быстро пойдут к экономическому процветанию»[667].

В ночь на 19 (6) октября отряд Бакича покинули 306 офицеров и казаков 1-го и 1-й сотни 2-го Оренбургских казачьих дивизионов (сформированы из 1-й и 2-й Оренбургских казачьих дивизий в связи со значительным сокращением численности[668]). Во главе этой группы были полковник Д.В. Кочнев и войсковой старшина Эпов[669]. Бакич не собирался смириться с этой потерей и выслал вдогонку свой конвой, причем между ушедшими и конвоем Бакича произошел бой, были убитые и раненые. В итоге перехватить удалось лишь группу казаков есаула Рогожкина, которого, как говорили в корпусе, застрелил сам Бакич[670], однако после этого, пытаясь остановить беглецов, генерал едва не попал в плен к своим мятежным подчиненным[671]. Ушедшие от Бакича в районе озера Карасу и реки Кобдо присоединились к отряду начальника штаба Кайгородова полковника В.Ю. Сокольницкого и 8 декабря (25 ноября) сдались китайцам.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

Теперь уже испытанным способом советское руководство занялось дипломатическим оформлением введения частей РККА на территорию Монголии, чтобы покончить с Бакичем. Надо сказать, что тесное военное сотрудничество Советской России и Монголии, сыгравшее важную роль в создании монгольской армии, началось еще весной 1921 года[672]. К осени это сотрудничество укрепилось совместным участием войск двух государств в операции против отрядов барона Унгерна.

По вопросу о вводе частей РККА на территорию Монголии для ликвидации Бакича также не возникло затруднений. 28 (15) октября 1921 года Г.В. Чичерин по телеграфу обратился с нотой к министру иностранных дел Монголии: «В ответ на Вашу ноту от 17 октября, заключающую в себе новое предложение: совместными действиями и вводом сов[етских] частей в Зап[адную] Монголию ликвидировать концентрирующиеся там остатки белобанд Унгерна, Бакича, Казанцева, Кайгородова, — имею честь сообщить, что Российское Советское Правительство вполне разделяет те опасения, которые высказываете Вы, гражданин Министр, относительно концентрации белобанд в районе Кобдо и Уланкома. В осуществление Вашего предложения и в интересах безопасности границ нашего государства Российское Советское Правительство одновременно с сим приказало своим войскам рука об руку с Народно-Революционной армией Монголии нанести новый сокрушительный удар остаткам нашего общего врага — белобандам генерала Бакича, Казанцева, Кайгородова и других. Вынужденные вновь взяться за оружие, чтобы охранять безопасность своих территорий, жизни и имущества своих граждан от лютых врагов России и Монголии — разбойников и грабителей — белых, — я не сомневаюсь, что наши доблестные армии совместной боевой работой скоро создадут условия мирной жизни, к которым оба наши Правительства и народа настойчиво стремятся, и к возвращению наших войск в пределы России для перехода их на мирное состояние. Примите уверение в совершенном [к] Вам, гражданин Министр, почтении. Наркоминдел Чичерин»[673].

Сам Бакич с оставшимися верными ему войсками (1200–1500 человек) после неудачной 44-дневной осады, в ходе которой он потерял около 400 бойцов убитыми и ранеными[674], отошел от монастыря на Уланком. К тому же на выручку Байкалову подошел 185-й полк 21-й Пермской стрелковой дивизии и эскадрон 59-го кавалерийского полка 10-й Алтайской кавалерийской дивизии, в бою с которыми 26 (13) октября Бакич потерпел поражение, потеряв 55 офицеров, 403 нижних чина и 59 семей военнослужащих пленными. В качестве трофеев красные захватили 63 винтовки, 8 револьверов, пулемет Шоша, три ящика серебра, 200 000 рублей царскими, 4 пуда чая, 1400 аршин мануфактуры, 300 лошадей, 48 верблюдов и 3000 голов мелкого скота[675]. Позднее К.К. Байкалов за отличия в боях с отрядом Бакича и другими белыми формированиями в Монголии был награжден орденом Красного Знамени[676].

3 ноября (21 октября) от корпуса Бакича откололась и ушла сдаваться красным еще одна большая группа — численностью 215 человек — во главе с атаманом II военного округа Оренбургского казачьего войска В.Н. Захаровым и корпусным интендантом есаулом И.И. Кокаревым[677]. Захаров покинул корпус вместе со своими соратниками, в основном из II военного округа. Дальнейшую судьбу корпуса и свою собственную Бакич, похоже, не представлял и не знал, как поступить дальше. Все рушилось — подчиненные один за другим уходили из отряда, его союзник Унгерн уже был захвачен красными. Именно поэтому он устроил своеобразный опрос, затребовав списки тех, кто согласен идти за ним дальше.

И все же генерал продолжал действовать. Большая часть генеральского и штаб-офицерского состава корпуса осталась вместе с ним; кроме того, ему верили и готовы были идти за ним до конца около 1000 бойцов и 1200 небоеспособных, включая женщин и детей. Вооруженных оставалось до 600 человек при 2 пулеметах и 2 орудиях, к которым не имелось снарядов. Патронов было крайне мало — не более 10 на винтовку и не более 100 на пулемет. С этими силами Бакич выступил на Уланком с целью пробиться в Урянхайский край и там перезимовать, после чего идти на Дальний Восток[678]. Вместе с тем, по некоторым данным, генерал-майор Р.П. Степанов, полковники Костров, Т.О. Савельев и Шапошников разочаровались в дальнейшей борьбе и были готовы сдаться красным вместе со всеми казаками при гарантиях личной безопасности — некоем «письме» от красного командования[679]. Эти сведения войсковой старшина Захаров и есаул Кокарев, сдавшись, передали советскому командованию (командиру 185-го стрелкового полка Д.С. Фролову и К.К. Байкалову). Письма для старших офицеров корпуса Бакича были подготовлены и отправлены с монголами[680]. Оказавшись в плену, атаман Захаров охарактеризовал Бакича следующим образом: «храбрый солдат, плохой полководец, человек малоразвитый, с доброй отзывчивой душой, слабой волей. Плохой организатор и политик. Работал без определенного плана и целей. Сильно подчинялся влиянию окружающих»[681]. Верна или нет подобная характеристика — судить читателю.

11–15 ноября (29 октября — 2 ноября) 1921 года Бакич с отрядом прибыл в район Уланкома и расположился там лагерем. Перевалив через хребет Танну-Ола, отряд по реке Элегест в начале декабря вступил в Урянхайский край, где в районе Белоцарска (д. Атамановка; по

другим данным — Тамалова) 8–10 декабря (25–27 ноября) при выходе из гор был встречен местными красными партизанами под командованием 19-летнего С.К. Кочетова и частями 26-й Златоустовской стрелковой дивизии красных (231-й стрелковый полк) и потерял пленными около 300 офицеров и 1200 нижних чинов. По рассказам самого С.К. Кочетова, в плен тогда попал и генерал-майор А.С. Шеметов. Сомневаясь в достоверности эффектного эпизода сдачи генерала Шеметова в плен, поскольку он не был в должности начальника штаба, я все же приведу его полностью: «Мы видели, как радовались наши противники, усталые русские люди, — война для них кончилась и ненавистный им генерал (речь идет о Бакиче. — *А.Г.*) бросил их. К телеге, где я (С.К. Кочетов. — *А.Г.*) принимал донесения, подошла группа офицеров штаба Бакича, людей немолодых и очень усталых. Старший из них сложил холодное оружие и, отдавая честь, четко отрапортовал:

– Начальник штаба генерал Шеметов…

Я встал, отдал честь и, не узнавая своего голоса, сказал:

– Генерал Шеметов, назначаю вас начальником штаба Урянхайской Красной армии. Ребята, подайте генералу саблю.

Я чуть не прослезился, видя, как затряслись усы и вздрогнул, сдерживая рыдание, старый солдат»[682].

Красным досталось 5 пулеметов, орудие системы Маклена, много винтовок и казна корпуса (52 пуда серебра)[683]. После этой неудачи, бросив большую часть обоза, Бакич, преследуемый частями 26-й дивизии, отступил обратно в Монголию на Кемчик и далее на Уланком, где был встречен красномонгольскими партизанскими частями будущего военного министра Монгольской Народной Республики (с 1924 года) Хатан Батор Максаржава, действовавшего в Западной Монголии. Оказавшись в безвыходном положении, сам А.С. Бакич, генералы И.И. Смольнин-Терванд, Р.П. Степанов, Д.Н. Кирхман, другие офицеры вместе с остатками корпуса общей численностью около 700 человек 30 (17) декабря сдались в плен монголам[684]. К сожалению, в нашем распоряжении почти не было документов, касавшихся обстоятельств пленения Бакича, тогда как в исторической литературе по этому вопросу существуют весьма значительные расхождения. В частности, есть версия о том, что отряд Бакича был обманным путем разоружен монголами и взят в плен[685]. По другим данным, Бакич сдался монголам на условиях сохранения оружия и перехода в монгольское подданство[686]. Нельзя не упомянуть и о красивой легенде, со-

гласно которой Бакич после разгрома «демонстративно отбросил револьвер и пошел впереди колонны с большим деревянным крестом в руках... этот по-своему величественный жест смирения... на фоне снежной монгольской степи отнюдь не кажется театральным»[687]. Эту версию подтверждает и К.К. Байкалов[688]. Весь командный состав корпуса был отправлен Хатан Батором в Ургу, остальные пленные — в Кош-Агач. Мелкие отряды, отколовшиеся от его корпуса, по крайней мере до весны 1922 года еще продолжали действовать в Западной Монголии и в Урянхайском крае[689].

О судьбе остатков некогда мощной Отдельной Оренбургской армии хорошо сказал в своей книге сын участника исхода оренбуржцев в Китай, уроженец Чугучака В.И. Петров. Он писал, что оренбуржцы «просыпались, как песок, не оставив о себе следа в истории. Песок и ветер замели их тяжкий путь на Голгофу, как будто ничего и не было. И только случайные «встречи» напоминали, что они все-таки были: я хорошо помню, как мужики, ездившие из Чугучака в Шара-Сумэ по своим извозным делам, рассказывали, что в пустыне ветер, сметая песок, обнажал человеческие скелеты, валявшиеся то в одном, то в другом месте на обочинах дороги... Много скелетов»[690].

Решением Монгольского Народно-Революционного правительства сдавшиеся генералы и штаб-офицеры были 3 февраля 1922 года выданы на расправу советскому командованию (представитель — командир 308-го стрелкового полка 35-й Сибирской стрелковой дивизии П.А. Севастьянов)[691]. Под усиленной охраной Бакич и 19 его соратников были доставлены в Новониколаевск, где готовился показательный судебный процесс. Позднее по Чуйскому тракту в Советскую Россию погнали и менее значимых для большевиков лиц из частей Бакича. Обессилевших людей конвоиры добивали или просто оставляли умирать на дороге[692]. Впоследствии большинство бывших офицеров корпуса Бакича и даже часть нижних чинов, выданных в Советскую Россию, были уничтожены. Те, кто избежал преследований в 1920-е годы, были арестованы или расстреляны в 1930-х. Многие же, как, например, штабс-капитан Г.М. Науменко, вынесли несколько арестов, годы тюрьмы и лагерей, поражение в правах, не позволявшее устроиться на хорошую работу, и в итоге все равно были расстреляны[693].

Судебный процесс по делу Бакича, проходивший 25 мая 1922 года в здании театра в новониколаевском саду «Сосновка», находился на особом контроле Сиббюро ЦК РКП(б) и преследовал цель дискреди-

тировать в глазах населения саму идею сопротивления большевикам. На предстоявшее зрелище Губкомом всем желающим было продано около 2500 билетов. Всего по делу проходило 17 человек (6 генералов: А.С. Бакич, И.И. Смольнин-Терванд, Р.П. Степанов, А.С. Шеметов, Д.Н. Кирхман, А.С. Колокольцов; 6 полковников: Костров, Т.О. Савельев, И.З. Сизухин, Степанов, С.Г. Токарев, Троицкий; 2 подполковника: Полынов и Эвстратов; 2 обер-офицера: штабс-капитан Козьминых и корнет Шегабетдинов и священник Ф.М. Георгиевский[694]). В качестве общественного обвинителя выступал известный большевистский оратор Е.М. Ярославский (М.И. Губельман), ранее, в сентябре 1921 года, выступавший в той же роли на процессе по делу барона Унгерна. Публичными выступлениями на этих показательных процессах он пытался заработать себе политический капитал. Как уже упоминалось, основной задачей обвинения было увязать деятельность Бакича с происками эсеров. Лучшего подарка большевикам накануне готовившегося в Москве крупнейшего показательного процесса над партией социалистов-революционеров нельзя было и придумать. «Процессу Бакича придадим широкий политический характер, свяжем с процессом эсеров», — телеграфировал Ярославский Сталину 19 мая 1922 года накануне суда[695]. Процесс открылся в четверг, 25 мая 1922 года в 11 часов и продолжался до глубокой ночи. Председательствовал Опарин, членами коллегии были Вележев и Хроматко, защищал Бакича адвокат Зеленцов[696]. Сохранилось свидетельство очевидца о том, как выглядели обвиняемые: «Впереди высокий, статный, не потерявший еще воинской выправки, генерал-лейтенант Бакич. Ему 43 года, но он уже почти совершенно лысый, результат, вероятно, хорошо прожитой жизни… Компания довольно солидная. Но ничего генеральского, ничего солидного нельзя заметить в этих людях, скороспело выкинутых на гребень белогвардейской авантюры. В большинстве это вчерашние урядники, торговцы, ухватившиеся за свои лабазы в тот момент, когда революция потребовала от них точного ответа: с кем же они пойдут — с рабочими ли и крестьянами, восставшими против капиталистического и генеральского гнета, или же со смертельными врагами трудящихся, вдохновленными из Парижа, Лондона, Токио и Праги» (*Таежный В.* Суд над Бакичем и Ко //Советская Сибирь. Новониколаевск. 1922. № 115 (765). 27 мая. С. 2). Ярославский всячески связывал работу Бакича с эсеровским Сибирским Крестьянским Союзом. «Дело ген[ерала] Бакича — дело эсеров! Защита эсеров — защита генерала Бакича»[697], —

как писал он по окончании процесса. Обвинение акцентировало внимание на том, что в 1921–1922 годах на территории Монголии и Китая якобы образовался единый антибольшевистский фронт Унгерна, Бакича и Кайгородова, поддерживаемый Францией и Японией. Бакичу приписывали планы похода на Барнаул и Бийск и далее по сибирской магистрали. Как утверждал накануне процесса журналист П. Винокуров, «Бакич [–] это одно из последних звеньев длинной цепи, отечественной и зарубежной контрреволюции. Он должен жестоко поплатиться за свои деяния» (*Винокуров П.* Последние из могикан: (К процессу по делу Бакича) //Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 113 (763). 24 мая. С. 1). По мнению другого автора, «никакая казнь не может быть достаточной местью за их (Бакича и его сторонников. — *А.Г.*) преступления», а сам Бакич — «ничтожество — смесь генеральской самовлюбленности и тупейшей бездарности, коммерческой хитрости и самого ограниченного шкурничества» (*Липин В.* Указ. соч.). Журналисты хвалили большевиков за «терпимость» к своим злейшим врагам, утверждали, что белые генералы оказались в изоляции не только от трудовой России, но и от своих подчиненных и что процесс показал, как окрепла Советская власть. Адвокат «пытался» убедить трибунал в том, что Бакича нельзя осудить просто как бандита, так как в рядах его сторонников были меньшевики и эсеры из 2 и 2 $^1/_2$ Интернационалов[698]. Подобная тактика защиты значительно облегчила работу обвинения — эсеры тогда считались одним из основных врагов Советской власти. Тактика поведения Бакича на разыгранном обвинением спектакле не вполне понятна. Исходя из того, что пишет В.К. Шалагинов, Бакич постоянно путался в ответах, сбивался, держался неуверенно[699]. Наибольшее упорство в своих убеждениях проявили лидеры сибирских повстанцев полковники С.Г. Токарев и И.З. Сизухин (начальник штаба Токарева). Суд совещался около двух часов. Расстрельный приговор Бакичу и еще 5 офицерам (И.И. Смольнину-Терванду, полковникам С.Г. Токареву и И.З. Сизухину, штабс-капитану Козьминых и корнету Шегабетдинову)[700] был вынесен Сибирским отделением военной коллегии Верховного революционного трибунала при Президиуме ВЦИК уже поздно ночью под гром аплодисментов зрителей. В печати от имени всех приговоренных к высшей мере наказания было опубликовано прошение о помиловании, естественно оставшееся без ответа. Генералы Шеметов, Степанов и полковник Савельев были осуждены на пять лет

заключения с принудительными работами, остальные восемь обвиняемых были осуждены условно на три года и освобождены в зале суда. Не позднее 8 июня приговор был приведен в исполнение, точная дата казни мне не известна. Так окончил свой земной путь черногорский подданный и русский генерал, герой Первой мировой и Гражданской войн Андрей Степанович Бакич. По законам Российской Федерации он до сих пор считается осужденным обоснованно.

После падения Белого Приморья Ольга Константиновна Бакич с детьми в 1923 году перебралась в Харбин, откуда дети генерала Бакича разъехались по всему свету. Старший сын, Михаил Андреевич Бакич, архитектор и художник по профессии, в 1959 году перебрался в Сидней, где работал архитектором; выйдя на пенсию, продолжил заниматься живописью и был отмечен премиями ряда выставок; скончался там же в возрасте 93 лет 15 ноября 2002 года. Младший сын генерала, инженер-механик Владимир Андреевич Бакич, в 1953 году уехал из Китая в Бразилию и обосновался в Рио-де-Жанейро; участвовал в строительстве ГЭС; умер 28 февраля 1986 года[701]. О судьбе самой Ольги Константиновны и дочери Бакича, Елены Андреевны, мне, к сожалению, ничего не известно. Внук генерала Бакича, физик по специальности, работающий в настоящее время в университете Сиднея, носит имя деда. В ходе исследования мне удалось наладить с ним переписку, однако материалами о генерале Бакиче он не располагал. Добиться же какого-либо содействия со стороны внучки генерала, — хранительницы семейного архива Бакичей, профессора-слависта университета Торонто Ольги Михайловны Бакич, — у меня не получилось, чем объясняется незначительный объем информации о семье Бакича в данной работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кем же был генерал Бакич? Ответить на этот вопрос нелегко, даже после многих лет тщательного изучения всего, что связано с его жизнью. И все же попытаюсь. Бакич для меня прежде всего храбрый и образцовый офицер русской армии, человек долга, герой, который, как и сотни тысяч других русских офицеров, по воле судьбы оказался ввергнут в пучину революционной смуты, не имея ни малейшего представления о том, как действовать в подобной ситуации. Тем не

менее он сумел выплыть и, более того, вписать свое имя золотыми буквами в историю Белого движения. При этом карьерный взлет Бакича весьма характерен для русской Гражданской войны.

В белых армиях Востока России было мало талантливых военачальников, генштабистов, способных управлять крупными соединениями. Не стал исключением и Бакич. Конечно, он не являлся выдающимся полководцем, не имел высшего военного образования, его уровень — уровень командира полка военного времени, численности которого соответствовал возглавленный им корпус. Однако Бакичу, как командиру корпуса, в 1919 году пришлось действовать на огромном фронте и решать, по сути, стратегические задачи, к чему он не был готов.

Бакич — крепкий хозяин. Настоящий «отец-командир», суровый и требовательный по отношению к подчиненным, но вместе с тем внимательный и заботливый. Скорее всего, он не имел и собственной политической программы, в чем-то даже являлся человеком ограниченным. Я отнюдь не стремлюсь оправдывать все его действия, а тем более отдельные его заявления. Но, так или иначе, все, что делал Бакич, было обусловлено тяжестью выпавших на его долю испытаний. Его образ мне кажется удивительно искренним. Да, он был честолюбив, жаждал славы, быть может, даже ореола спасителя Отечества, но разве это плохо! Бакич до конца своих дней был верен долгу и своим нравственным принципам, оставался и на чужбине вместе со своими подчиненными, не бросив их на произвол судьбы, стремился, хотя это уже и была утопия, сохранить организацию и, собравшись с силами, вновь возвратиться в Россию и уничтожить ненавистный режим. Вероятно, он был идеалистом. У Бакича было две родины: одна — далекая Черногория, с которой были связаны юношеские годы, и вторая — приютившая его Россия, с которой оказалась связанной вся жизнь. И жизнь эту Бакич отдал за Россию!

Почему же Бакичу и другим противникам большевиков не удалось дойти до Москвы? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. В то же время о причинах неудачи много написано самими участниками Белого движения. Так, генерал Д.В. Филатьев считал, что только от военных операций «зависел конечный исход борьбы»[702]. По мнению генерала А.А. фон Лампе, «при одном взгляде на карту России в момент существования *всех* (здесь и далее курсив автора. — *А.Г.*) белых фронтов, бросается в глаза их общее положение: в сере-

дине сплошное ядро красных сил, базирующих[ся] на центр страны и ее богатства; и вокруг — кольцо белых сил, имеющих за собою почти во всех случаях только море. А как известно, центральная власть всегда сильнее окраинных протестов... Этим стратегическое преимущество передается красным: оно давало им возможность, подобно Германии в Европейскую войну, вести борьбу по внутренним операционным линиям и по кратчайшему пути перебрасывать свои войска с одного фронта на другой для того, чтобы наносить тот или иной заранее намеченный удар. А размеры белых сил были таковы, что им *сжимать* было труднее, чем красным *рвать*... У белых не было превосходства сил для окружения ни в стратегическом, ни в тактическом масштабе...»[703] Конечно, причины неудачи белых не только в сфере фронтовых операций. Следует также отметить почти полное отсутствие в распоряжении белых военной промышленности, тогда как красные всецело использовали преимущества промышленного центра и складированные там огромные запасы старой армии. Помощь белым со стороны союзников была недостаточной. Ни в какое сравнение с центром не идет развитие железнодорожной сети Востока России, что в условиях маневренной войны, когда была необходима быстрая переброска войск и подвоз снабжения, было решающим фактором.

Мысли генерала фон Лампе, участвовавшего в Белом движении на Юге России, полностью соответствуют той ситуации, которая существовала на белом Востоке: «*Когда уходили красные — население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось... Когда уходили белые — население со злобой высчитывало, что у него взяли...* (здесь и далее курсив автора. — *А.Г.*) Красные грозили, и грозили весьма недвусмысленно, взять *все* и брали *часть* — население было обмануто и... удовлетворено. Белые обещали законность, брали немногое — и население было озлоблено... Белые несли законность, и потому им ставилось всякое лыко в строку»[704]. Это подтверждается и в воспоминаниях генерала Щепихина, который описал случай, когда его денщик использовал часть деревянного ящика в качестве топлива и хозяин ящика устроил скандал, красным же до этого безропотно отдал целый экипаж. Щепихина заинтересовал этот парадокс, и он стал расспрашивать хозяина ящика о причинах его недовольства, на что последний ответил, что белые, в его понимании, выступают за частную собственность, тогда как красные руководствуются лозунгом «Грабь!»[705].

Белые, по мнению фон Лампе, не имели методов воздействия, адекватных обстановке жестокой Гражданской войны. Касается это и принципиально важного вопроса о мобилизации, успешно осуществить которую без мощного карательного аппарата в новых, «революционных» условиях было просто невозможно. Красные учли это уже в 1918 году и смогли создать массовую армию. К 1 января 1919 года у большевиков было 800 000 штыков и сабель, к 1 мая — 1 700 000, к 1 января 1920 года — 3 000 000 штыков и сабель[706].

Вряд ли правы те, кто утверждает, что Россия убежденно пошла за красными и не поддержала белых. Приведенные выше примеры красноречиво свидетельствуют о том, что именно белые в народе считались сторонниками законности и порядка, любое отступление от идеала, расхождение идеи и ее реализации на практике, вменялось им в вину. Что касается красных, то у них, в народном понимании, слово и дело не расходились, и если был обещан расстрел, то он неотвратим. Красных поддерживали, опасаясь репрессий или увлекшись их демагогическими призывами.

Население крестьянской России хотело, чтобы его не трогали, не мобилизовали на фронт, не облагали обременительными налогами, а по возможности признали бы за ним результаты «черного передела». Безвластие было выгодно крестьянам. Достаточно вспомнить направленное против мобилизации в любую армию «зеленое» движение, выступление Махно, в разные периоды сражавшегося против обеих противоборствующих сторон, а также крестьянские восстания в Сибири, когда одни и те же уезды последовательно восставали сначала против белых, а после поражения последних — и против красных.

В то же время по отношению к белым обыватели, как правило, были настроены не только равнодушно, но даже попросту иждивенчески. Генерал Щепихин писал о событиях лета 1919 года на Востоке России: «В Орске жизнь шла своим темпом: торговали, кто мог; сеяли, жали и косили; сплавляли лес по Уралу; один достраивал дом, другой подновлял забор. А вечером весь город веселился в кино, на площади шли танцы, музыка; молодежь ухаживала; степенные граждане судили-рядили свои мещанские вопросы. На нас (армию. — *А.Г.*) обращали внимание постольку поскольку и, видимо, с плохо скрываемым нетерпением ожидали, когда мы, наконец, уберемся ко всем чертям... Так и хотелось крикнуть: очнитесь: подумайте, какие сейчас дни»[707]. Но для победы белым надо было не крикнуть, а заставить, учитывая успешный опыт их противника. Заставить надо

было не только гражданское население, но и свои войска, в которых отсутствовала твердая дисциплина. Тем не менее требования, выдвигавшиеся самой обстановкой того времени, белыми учтены не были, что и привело их в конечном итоге к поражению. «Красные отрицали решительно все и возвели в закон произвол; белые, отрицая красных, конечно не могли не отрицать и применяемые красными методы произвола и насилия… Белые не сумели или не смогли быть фашистами, которые с первого момента своего бытия стали бороться методами своего противника! И, быть может, именно неудачный опыт белых и научил впоследствии фашистов?»[708]. Не было должной гибкости у белых и в национальном вопросе, который большевики в переломный период Гражданской войны успешно решали путем демагогических обещаний самоопределения. Когда главный противник был повержен, большевики без труда справились с национальными окраинами.

Вывод генерала фон Лампе был следующим: «*Белые* (здесь и далее курсив автора. — *А.Г.*) могли бы победить красных, если бы они сами, в своих методах, в своей деятельности… стали тоже красными. Но несомненно и то, что они могли быть только белыми! За ними осталось их незапятнанное прошлое, их беспредельная любовь к родине, их горький опыт былых неудач... И я хочу верить, что они добьются столь необходимых им материальных и политических возможностей и, оставаясь сами собой, *победят как белые*!»[709]

Передо мной три фотографии Бакича, дошедшие до наших дней. На первой он еще совсем молодой, чернявый обер-офицер с лихо закрученными кверху усами, взгляд черных глаз устремлен вперед, и видно, что он верит в свою счастливую звезду. Вторая фотография относится к периоду Первой мировой войны. Бакич уже штаб-офицер, на груди приколот орден Св. Георгия 4-й степени. По-прежнему горделиво устремлен вперед взгляд старого служаки, все так же лихо закручены усы, но под внешней невозмутимостью и боевитостью уже проглядывает усталость. И, наконец, третье фото. Скорее всего, оно относится ко времени ареста. Перед нами как будто бы старик, хотя Бакичу не было и сорока четырех лет. Генерал уже не в военном мундире, на нем меховой тулуп с карманом спереди, появились борода с проседью и бакенбарды. Глаза с тоской и какой-то обреченностью смотрят в фотообъектив. Он понимает, что все уже кончено, радость прежних побед раз и навсегда сменилась горечью поражения, крушения всего, что было так дорого и привычно с юношеских лет. Три фотографии как три разные эпохи, три вехи на пути к исчезновению той России, за которую боролся Бакич.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Молоков И.Е.* Разгром Бакича. Омск, 1979. С. 5.

2 Там же. С. 32.

3 Там же. С. 10. Спустя 12 лет этот автор повторил те же домыслы и в другой своей работе – *Молоков И.Е.* Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг.: Учебное пособие. Омск, 1991. С. 81.

4 *Шалагинов В.К.* Последние. Новосибирск, 1973.

5 *Мартиновић Душан.* Генерали из Црне Горе у руској војсци. Подгорица, 2002; *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 2. 1920–1922. М., 2004.

6 *Айрапетов О.Р.* Закат русского Генерального Штаба: генерал М.В. Алексеев – через две войны к третьей (1857–1914). Рукопись; *Алескеров Ю.Н.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959; *Бармин В.А.* Участие сибирских частей Красной армии в разгроме белогвардейских войск в Синьцзяне (май–сентябрь 1921 г.) //Актуальные вопросы истории Сибири: Мат. науч. конф. Барнаул, 2000; Белое движение на Востоке России. Белая Гвардия: Исторический альманах. 2001. № 5; Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. — март 1919 г.). М., 1980; *Дерябин А.*[*И.*] Народная армия Комуча 1918 г. //Цейхгауз (Москва). Российский военно-исторический журнал. 1994. № 1 (3); *Иноятов Х.Ш.* Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М., 1984; История Гражданской войны в СССР. Т. 4. Решающие победы Красной армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. М., 1959; *Каревский А.А.* В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевицкой борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2003; *Он же.* К истории Поволжской Народной армии Комитета членов Учредительного Собрания //Белая гвардия: Альманах. 1998. № 2; *Колесников И.А.* Военные действия на территории Самарской губернии в 1918–21 годах. Самара, 1927; Краткая история Гражданской войны в СССР. М., 1960; *Медведев В.Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998; *Мошкин С.В.* Революция извне: Историко-политологические очерки. Екатеринбург, 1997; *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001; *Попов Ф.Г.*

1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1972; *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М., 1957; *Хромов П.* Антивоенные выступления в войсках 12-й армии Северного фронта в конце 1916 года //Военно-исторический журнал. 1962. № 4; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. New York; Tokyo; London, 1995. и др.

7 *Воробьев В.Ф.* Оборона Оренбурга (апрель–май 1919 г.). М., 1938; Гражданская война 1918–1921: В 3 т. /Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928; Т. 2. Военное искусство Красной армии. М., 1928; Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930; *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000; *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3–4. М., 1994; *Огородников Ф.*[*Е.*] Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938; *Тимошков С.* Разгром Южной армии Колчака (август–сентябрь 1919 г.) //Военно-исторический журнал. 1940. № 3.

8 *Булгаков В.Ф.* Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993; Военный энциклопедический словарь. М., 2002; *Волков Е.В.*, *Егоров Н.Д.*, *Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003; *Волков С.В.* Белое движение в России: организационная структура: (Материалы для справочника). М., 2000. С. 161–162; *Он же.* Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. М., 2003. С. 135; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987; *Залесский К.А.* Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000; Общий список офицерским чинам Русской ИМПЕРАТОРСКОЙ Армии. Сост. по 1-е Января 1910 г. СПб., 1910; Список генералам по старшинству. Сост. по 4-е Июля 1907 года. СПб., 1907; *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000.

9 *Белов Е.А.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., 2003; *Волков Е.В.* Судьба колчаковского генерала: Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999; Каппель и каппелевцы. М., 2003; *Краснов В.Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию: В 2 кн. М., 2000; *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002; *Fleming P.* The fate of admiral Kolchak. Edinburgh, 2001; *Moulis M.* Vzestup a pád generála Gajdy. Třebíč, 2000.

10 *Марков Л.Л.* Генерал В.О. Каппель //Часовой (Брюссель). 1956. Август. № 367 (7). С. 15.

11 ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6; РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222; Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8.

12 Протоколы 3-го Очередного Войскового Круга области войска Оренбургского. Троицк, 1919.

13 Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. /Публ. Р.Г. Гагкуева и А.А. Каревского //Белое движение на Востоке России. Белая гвардия: Альманах. 2001. № 5; Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. документов. Новосибирск, 1996; Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922). Т. 3. М., 1974; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. 2. Сентябрь 1919 г. – декабрь 1920 г. Алма-Ата, 1964; Лодзинская операция. Сб. документов Мировой Империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). Маневренный период 1914 г. М.; Л., 1936; Собрание оперативных телеграмм,

приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехо-словацким) фронтом тов. Вацетиса. 18.07.–07.09.1918 года. М., 1918; Список войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии. Составлен к 15 августа 1918 года / Публ. А.А. Каревского //Белая гвардия: Альманах. 1999–2000. № 3; М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сб. документов. М., 1941.

[14] *Заика Л., Бобренев В.* Атаман Анненков //Военно-исторический журнал. 1991. № 3; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002.

[15] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896; 985; 986.

[16] Документы внешней политики СССР. Т. 4. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. М., 1960; Собрание документов, касающихся деятельности Российской Миссии в Китае за период [с] 1 Ноября 1917 г. – по 31 Декабря 1920 г. На правах рукописи. Пекин, 1920.

[17] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7.

[18] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70.

[19] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6.

[20] Незаконченный дневник оренбургского казачьего офицера А.О. Приданникова. – БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14; ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183.

[21] *Утешев Ф.* Участие нагайбаков в Февральской и Октябрьской революциях. Ч. III. Воспоминания (рукопись). – Музей археологии и этнографии Челябинского государственного университета.

[22] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2.

[23] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками (1917–1920). Шанхай, 1937; *Он же*. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое Дело. Кн. 2. Берлин, 1927; *Гая-Гай* [Г.Д.]. Борьба с чехо-словаками на Средней Волге. М., 1931; *Он же*. Первый удар по Колчаку (военно-исторический очерк). М., 1926; *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция. Ч. 4. Кн. 8. Б.м., 1937; *Евсеев* [*Н.Ф.*]. Разгром генерала Бакича //Красная Армия Сибири (Новониколаевск). 1923. № 5–6; *Муртазин М.Л.* Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М., 1927; *Петров В.И.* Мятежное сердце Азии: Синьцзян: Краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003; *Серебренников И.И.* Великий отход. Рассеяние по Азии белых Русских Армий 1919–1923. Харбин, 1936; *Собенников П.*[*П.*] Ликвидация Бакича //Красная конница. 1935. № 2; *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997.

[24] Гражданская война на Волге в 1918 г.: Сб. первый. Прага, 1930.

[25] *Байкалов К.К.* Воспоминания. Якутск, 1966; Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004; *Болдырев В.Г.* Директория, Колчак, интервенты: Воспоминания. Новониколаевск, 1925; *Будберг А.П.* Дневник //Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924; Годовщина первой революционной армии. М., 1920; *Голеевский Н.Н.* Лето на Волге. 1918 год //Russian Emigre Archives. V. 2. Fresno, California, 1973; *Головин Л.* Связанная совесть: Фрагмент дневника /Публ. В.Г. Семенова // Гостиный Двор (Оренбург): Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 2003. № 14; *Гоппер К.*[*Я.*] Четыре катастрофы. Рига, 192[?]; *Дутов Н.* Атаманский полк: (Из воспоминаний) //Оренбургский казак. Харбин,

1937; *Еловский И.* Голодный поход Оренбургской армии: (Из воспоминаний участника похода). Пекин, 1921; *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина: Памятка о пережитом. Шанхай, 1932; *Камский.* Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923; *Кирюхин Н.И.* Из дневника военного комиссара: Гражданская война 1918–1919 годов. М., 1928; *Мишић Живојин*, војвода. Моје успомене. Београд, 1984; *Носков К.* Авантюра, или Черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин, 1930; *Рейснер Л.*[*М.*] Свияжск (Август–сентябрь 1918 г.) //Пролетарская революция (М.; Пг.). 1923. № 6–7 (18–19); *Ряннель Т.* Тувинские рассказы //День и ночь (Красноярск). Литературный журнал. 1998. № 4–5 – http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Riannel_T.htm; *Синзянский.* Крестный путь Отдельной Оренбургской армии. Каркаралинская голодная степь 1919 г.: (Из дневника конвойца) //Луч Азии (Харбин). 1937. № 32/4; *Тухачевский М.Н.* Первая армия в 1918 году //Тухачевский М.Н. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1964; *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922.: Впечатления очевидца. Париж, 1985; *Хитун С.Е.* Дворянские поросята. Сакраменто, 1974. – http://militera.lib.ru/memo/russian/hitun_se/01.html; *Шольп А.Г.* Одесское военное училище на Курских маневрах и подвижных сборах в Бессарабии и Крыму: (К столетию – 1865–1965 – основания училища) //Военно-исторический вестник (Париж). 1965. № 26; *Штейфон Б.А.* Кризис добровольчества //Белое дело. Избранные произведения. В 16 кн. Добровольцы и партизаны. М., 1996.

[26] Ответ Государственного архива Новосибирской области № 17–Т от 30 ноября 2003 года на запрос автора.

[27] *Мартиновић Душан.* Генерали из Црне Горе у руској војсци. Подгорица, 2002. С. 161. Автор благодарит О.А. Кузеванова (Санкт-Петербург) за возможность ознакомиться с данной книгой.

[28] *Гуськова Е.* Типографский шрифт переливали в пули… Черногорский характер – от легенды к действительности //Славянский мир. Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2001. № 1–2. С. 181–182.

[29] Цит. по: *Йович Т.*, *Бабац Д.* Последний российский фельдмаршал черногорский король Никола I //Цейхгауз (Москва). Российский военно-исторический журнал. 2002. № 3. (19). С. 27.

[30] РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11637. Послужной список 281–819 (1913 г.). Л. 22 об.

[31] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 30446. Л. 692.

[32] *Мартиновић Душан.* Указ. соч. С. 162.

[33] *Мишић Живојин.*Указ. соч. С. 174.

[34] *Шемякин А.Л.* Никола Пашич //Вопросы истории. 2002. № 2. С. 78.

[35] *Мишић Живојин.* Указ. соч. С. 175.

[36] Сведения об этом содержатся в следственном деле А.С. Бакича – *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 66–67.

[37] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 30446. Л. 692; Ф. 409. Оп. 2. Д. 11637. Л. 23.

[38] *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 116–117; *Воробьева А.Ю.* Российские юнкера, 1864–1917: История военных училищ. М., 2002. С. 8–9, 20, 58.

[39] РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11637. Л. 5.

[40] *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 335–336.

[41] *Воробьева А.Ю.* Указ. соч. С. 12.

[42] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35489. Л. 1.
[43] *Айрапетов О.Р.* Закат русского Генерального Штаба: генерал М.В. Алексеев – через две войны к третьей (1857–1914). Рукопись.
[44] *Шольп А.Г.* Одесское военное училище на Курских маневрах и подвижных сборах в Бессарабии и Крыму (к столетию – 1865–1965 – основания училища) // Военно-исторический вестник (Париж). 1965. № 26. С. 21.
[45] РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11637. Послужной список 281–819 (1913 г.). Л. 24.
[46] Там же. Л. 24об.
[47] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 19839. Л. 4, 9об; Д. 22478. Л. 351–352.
[48] Список генералам по старшинству. Сост. по 4-е Июля 1907 года. СПб., 1907. Ч. 1. С. 796; Общий список офицерским чинам Русской ИМПЕРАТОРСКОЙ Армии. Сост. по 1-е Января 1910 г. СПб., 1910. С. 398, 400.
[49] РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11637. Послужной список 281–819 (1913 г.). Л. 22об.
[50] Там же. Л. 27.
[51] Там же. Л. 18об.
[52] Там же. Л. 19. Здесь и далее по этическим соображениям я решил опустить большую часть данного описания, оставив лишь те сведения, которые имеют значение для характеристики личности А.С. Бакича.
[53] Там же. Л. 19об.
[54] *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 67.
[55] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
[56] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35489. Л. 1.
[57] Там же. Л. 2.
[58] Там же. Л. 7.
[59] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26988. Л. 74.
[60] Лодзинская операция: Сб. документов Мировой Империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). Маневренный период 1914 г. М.; Л., 1936. С. 490.
[61] Там же. С. 13.
[62] *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 298.
[63] *Айрапетов О.Р.* Указ. соч.
[64] *Клаузевиц К.* фон. О войне: В 2 т. Т. 2. М., 2002. С. 414.
[65] *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 67.
[66] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 4. Л. 20об.
[67] Высочайший приказ от 12 июня 1915 года – Высочайшие приказы о чинах военных. 1915. Июнь–август (Библиотека РГВИА. Инв. № 14810). Л. 95.
[68] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.
[69] Там же. Л. 29.
[70] Лодзинская операция… С. 19.
[71] *Раушер В.* Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003. С. 68.
[72] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.
[73] Т.е. неполная парализация.
[74] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 63. Л. 5.
[75] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 4. Л. 56.
[76] *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3. 1881–1915. М., 1994. С. 247.
[77] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 162. Л. 22.
[78] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

[79] Приказы по войскам 1-й армии. 1915 (Библиотека РГВИА. Инв. № 16665).
[80] Приказ Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 1915. № 1284 – Приказы Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 1915 (Библиотека РГВИА. Инв. № 16515).
[81] Высочайший приказ от 12 июня 1915 года – Высочайшие приказы о чинах военных. 1915. Июнь—август (Библиотека РГВИА. Инв. № 14810). Л. 88, 94об. – 95.
[82] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 63. Л. 150.
[83] Там же. Л. 217.
[84] Там же. Л. 215.
[85] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.
[86] Там же. Л. 6–6об.
[87] Высочайший приказ от 29 августа 1916 года – Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. Август (Библиотека РГВИА. Инв. № 14834). С. 25; Постановление Думы ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия – РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26988. Л. 76.
[88] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 23. Л. 7об.
[89] *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 288.
[90] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 162. Л. 22.
[91] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.
[92] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 64. Л. 54.
[93] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 67. Л. 50об, 52.
[94] Там же. Л. 1.
[95] РГВИА. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 119. Л. 26об, 28.
[96] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 157. Л. 83об.
[97] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 158. Л. 8; Д. 160. Л. 175; Ф. 3390. Оп. 1. Д. 118. Л. 13 об, 90.
[98] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 160. Л. 175.
[99] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 158. Л. 24об., 57.
[100] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 161. Л. 40; Ф. 3390. Оп. 1. Д. 119. Л. 41.
[101] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 158. Л. 63, 67, 68, 105.
[102] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 159. Л. 2, 17, 102; Д. 162. Л. 98.
[103] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 159. Л. 60.
[104] Высочайший приказ от 17 декабря 1916 года – Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. Декабрь (Библиотека РГВИА. Инв. № 14826).
[105] РГВИА. Ф. 3387. Оп. 1. Д. 222. Л. 14.
[106] Там же. Л. 76.
[107] *Керсновский А.А.* Указ. соч. Т. 4. 1915–1917 гг. М., 1994. С. 118.
[108] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 625.
[109] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 303. Л. 9.
[110] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 223. Л. 1.
[111] Цит. по: *Хромов П.* Антивоенные выступления в войсках 12-й армии Северного фронта в конце 1916 года //Военно-исторический журнал. 1962. № 4. С. 121.
[112] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 238. Л. 2.
[113] *Хромов П.* Указ. соч. С. 121.
[114] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 625.
[115] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 238. Л. 3об.
[116] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 239. Л. 1об.

[117] В документе ошибочно – «него».
[118] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 239. Л. 5об.-6.
[119] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 303. Л. 30.
[120] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 239. Л. 7.
[121] Там же. Л. 7об.
[122] Там же. Л. 8об. – 9.
[123] РГВИА. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 303. Л. 69, 85.
[124] Там же. Л. 111.
[125] *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 68
[126] РГВИА. Ф. 3078. Оп. 1.
[127] РГВИА. Ф. 3078. Оп. 1. Д. 2; 33; 37; 38; 39; 40; 69.
[128] *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003. С. 42.
[129] *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 68–69.
[130] *Суворов Д.* Неизвестная гражданская война. Екатеринбург, 1999. С. 11; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002. С. 838.
[131] Судебный процесс... С. 237, 680.
[132] *Каревский А.А.* В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевицкой борьбы в Поволжье в 1918 г. //Каппель и каппелевцы. М., 2003. С. 349.
[133] РГВА. Ф. 39844. Оп. 1. Д. 2. Л. 2об.
[134] *Дерябин А.*[И.] Народная армия Комуча 1918 г. //Цейхгауз (Москва). Российский военно-исторический журнал. 1994. № 1 (3). С. 32–33.
[135] ГА РФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 51. Л. 10об.
[136] По другим данным, 1-й Сызранский полевой тяжелый артдивизион.
[137] Список войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии. Составлен к 15 августа 1918 года / Публ. А.А. Каревского //Белая гвардия: Альманах. 1999–2000. № 3. С. 98–99; Путеводитель по фондам белой армии /Российский государственный военный архив /Сост. Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижова. М., 1998. С. 140.
[138] РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 107; *Гавронский А.* Очерки гражданской войны на фронте 1–й армии //Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 56.
[139] РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 19об.
[140] *Каревский А.А.* К истории Поволжской Народной армии Комитета членов Учредительного Собрания //Белая гвардия: Альманах. 1998. № 2. С. 8; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 581.
[141] *Медведев В.Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998. С. 144.
[142] РГВА. Ф. 39550. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 13.
[143] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
[144] РГВА. Ф. 39550. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
[145] *Посадский А.В.* Поволжские крестьяне: от Волги на восток и обратно //История белой Сибири: Материалы 5-й Международной научной конференции. Кемерово, 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 21–24.
[146] *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию на Волге //Гражданская война на Волге в 1918 г.: Сб. первый. Прага, 1930. С. 83.

[147] Письмо И.А. Гергенредера автору от 04.01.2004.

[148] Za Svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914–1920. Kn. IV. Díl. V. Od Volhy na Urál magistrála návrat do vlasti 1918–1920. Praha, 1929. S. 43.

[149] *Гавронский А.* Указ. соч. С. 56.

[150] РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 6. Л. 5.

[151] Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехо-словацким) фронтом тов. Вацетиса. 18.07. – 07.09.1918 года. М., 1918. Документ 15.

[152] Там же. Документ 21.

[153] РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 6. Л. 12–13, 21, 27, 53об. – 64.

[154] *Тухачевский М.Н.* Первая армия в 1918 году //Тухачевский М.Н. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 73.

[155] Собрание оперативных телеграмм... Документ 20.

[156] РГВА. Ф. 39550. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

[157] Мой расчет по: РГВА. Ф. 39550. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об – 9 об.

[158] Подсчитано по: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 259; *Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С.* Танки Гражданской войны. М., 1999. С. 23–24.

[159] РГВА. Ф. 39550. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

[160] Za Svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914–1920. Kn. III. Díl. IV. Anabase 1918–1920. Praha, 1926. S. 728; Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 102.

[161] Галкин Николай Александрович – Генерального штаба генерал-майор (с 24.08.1918), управляющий военным ведомством правительства Комуча (08.06–24.10.1918).

[162] В.И. Лебедев после февраля 1917 года вернулся в Россию из эмиграции, редактировал петроградскую правоэсеровскую газету «Воля народа», в апреле Временным правительством назначен председателем Комиссии по поднятию дисциплины в армии, по приглашению председателя правительства князя Г.Е. Львова в апреле назначен управляющим Морским министерством. Оставил пост в конце августа в результате разногласий с Военным министром Б.В. Савинковым.

[163] В оригинале – «молодежи».

[164] Речь идет о самом Комуче.

[165] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 47–47об.

[166] *Климушкин П.Д.* Указ. соч. С. 90.

[167] *Гавронский А.* Указ. соч. С. 58.

[168] По устным воспоминаниям участника боев А.Ф. Гергенредера — Письмо И.А. Гергенредера автору от 09.01.2004.

[169] Гражданская война в СССР. В 2 т. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). М., 1980. С. 183.

[170] *Рейснер Л.*[М.] Свияжск (Август–сентябрь 1918 г.) //Пролетарская революция (М.; Пг.). 1923. № 6–7 (18–19). С. 178.

[171] *Стоянов Н.* Сызранская операция, проведенная 1-й рев[олюционной] армией // Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 64.

[172] Там же. С. 63–64.
[173] Там же. С. 66; *Мордвинов Р.Н.* Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918–1920 гг.). М., 1952. С. 93.
[174] *Гая-Гай* [Г.Д.]. Борьба с чехо-словаками на Средней Волге. М., 1931. С. 47.
[175] *Тухачевский М.Н.* Указ. соч. С. 92.
[176] *Гая-Гай* [Г.Д.]. Борьба с чехо-словаками... С. 52.
[177] *Тухачевский М.Н.* Указ. соч. С. 92.
[178] *Стоянов Н.* Указ. соч. С. 67–68.
[179] Название города Тольятти до 1964 года.
[180] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 212–212об.
[181] См., напр.: *Иванов В.М.* Маршал М.Н. Тухачевский. М., 1985. С. 95.
[182] *Гая-Гай* [Г.Д.]. Борьба с чехо-словаками... С. 55.
[183] Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 102.
[184] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 580; *Колесников И.А.* Военные действия на территории Самарской губернии в 1918–21 годах. Самара, 1927. С. 31; *Попов Ф.Г.* 1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 226.
[185] Za Svobodu. Kn. IV. Díl. V. S. 75.
[186] *Голеевский Н.Н.* Лето на Волге. 1918 год //Russian Emigre Archives. V. 2. Fresno, California, 1973. P. 273.
[187] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 23.
[188] Там же. Л. 7, 8.
[189] РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 107.
[190] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 47об.
[191] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.
[192] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
[193] *Кондратьев В., Хайрулин М.* Авиация гражданской войны. М., 2000. С. 68–69.
[194] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.
[195] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками (1917–1920). Шанхай, 1937. С. 120.
[196] *Воробьев В.Ф.* Оборона Оренбурга (апрель—май 1919 г.). М., 1938. С. 7.
[197] РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 5. Л. 13об.
[198] *Акулинин И.Г.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками //Белое Дело. Кн. 2. Берлин, 1927. С. 133.
[199] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 72. В этой связи представляется не заслуживающим доверия утверждение военного комиссара 214-го Симбирского полка Н.И. Кирюхина о захвате частями РККА в Кинеле огромного количества трофеев – *Кирюхин Н.И.* Из дневника военного комиссара: Гражданская война 1918–1919 годов. М., 1928. С. 10.
[200] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 83.
[201] Там же. Л. 91, 92, 362.
[202] Там же. Л. 92 об. – 93.
[203] Там же. Л. 119–119об.
[204] Т.е. штаба фронта.
[205] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 25. Л. 14–22.
[206] *Волков Е.В.* «Коннице отведено едва ли не последнее место» //Белое движение на Востоке России. Белая Гвардия: Исторический альманах. 2001. № 5. С. 33.

[207] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 22. Л. 10–11.
[208] Там же. Л. 12.
[209] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 14об.
[210] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско... С. 100–101.
[211] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.
[212] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 165об.
[213] ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 5.
[214] РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
[215] Яркий пример такого рода – оборона станции Аральское море, в районе которой летом 1919 года красные успешно сдерживали натиск частей Южной армии. Укрепленный район с одной стороны ограничивался пустыней, а с другой – Аральским морем – *Ганин А.В.* Южная армия Восточного фронта //История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001. Кемерово, 2001. С. 95.
[216] РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 163–163об.
[217] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.
[218] Приказ войскам Юго-Западной армии. 1918. 19.10. № 3. – РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 370–370об.
[219] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.
[220] *Огородников Ф.*[Е.] Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938. С. 28.
[221] Цит. по: *Каревский А.А.* В.О. Каппель и Народная армия: К истории антибольшевицкой борьбы в Поволжье в 1918 г. //Каппель и каппелевцы. М., 2003. С. 395.
[222] Цит. по: *Огородников Ф.*[Е.] Указ. соч. С. 45.
[223] Путеводитель по фондам белой армии... С. 130–131.
[224] ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 73. Л. 10.
[225] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.-8об.
[226] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–50об.
[227] РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 107.
[228] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.
[229] Путеводитель по фондам белой армии... С. 131.
[230] *Кирюхин Н И.* Указ. соч. С. 54.
[231] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 35.
[232] В документе 7-й Хвалынский стрелковый полк ошибочно назван 4-м – РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 264–265.
[233] Отметим, что почетным красноармейцем этого же полка с 27 февраля 1922 года числился В.И. Ленин (Ульянов).
[234] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 277; ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 2об., 7–8об., 10; Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 100.
[235] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
[236] Там же. Л. 277.
[237] Там же. Л. 58об.
[238] Там же. Л. 332; РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 48; Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 5об, 6об.
[239] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 101об.
[240] Там же.
[241] РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 1об.
[242] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.

[243] *Огородников Ф.*[Е.] Указ. соч. С. 46.
[244] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 63об.
[245] Мой подсчет по данным на 30 января 1919 года. – Там же. Л. 280.
[246] Там же. Л. 178.
[247] Там же. Л. 101об.-102.
[248] Подробнее см.: *Кручинин А.С.* Генерал Я.А. Слащов-Крымский как полководец // Доброволецъ (Москва). 2003. № 2. С. 17–19.
[249] *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 191; *Муртазин М.Л.* Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М., 1927. С. 68–72.
[250] *Муртазин М.Л.* Указ. соч. С. 73, 76.
[251] *Тоган З.В.* Указ. соч. С. 175, 186.
[252] Там же. С. 190.
[253] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.
[254] РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 9097. Л. 1об.
[255] Протоколы 3-го Очередного Войскового Круга области войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 196.
[256] Сведения предоставлены А.И. Дерябиным (Москва).
[257] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 76–76об.
[258] РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 1. Л. 22; Подробнее об этой награде см.: *Ганин А.В.* Знаки отличия Оренбургского казачьего войска. 1918–1919 //Цейхгауз (Москва). Российский военно-исторический журнал. 2002. № 3 (19). С. 38–39.
[259] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
[260] Там же. Л. 3–3об.
[261] *Огородников Ф.*[Е.] Указ. соч. С. 56–57.
[262] Составлено по: РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 5–5об.
[263] Состав пехотного полка военного времени по штату от 6 мая 1910 года составлял 78 офицеров, 10 чиновников и 4245 нижних чинов, по штату от 20 апреля 1915 года – 60 офицеров, 8 чиновников и 3267 нижних чинов – *Ульянов И.Э.* Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 237–239.
[264] *Штейфон Б.А.* Кризис добровольчества //Белое дело. Избранные произведения: В 16 кн. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 300, 308.
[265] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.
[266] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 7об-8.
[267] Там же. Л. 16.
[268] Там же. Л. 19об.
[269] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 88об.
[270] *Болдырев В.Г.* Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания: Новониколаевск, 1925. С. 60.
[271] *Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 241.
[272] *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция. Ч. 4. Кн. 8. Б.м., 1937. С. 114.
[273] *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 53–54.
[274] РГВА. Ф. 39864. Оп. 1. Д. 1. Л. 87; Д. 5. Л. 63–63а.
[275] *Волков Е.В.* Судьба колчаковского генерала: Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 131.

[276] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 13. Л. 10об. –11.
[277] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 22об.
[278] *Муртазин М.Л.* Указ. соч. С. 91–95.
[279] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.
[280] Там же. Л. 24.
[281] Там же. Л. 24об.
[282] Там же. Л. 27об.
[283] РГВА. Ф. 39499. Оп. 2. Д. 1. Л. 151.
[284] Цит. по: *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 2. 1920–1922. М., 2004. С. 316. К сожалению, автор не приводит ссылку на оригинал документа.
[285] Вероятно, речь идет о Генерального штаба генерал-майоре Щербакове Николае Михайловиче (1882–1937).
[286] В документе зачеркнуто «8 месяцев».
[287] Т.е. начальником штаба Верховного Главнокомандующего (телеграфное сокращение).
[288] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 76–76об.
[289] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 36 об.
[290] РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 98. Л. 42. Источник указан Е.В. Волковым (Челябинск).
[291] Там же. Л. 43.
[292] Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 2. Март 1919 – февраль 1920. М., 1961. С. 89.
[293] *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 371.
[294] Подробнее см.: *Ганин А.В.* Оренбургская операция и весеннее наступление Российской Армии адмирала А.В. Колчака на Восточном фронте //Ломоносов-2002. История: Труды научной конференции. М., 2003. С. 71–73.
[295] РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 17об.
[296] См., напр.: Гражданская война 1918–1921: В 3 т. /Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930. С. 190; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 407; История Гражданской войны в СССР. Т. 4. Решающие победы Красной армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. М., 1959. С. 104; Краткая история Гражданской войны в СССР. М., 1960. С. 200 и др.
[297] *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку: (Военно-исторический очерк). М., 1926. С. 31.
[298] По устным воспоминаниям участника боев А.Ф. Гергенредера — Письмо И.А. Гергенредера автору от 13.01.2004.
[299] В работе В.Ф. Воробьева, по всей видимости, ошибочно указана другая дата занятия белыми Сакмарской – 21 апреля – *Воробьев В.Ф.* Указ. соч. С. 21. Весьма важные для оценки Оренбургской операции данные о том, что Сакмарская была занята белыми не 21, а 20 апреля, содержатся как в журнале военных действий IV Оренбургского армейского корпуса, так и в работе командующего 1-й советской армией – РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 40; *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку… С. 32, 71.

[300] По устным воспоминаниям участника боев А.Ф. Гергенредера — Письмо И.А. Гергенредера автору от 06.01.2004.
[301] То же – Письма И.А. Гергенредера автору от 13 и 14.01.2004.
[302] *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку... С. 65.
[303] Там же. С. 32.
[304] РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–6об.
[305] *Воробьев В.Ф.* Указ. соч. С. 17.
[306] Цит. по: *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку... С. 90.
[307] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 41об.
[308] *Воробьев В.Ф.* Указ. соч. С. 16; *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку... С. 34; XV лет 24-й стрелковой Самаро-Ульяновской Железной Краснознаменной дивизии. Винница, 1933. С. 23.
[309] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 13. Л. 4об.
[310] *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку... С. 41.
[311] Там же. С. 93.
[312] Там же. С. 94.
[313] Там же. С. 59.
[314] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 3. Имеется в виду неудачное и кровопролитное наступление I и II Гвардейских пехотных корпусов на реке Стоход в июле и сентябре 1916 года.
[315] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско... С. 119–120.
[316] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 46–46об.
[317] *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку... С. 59.
[318] *Новицкий Ф.*[Ф.] Против Колчака и на путях к Туркестану (1918–1920 гг.) //Гражданская война 1918–1921: В 3 т. /Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928. С. 177.
[319] *Воробьев В.Ф.* Указ. соч. С. 27–30; *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку... С. 59–60, 62, 63; *Огородников Ф.*[Е.] Указ. соч. С. 198.
[320] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 56.
[321] *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско... С. 129–130, 144.
[322] ГА РФ. Ф. 5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 4.
[323] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 45об.
[324] По данным на 23 июня 1919 года – Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. /Публ. Р.Г. Гагкуева и А.А. Каревского //Белое движение на Востоке России. Белая гвардия: Альманах. 2001. № 5. С. 155.
[325] Протоколы 3-го Очередного Войскового Круга области войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 440.
[326] В оригинале ошибочно – «изменниками».
[327] РГВА. Ф. 39868. Оп. 1. Д. 8. Л. 108–108об.
[328] Боевые расписания армий Восточного фронта... С. 153.
[329] *Никита.* Железным //XV лет 24 стрелковой Самаро-Ульяновской Железной Краснознаменной дивизии. Винница, 1933. С. 32–33.
[330] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
[331] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 89об.
[332] *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 214.
[333] Там же. Начальник дивизии Генерального штаба полковник И.Н. Никитин, командовавший этим соединением с 15 июня по 16 августа, позднее участвовал в

Сибирском Ледяном походе и умер в 1945 году в эмиграции, в Харбине – *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Указ. соч. С. 149. О том, что он попал в плен, говорить не приходится.

[334] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 6об.

[335] Там же. Л. 48.

[336] *Утешев Ф.* Участие нагайбаков в Февральской и Октябрьской революциях. Ч. III. Воспоминания (рукопись). Л. 124об. – Музей археологии и этнографии Челябинского государственного университета – данные предоставлены Е.В. Волковым (Челябинск).

[337] Наши летчики на фронте //Южная армия. Издание Особой Канцелярии Штаба Южной Армии. 1919. № 56. 09.08. С. 2.

[338] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 100.

[339] С.А. Щепихин переносит реалии более позднего времени на предшествующий период – речь идет о службе Бакича в Отдельной Оренбургской армии, А.И. Дутов никогда не командовал Южной армией.

[340] Т.е. от частей бывшей Народной армии.

[341] С.А. Щепихин вновь ошибается – корпус Бакича участвовал в весеннем наступлении уже в составе Южной группы П.А. Белова. Период их независимого соседства относится лишь к концу февраля – первым числам марта 1919 года.

[342] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 47 об. – 48.

[343] *Тимошков С.* Разгром Южной армии Колчака (август–сентябрь 1919 г.) //Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 42.

[344] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

[345] *Новицкий Ф.*[Ф.] Указ. соч. С. 187.

[346] *Тимошков С.* Указ. соч. С. 55.

[347] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 103.

[348] Там же. Л. 103–103об.

[349] *Гоппер К.*[Я.] Четыре катастрофы. Рига, 192[?] . С. 156.

[350] Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане: Документы и материалы. Т. 2. Сентябрь 1919 г. – декабрь 1920 г. Алма-Ата, 1964. С. 75; М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сб. документов. М., 1941. С. 211, 217; *Алескеров Ю.Н.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 138; *Тимошков С.* Указ. соч. С. 51.

[351] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 103об.

[352] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

[353] Киргизами или киргиз-кайсаками в Российской империи называли современных казахов.

[354] Незаконченный дневник оренбургского казачьего офицера А.О. Приданникова – БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 30.

[355] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 804. Л. 8.

[356] Там же. Л. 8об.

[357] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 13. Л. 47.

[358] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.

[359] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 109об.

[360] *Еловский И.* Голодный поход Оренбургской армии: (Из воспоминаний участника похода). Пекин, 1921. С. 10.

[361] *Головин Л.* Связанная совесть: Фрагмент дневника /Публ. В.Г. Семенова //Гостиный Двор (Оренбург): Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 2003. № 14. С. 218.
[362] БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ–14. Л. 33.
[363] Там же. Л. 32.
[364] *Головин Л.* Указ. соч. С. 221–222.
[365] *Утешев Ф.* Указ. соч. Л. 125об.
[366] *Полосин М.*[П.] 1918 год: (Из воспоминаний обывателя) //Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 286; *Головин Л.* Указ. соч. С. 229; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996; Милая химера в адмиральской форме: Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку. (18 июля 1916 г. – 17–18 мая 1917 г.). СПб., 2002.
[367] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 817. Л. 4об., 11об.
[368] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.
[369] *Головин Л.* Указ. соч. С. 213.
[370] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 113.
[371] *Головин Л.* Указ. соч. С. 217.
[372] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 25.
[373] ГА РФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 52. Л. 68.
[374] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 28.
[375] Подробнее об отступлении уральцев см.: *Акулинин И.Г.* Уральское казачье войско... С. 122–147; *Масянов Л.* Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963; *Фокин Н.И.* Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке. М., 1996.
[376] См.: *Еловский И.* Указ. соч. К сожалению, в современной отечественной историографии из-за ошибки в работах С.В. Волкова, формально ссылающегося на брошюру Еловского (в интерпретации Волкова его фамилия звучит как «Елавский»), но в действительности с ней не знакомого, под термином «Голодный поход» ошибочно подразумевается поход Бакича из Синьцзяна в Монголию в 1921 году. – См., напр.: *Волков С.В.* Белое движение в России: организационная структура: (Материалы для справочника). М., 2000. С. 161–162; *Он же.* Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. М., 2003. С. 135; *Он же.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 359; Восточный фронт адмирала Колчака /Сост. науч. ред. предисл. и коммент. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2004. С. 643.
[377] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 29; *Синзянский.* Крестный путь Отдельной Оренбургской армии. Каркаралинская голодная степь 1919 г.: (Из дневника конвойца) //Луч Азии (Харбин). 1937. № 32/4. С. 7.
[378] БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 36.
[379] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 128–128об.
[380] Там же. Л. 128об.
[381] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.
[382] *Камский.* Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923. С. 51.
[383] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 30.
[384] Там же. Л. 31.
[385] *Камский.* Указ. соч. С. 6.
[386] *Еловский И.* Указ. соч. С. 12.
[387] Донесение А.И. Дутова Главнокомандующему фронтом от 5 января 1920 года

№ 3182 (документ из Центрального архива ФСБ) – опубл. в кн.: *Марковчин В.В.* Три атамана. М., 2003. С. 94.

[388] *Синзянский.* Крестный путь… С. 7.

[389] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 3.

[390] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.

[391] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 22.

[392] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62.

[393] БФРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 41.

[394] Т.е. анненковцев.

[395] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 21.

[396] Там же. Л. 62; РГВА. Ф. 185. Оп. 7. Д. 4. Л. 204.

[397] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 70об.

[398] Там же. Л. 72–72об.

[399] *Заика Л., Бобренев В.* Атаман Анненков //Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 68–77.

[400] *Ганин А.В.* Южная армия Восточного фронта //История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 97.

[401] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 3; РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 89; *Камский.* Указ. соч. С. 7–8, 10, 20.

[402] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 1.

[403] Там же. Л. 21об.

[404] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 70.

[405] Цит. по: *Заика Л., Бобренев В.* Указ. соч. С. 75.

[406] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 135об. – 136об.

[407] *Еловский И.* Указ. соч. С. 13.

[408] *Хитун С.Е.* Дворянские поросята. Сакраменто, 1974. – http://militera.lib.ru/memo/russian/hitun_se/01.html.

[409] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 15об.

[410] Гражданская война 1918–1921: В 3 т. /Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930. С. 221.

[411] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 15об.

[412] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62.

[413] Там же. Л. 74.

[414] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 30об. – 31.

[415] Там же. Л. 31об.

[416] *Алескеров Ю.Н.* Указ. соч. С. 168.

[417] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 100.

[418] Реконструкция боевого расписания составлена по: РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 32–32об.; Ф. 16. Оп. 3. Д. 217. Л. 3об.; Д. 222. Л. 89–89об., 94; ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 99–100; Общий список офицерским чинам… Инициалы некоторых офицеров уточнены при содействии В.Г. Семенова (Оренбург).

[419] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 99об.

[420] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 136об.

[421] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 90об.

[422] *Камский.* Указ. соч. С. 9.

[423] ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 34–35.
[424] Автор ошибается – переформирование было начато после Нового года.
[425] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 22–22об.
[426] В дальнейшем, во избежание путаницы, по возможности – я указываю обе даты.
[427] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 7.
[428] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 87об. – 88об.
[429] В оригинале ошибочно – «Бакичем».
[430] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 22об. – 23.
[431] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 139.
[432] *Еловский И.* Указ. соч. С. 17.
[433] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 1.
[434] Т.е. штаба Отдельной Оренбургской армии.
[435] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 1.
[436] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 78.
[437] Там же. Л. 2.
[438] Там же. Л. 8.
[439] Интернирование регулировалось Гаагскими конвенциями 1907 года.
[440] РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 25. Л. 153об. – 154.
[441] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 33.
[442] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 27.
[443] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62; РГВА. Ф. 185. Оп. 7. Д. 4. Л. 204.
[444] *Еловский И.* Указ. соч. С. 17–18.
[445] Там же. С. 18.
[446] *Дутов Н.* Атаманский полк: (Из воспоминаний) //Оренбургский казак. Харбин, 1937. С. 88.
[447] *Хитун С.Е.* Указ. соч.
[448] Бебут – кривой кинжал с обоюдоострым клинком, состоял на вооружении унтер-офицерского состава пулеметных команд, орудийных номеров легкой и горной артиллерии, личного состава артиллерийских парков.
[449] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 240. Л. 10об. – 11; Д. 297. Л. 27.
[450] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 7об; Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 70. Л. 34.
[451] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 23.
[452] *Дутов Н.* Указ. соч. С. 89.
[453] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 28об.
[454] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62об.
[455] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 27.
[456] *Камский.* Указ. соч. С. 22–23.
[457] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 65.
[458] Там же. Л. 1.
[459] Там же. Л. 1об.
[460] *Камский.* Указ. соч. С. 23–24.
[461] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 75.
[462] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 90.
[463] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 3.
[464] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 50.
[465] Там же. Л. 89.
[466] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 9.

[467] По мнению атамана Дутова, Бакич имел не менее 100 миллионов сибирских рублей – ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 94об.
[468] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 3–4.
[469] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 10.
[470] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 79об.
[471] Мой расчет по: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 28.
[472] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 28об.
[473] *Еловский И.* Указ. соч. С. 19.
[474] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 94об.
[475] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 83.
[476] Там же. Л. 86.
[477] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 88, 98.
[478] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 349. Л. 32об.
[479] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 91–91об.; 93.
[480] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 110.
[481] Там же. Л. 118.
[482] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 33об.
[483] Там же. Л. 72об.
[484] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 19.
[485] *Хитун С.Е.* Указ. соч.
[486] *Еловский И.* Указ. соч. С. 19–20.
[487] *Камский.* Указ. соч. С. 56–57.
[488] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 89.
[489] *Дутов Н.* Указ. соч. С. 89–90.
[490] *Серебренников И.И.* Великий отход. Рассеяние по Азии белых Русских Армий 1919–1923. Харбин, 1936. С. 121.
[491] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62об.
[492] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 7.
[493] Китайская денежная единица и мера веса, равная 37,7 г.
[494] *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 114–115, 119–120.
[495] *Камский.* Указ. соч. С. 51–52.
[496] Там же. С. 27.
[497] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 4.
[498] Там же. Л. 12.
[499] Там же. Л. 29.
[500] *Хитун С.Е.* Указ. соч.
[501] 1 джин = 0,035 пуда ≈ 570 г.
[502] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 27–27об.
[503] Там же. Л. 51.
[504] Там же. Л. 60–60об.
[505] Советской России и Китая.
[506] Документы внешней политики СССР. Т. 4. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. М., 1960. С. 790.
[507] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 9.
[508] Там же. Л. 13.
[509] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 817. Л. 6.

[510] Лютин Григорий Васильевич – штабс-капитан, комендант лагеря на р. Эмиль.
[511] Супруга генерала Смольнина-Терванда.
[512] Иванов Константин Степанович – доброволец, вестовой генерала Бакича.
[513] Столыпин Дмитрий Иванович – поручик, личный адъютант генерала Бакич.
[514] Буарович Любомир Богданович – фельдфебель, ординарец генерала Бакича.
[515] Рябухин (Рибо) Н.М. – главный врач штаба отряда атамана Дутова.
[516] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 817. Л. 10–11об.
[517] Там же. Л. 17.
[518] Т.е. Анненков.
[519] Центр округа – г. Верхнеуральск.
[520] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 95–99.
[521] Т.е. командира отдельного корпуса.
[522] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 93об. – 94об.
[523] *Белов Е.А.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., 2003. С. 202; *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 97.
[524] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 63.
[525] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.
[526] Речь идет об атамане Г.М. Семенове.
[527] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 13.
[528] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 68об.
[529] Там же. Л. 69.
[530] В документе ошибочно – «предпочитавшим».
[531] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 64.
[532] Там же. Л. 63.
[533] *Серебренников И.И.* Указ. соч. С. 122.
[534] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 15.
[535] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 135.
[536] Там же. Л. 112.
[537] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 91; *Камский.* Указ. соч. С. 37–38.
[538] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 137; Собрание документов, касающихся деятельности Российской Миссии в Китае за период [с] 1 Ноября 1917 г. – по 31 Декабря 1920 г. На правах рукописи. Пекин, 1920. С. 3. По другим данным, решение о прекращении деятельности русской миссии и консульств в Китае было принято 18 сентября 1920 года – История дипломатии. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. М., 1965. С. 227–228.
[539] *Камский.* Указ. соч. С. 44.
[540] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 5.
[541] *Камский.* Указ. соч. С. 48.
[542] *Носков К.* Авантюра, или Черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин, 1930. С. 39.
[543] Краткая история банды Бакича – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 2.
[544] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 87; Д. 223. Л. 2.
[545] *Шулдяков В.А.* Подъесаулы Д.Я. Шишкин и А.П. Кайгородов: материалы к биографиям двух выдающихся белых партизан Сибири //Антибольшевицкое повстанческое движение. Белая гвардия (Москва): Исторический альманах. 2002. № 6. С. 80.
[546] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 34об.
[547] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 72.

[548] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 32–32об.
[549] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 62об.
[550] *Иноятов Х.Ш.* Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М., 1984. С. 196.
[551] Т.е. интернирования.
[552] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 88об.– 93об.
[553] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 986. Л. 83.
[554] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 90.
[555] РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 29–29об.
[556] *Камский.* Указ. соч. С. 49–50.
[557] Там же. С. 53.
[558] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 985. Л. 77.
[559] *Камский.* Указ. соч. С. 54.
[560] Там же; *Носков К.* Указ. соч. С. 40.
[561] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 17.
[562] Там же. Л. 17об.
[563] Там же.
[564] Там же. Л. 19.
[565] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000. С. 337, 358, 513.
[566] Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922). Т. 3. М., 1974. С. 541–542.
[567] Подробнее об этих планах см.: *Мошкин С.В.* Революция извне. Историко-политологические очерки. Екатеринбург, 1997; *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001; *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг.: 2-е. изд. М., 1999; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. New York; Tokyo; London, 1995.
[568] *Мошкин С.В.* Указ. соч. С. 196–205; Hopkirk P. Op. cit. P. 176–207.
[569] *Панцов А.В.* Указ. соч. С. 293–295.
[570] Там же. С. 70–71.
[571] История дипломатии. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. М., 1965. С. 228.
[572] Командиры полков: 1-го Сибирского казачьего – полковник Могилев, 2-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича – есаул Ф.Л. Погребных, 3-го пехотного – Смирнов, 4-го пехотного – подъесаул Афанасьев – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 71; *Шулдяков В.А.* Казаки в Западно-Сибирском восстании 1921 года //Кубанец. 2001. № 209. Февраль. С. 22.
[573] *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса //Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 137.
[574] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 91.
[575] Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 788.
[576] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 1об.
[577] *Носков К.* Указ. соч. С. 40.
[578] *Бармин В.А.* Участие сибирских частей Красной армии в разгроме белогвардейских войск в Синьцзяне (май—сентябрь 1921 г.) //Актуальные вопросы истории Сибири. Мат. науч. конф. Барнаул, 2000. С. 408.

[579] *Камский.* Указ. соч. С. 61.
[580] *Собенников П.*[П.] Ликвидация Бакича //Красная конница. 1935. № 2. С. 52.
[581] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 95об.
[582] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
[583] Там же.
[584] Там же. Л. 2об. – 3.
[585] Там же. Л. 3.
[586] Там же. Л. 3об.
[587] Там же. Л. 3об.– 4.
[588] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 91, 96.
[589] *Серебренников И.И.* Указ. соч. С. 129.
[590] *Носков К.* Указ. соч. С. 43.
[591] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 4об.
[592] Там же. Л. 5.
[593] Там же. Л. 5об.
[594] Там же. Л. 6.
[595] *Носков К.* Указ. соч. С. 46.
[596] Там же. С. 47.
[597] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 91.
[598] Там же. Л. 87об.
[599] Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 788.
[600] *Бармин В.А.* Указ. соч. С. 409.
[601] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
[602] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 87об.; *Носков К.* Указ. соч. С. 44.
[603] Краткая история банды Бакича – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 2.
[604] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 6об., 7об; использованы устные воспоминания внучки Н.А. Донскова – Е.В. Захарьиной (Оренбург).
[605] Там же. Л. 8.
[606] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 23.
[607] Там же. Л. 28.
[608] *Белов Е.А.* Указ. соч. С. 58.
[609] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 100об.
[610] Там же. Л. 91об.; *Молоков И.Е.* Разгром Бакича. С. 12.
[611] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 25.
[612] Публикацию приказа см. в кн.: *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни: (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М., 1993. С. 230–233.
[613] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 25об. – 26.
[614] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 101.
[615] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 26.
[616] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 91об.
[617] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 9об.
[618] Там же. Л. 9.
[619] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 72.
[620] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 9об.–10.
[621] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 87об.
[622] Там же. Л. 103.

[623] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; *Носков К.* Указ. соч. С. 49.
[624] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 71–71об.
[625] Там же. Л. 71об. – 74.
[626] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 104–104об.
[627] *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 119–120.
[628] *Белов Е.А.* Указ. соч. С. 58.
[629] *Лубков А.В., Цветков В.Ж.* Белое движение в России – его программа и вожди: Учебно-методическое пособие. М., 2003. С. 69.
[630] Весьма оригинальное объяснение.
[631] К лету 1921 года основные силы А.С. Антонова и Н.И. Махно были уже разбиты.
[632] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 103–103об.
[633] Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 320–322.
[634] Цит. по: *Нэх В.Ф.* Специальная операция НКВД в Синьцзяне //Исторические чтения на Лубянке. 2002 год. М., 2003. С. 37.
[635] *Евсеев* [Н.Ф.]. Разгром генерала Бакича //Красная Армия Сибири (Новониколаевск). 1923. № 5–6. С. 25–26.
[636] *Собенников П.*[П.] Указ. соч. С. 56.
[637] Небезынтересно, что 26-летний П.П. Собенников был сыном морского артиллерийского офицера русской армии и в годы Первой мировой войны окончил Николаевское кавалерийское училище, а позднее был награжден Георгиевским крестом – *Молоков И.Е.* Разгром Бакича. С. 21.
[638] *Евсеев* [Н.Ф.]. Указ. соч. С. 30.
[639] Цит. по: *Молоков И.Е.* Разгром Бакича. С. 34–35.
[640] *Шулдяков В.А.* Казаки в Западно-Сибирском восстании... //Кубанец. 2001. № 209. Февраль. С. 25.
[641] *Он же*. Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 2. 1920–1922. М., 2004. С. 325.
[642] *Клевцов В.* Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича //Военно-исторический журнал. 1971. № 1. С. 84.
[643] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 11об.
[644] Там же. Л. 12об.
[645] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 106.
[646] В тексте ошибочно – «освобождение».
[647] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 37–37об.
[648] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 91об.– 92.
[649] Там же. Л. 87об.
[650] Там же. Л. 92.
[651] Краткая история банды Бакича – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 2об.
[652] Реконструкция боевого расписания составлена по: РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 86, 87об., 91об. – 92.
[653] *Евсеев* [Н.Ф.]. Указ. соч. С. 39.
[654] *Клевцов В.* Указ. соч. С. 85.
[655] Краткая история банды Бакича – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 2об; *Байкалов К.К.* Воспоминания. Якутск, 1966. С. 51.
[656] *Клевцов В.* Указ. соч. С. 86; *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 127. Данные о том, что Байкалов в период осады имел лишь два пулемета (*Белов Е.А.* Указ. соч. С. 188)

являются ошибочными и опровергаются в мемуарах самого Байкалова, в которых приведены сведения, по крайней мере, о 13 пулеметах различных систем – *Байкалов К.К.* Указ. соч. С. 42, 44, 47.

[657] Т.е. в отряде Бакича.

[658] Возможно, имеется в виду «Народная дивизия».

[659] *Байкалов К.К.* Указ. соч. С. 40.

[660] Там же. С. 41.

[661] Там же. С. 43.

[662] *Носков К.* Указ. соч. С. 61.

[663] *Байкалов К.К.* Указ. соч. С. 49.

[664] Краткая история банды Бакича – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 3.

[665] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 14об.

[666] Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 382.

[667] Там же. С. 383.

[668] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 74.

[669] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 15об.

[670] ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 15об.; РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 98.

[671] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 92об.; *Носков К.* Указ. соч. С. 64.

[672] *Kuznetsov I.I.* The Soviet Military Advisors in Mongolia 1921–39 //The Journal of Slavic Military Studies. 1999. Vol. 12. December. № 4. P. 118–119.

[673] Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 448.

[674] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 87об.

[675] Краткая история банды Бакича – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 3.

[676] *Клевцов В.* Указ. соч. С. 86.

[677] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 93.

[678] Там же. Л. 102.

[679] Там же. Л. 93.

[680] Там же. Л. 98об.

[681] Краткая история банды Бакича – РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 3об.

[682] *Ряннель Т.* Тувинские рассказы //День и ночь (Красноярск). Литературный журнал. 1998. № 4–5 – http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Riannel_T.htm

[683] *Клевцов В.* Указ. соч. С. 87.

[684] Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сб. док. Новосибирск, 1996. С. 315; *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 63, 65, 138;

[685] *Белов Е.А.* Указ. соч. С. 191; *Молоков И.Е.* Интернациональная помощь. С. 107–108.

[686] *Байкалов К.К.* Указ. соч. С. 62.

[687] *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 171.

[688] *Байкалов К.К.* Указ. соч. С. 62.

[689] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 223. Л. 3–3об.

[690] *Петров В.И.* Мятежное сердце Азии: Синьцзян: Краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 323.

[691] *Молоков И.Е.* Интернациональная помощь... С. 108.

[692] *Шулдяков В.А.* Казаки в Западно-Сибирском восстании... //Кубанец: Донской атаманский вестник. 2001. № 3 (210). С. 27а.

[693] Науменко (Науменков) Григорий Матвеевич (16.11.1897 – 17.10.1937) – штабс-капитан (с 1920) отряда А.С. Бакича. Из мещан г. Бузулука Самарской губернии.

Окончил Бузулукское городское трехклассное училище, 2 класса Казанского строительно-технического училища (1915), Горийскую школу прапорщиков (1916). Поступил на военную службу вольноопределяющимся. В распоряжении начальника штаба Казанского военного округа (1916). Подпоручик. Младший офицер 14-го гренадерского Грузинского полка (1917). Мобилизован в Народную армию Комуча. На службе во 2-м Оренбургском кадровом (1918) и в 1-м Оренбургском Егерском (1919) полках. В составе отряда Бакича перешел в Китай. Участник похода до Шара-Сумэ. При отходе от Шара-Сумэ попал в плен. Арестован и осужден на год лишения свободы (1921). Амнистирован. Лишен избирательных прав. Повторно арестован (1930) и приговорен к 3 годам лагерей (1931). После освобождения жил в Томске. Арестован и расстрелян по приговору тройки УНКВД по Запсибкраю. Реабилитирован. Место захоронения неизвестно.

Использованы материалы из домашнего архива внука Г.М. Науменко – В.Н. Башкина (Воронеж).

[694] *Липин В.* Уроки суда над Бакичем //Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 115 (765). 27.05. С. 1.; Судебный процесс... С. 680.

[695] Судебный процесс... С. 237.

[696] Там же. С. 680; *Ярославский Ем*[*ельян*]. Генерал Бакич и эсеры //Правда. 1922. № 125.8 июня. С. 1.

[697] *Ярославский Ем*[ельян]. Указ. соч. С. 1.

[698] Там же.

[699] *Шалагинов В.К.* Указ. соч. С. 67–69, 72–73, 94–95, 111, 119, 125, 128.

[700] *Таежный В.* Суд над Бакичем и Ко (продолжение) //Советская Сибирь. Новониколаевск, 1922. № 117 (767). 30 мая. С. 3.

[701] Письмо А.М. Бакича автору от 10 ноября 2003 года; Sydney Morning Herald. 2002. 19.11; *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 43–44.

[702] *Филатьев Д.В.* Указ. соч. С. 7.

[703] *Лампе А.А.* фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых //Деникин А.И., фон *Лампе А.А.* Трагедия белой армии. М., 1991. С. 14–15.

[704] Там же. С. 29.

[705] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 9об.

[706] *Мовчин Н.* Комплектование красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: В 3 т. /Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. Т 2. Военное искусство Красной армии. М., 1928. С. 87.

[707] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

[708] *Лампе А.А.* фон. Указ. соч. С. 30.

[709] Там же. С. 32.

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. Еловский

ГОЛОДНЫЙ ПОХОД ОРЕНБУРГСКОЙ АРМИИ

*Из воспоминаний участника похода**

После того как Южная армия[1] потерпела тяжелое поражение под городом Актюбинском, потеряв в боях много пленных, кроме убитых и раненых, она была прижата к Тургайской степи. Вследствие сложившихся обстоятельств, много казаков и солдат добровольно сдались красным, уже после сдачи города Актюбинска. Во время отступления Южной армии, Актюбинск был временно главной базой, а потому там находились госпитали, интендантства, эвакуированные из разных мест учреждения, беженцы, штабы 4-х корпусов и некоторых других частей.

1 сентября 1919 года, совершенно внезапно, красные атаковали Актюбинск, с поселка Всесвятского, т.е. с юго-западной стороны города. При поддержке наступавшей пехоты и кавалерии они открыли сильный артиллерийский огонь. Над городом летал большевистский аэроплан, сбрасывая бомбы.

---

* Автор впервые вводимой в научный оборот брошюры «Голодный поход Оренбургской армии», И. Еловский, был участником отступления Отдельной Оренбургской армии в Семиречье, служил офицером в одном из Оренбургских казачьих полков. В составе Отряда атамана Дутова под командованием генерал-майора А.С. Бакича перешел в Китай. Вместе с отрядом был интернирован в лагере на р. Эмиль, откуда в конце августа 1920 года уехал в Пекин. Из Китая Еловский переехал в США, где в 1922 году вышла еще одна его работа «Русские студенты в Америке». Еловский поселился в Лос-Анджелесе, устроившись на работу в компанию «Дженерал Моторс». В 1925 году он вновь проявил себя на литературной ниве в сборнике «Дымный след». Автор опубликованной в Бостоне на английском языке пьесы «В старой Калифорнии». По данным на 1927 год, он попрежнему проживал в Калифорнии (ГА РФ. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 121. Л. 3; *Булгаков В.Ф.* Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993. С. 52.).

[1] Южная армия была сформирована из Отдельной оренбургской армии в начале 1919 года. Последняя состояла почти исключительно из казаков Оренбургского войска, восставших против большевиков в средине 1918 года, и основанием для нее являлся отряд атамана Дутова, который с 1917 года боролся с большевиками (здесь и далее подстрочные примечания автора — *А.Г.*).

В городе создалась страшная паника. Видно было, что здесь не ожидали внезапного появления красных. Творилось что-то невероятное. Почти весь город, кто мог и успел, спешно эвакуировался. Вся степь в районе Актюбинска на несколько десятков верст, в особенности на юго-восток, как единственный путь отступления, покрылась обозами. Ехали верхом, в экипажах, на автомобилях, шли пешком... Орудийная канонада, пулеметная стрельба, крики, стоны — все это сливалось в общий гул и хаос. Вскоре показалась кавалерия красных, которая, заняв город, быстрым набегом отрезала почти половину движущейся из города ленты и возвратилась с добычей обратно.

Будучи неподготовленными к такой неожиданности, все, спешно вышедшие из города, как воинские части, так и беженцы, обозы и проч[ие] перемешались между собою в общем хаосе, толпою двигались сами не зная куда, лишь бы быть подальше от опасности. В таких условиях о сопротивлении не могло быть и речи, и хотя некоторые части защищали город и прикрывали отходивших, но они немедленно были опрокинуты красными. Друг на друга нагоняя панику, все растерялись и не знали, что делать, куда двигаться в дальнейшем, где сборный пункт и проч[ее].

Так вся толпа, объятая стадным инстинктом: куда один, туда и все — двигалась до ближайшего поселка Темирейского (в 30-ти верстах от города на юго-восток). Здесь ночевали и утром 2 сентября двинулись на поселок Романовский. Поход до этого поселка продолжался три дня. За это время все стали понемногу успокаиваться, разыскивать свои части и объединяться. Каждый из отступавших знал, что поселок Романовский — это последний населенный пункт, после которого пойдут Тургайские степи, где не только трудно достать продовольствие для армии, но даже трудно проехать. Есть переходы до сотни верст, где нет воды, всюду сильный песок, без всякой растительности. Создавшаяся обстановка гнетуще действовала на измученных казаков и солдат, и они заявили, по приходе в поселок Романовский, что дальше никуда не пойдут, а возвратятся домой. Так и сделали многие из них[1].

Остатки нашего полка, который находился со дня восстания на фронте в беспрерывных боях и пользовался боевой славой, также пришли[2] в поселок Романовский. Казаки упали духом и были настрое-

---

[1] Некоторые части успели отойти от города Актюбинска на юг, по линии Ташкентской ж[елезной] д[ороги], до станций Джурун и Эмба, где от них также откололись многие части. Остатки этих частей, которые пожелали пойти через Тургайские степи на Сибирь, соединились с нами уже между Иргизом и Тургаем.

[2] В оригинале ошибочно — «пришел» — *А.Г.*

ны весьма тревожно. Командир нашего полка донес по начальству: «Полк находится второй год в беспрерывной боевой деятельности, а за последнее время особенно, в исключительно трудных условиях, переутомлен и упал духом. У казаков нет не только обуви и теплого обмундирования, но у многих нет даже шинелей, а приобретение таковых не предвидится еще на неопределенное время, несмотря на приближающиеся холода и начало сентября месяца. Дальнейшее движение к юго-востоку от Актюбинска, в связи с большею и большею разреженностью населения и ночлегами в чистом поле, в плохой одежонке, при недостатке фуража и продовольствия, заставляло казаков задумываться о дальнейшем пути и предстоящих лишениях. В поселке Романовском часть казаков заявила, что они дальше не пойдут, одновременно с этим потребовали выдачи авансов для обратного следования домой, т.е. в сторону красных; в противном случае, грозили оставить у себя обоз и денежный ящик. Получив отказ, они привели свою угрозу в исполнение. Многие казаки отказались от подчинения»[1].

Тревожное настроение в частях нарастало с каждым часом. По пути отхода солдаты и казаки бросали и жгли оружие; все чаще и чаще повторялись угрозы командному составу. Особенно это замечалось в пехотных частях, где открыто велась разлагающая агитация. Представители одного митингующего N-го пехотного полка явились и в наш полк.

Явившиеся солдаты созвали вокруг себя казаков нашего полка и заявили: «Все части решили сдаться большевикам, вместе с оружием, и выдать офицеров, так как отступать больше некуда, ибо пойдут дальше Тургайские степи, а потому мы требуем немедленного ареста офицеров». Хотя часть казаков нашего полка категорически отказалась отступать дальше, но ни одному казаку не приходило даже мысли выдавать офицеров своего полка, с которыми они были братьями по бранному полю и, связанные одной общей идеей, переносили вместе так долго голод, холод и разные лишения.

В требовании явившимся было отказано, но все же казаки боялись, как бы этим не вооружить против себя бунтующие другие части, и, в связи с этим, держались индифферентно.

---

[1] Настоящим я помещаю только самую незначительную выписку из рапортов командира нашего полка, как документов, имеющих в будущем важное историческое значение. Эти рапорты были затребованы от командиров всех частей Южной армии командующим этой же армией генерал-майором Беловым; от командира каждой части требовалось мнение об основных причинах разложения частей и сдачи казаков и солдат красным. Все рапорты командиров частей имеют почти тождественный характер между собою.

Видя такое поведение казаков нашего полка, явившиеся солдаты заявили, что они сами арестуют офицеров и под своим конвоем доставят, куда нужно. Одновременно с этим солдаты стали между собою препираться, кому первому войти к офицерам полка, сидевшим в маленькой хохлацкой избенке, и объявить им о своем намерении. Первым войти никто не соглашался. Тогда решили бросить жребий, который пал на двух из шести пришедших солдат. Последние сразу же отказались, говоря: «С офицером плохая шутка: отсечет голову тебе, а ведь все же нужно идти домой. Все время воевали и живы остались, а тут ни за что погибнешь».

Один из солдат заявил, что он зайдет к офицерам, но без оружия и под каким-либо предлогом. «Если я пойду с оружием или все сразу, то мы выдадим себя, офицеры догадаются, в чем дело, и примут миры защиты» — так объяснял солдат.

Все эти разговоры, происходившие за открытым окном избы, где сидели офицеры нашего полка, последние слышали, а потому, приготовив оружие, ждали, что будет. Солдат несколько раз обошел вокруг избенки, а затем постучал в дверь и попросил разрешение войти. Солдату было разрешено войти. Он по всем правилам строевого устава отдал честь и, не убирая руку, отрапортовал, что он прислан в наш полк от такой-то части узнать, какой наш полк имеет маршрут. Конечно, офицеры знали действительную цель посещения, но все же сказали солдату, что еще никаких распоряжений не получено. Солдат с подобающей вежливостью хотел уходить, но к нему подошел подъесаул Фокин и сказал: «Вы хотите идти домой, мы вас не задерживаем — не мешайте и нам ехать домой или туда, куда мы хотим». Пришедший хотел что-то возразить, но, посмотрев на здоровую фигуру Фокина и видя его вооруженным, убедился, что действительно, пожалуй, лучше не мешать офицерам, и ушел. Вслед за этим мы узнали, что один из полковых командиров, полковник Богданов[1], объединяет казаков и солдат, возвращающихся домой, объявив, чтобы все оставались на своих местах, так как все в целом пойдут к красным.

В эту же ночь, т.е. с 5 на 6 сентября 1919 года, офицеры всех находившихся тут частей, казаки и солдаты, пожелавшие пойти через Тургайские степи на Сибирь, для соединения с Сибирской армией, успели организоваться в маленькие группы и выехать из поселка Романовского. К ним присоединились и семьи беженцев.

---

[1] Речь идет о командире 2-й Отдельной Оренбургской казачьей бригады полковнике Филиппе Архиповиче Богданове, перешедшем позднее вместе с бригадой на сторону красных. — *А.Г.*

Стража, выставленная, по приказанию полковника Богданова, для задержания всех едущих из поселка, была мало бдительна или не обращала никакого внимания на происходящее. Во время нашего отъезда в поселке Романовском происходило что-то ужасное: возвращающиеся домой жгли патроны, оружие, казенные и офицерские вещи; стоял крик, шум; слышались стрельба, музыка и пение. Всюду виднелись большие костры огня, поселок горел в двух местах.

Так перестала существовать в целом Южная армия, героически боровшаяся с численно превосходившим противником. Мне пришлось быть свидетелем трагической агонии этой славной когда-то армии и вместе с остатками ее совершить большой и трудный переход вплоть до китайской границы.

Все остатки частей Южной армии, разбившиеся на разные группы, вышедшие из поселка Романовского, перевалив Мугоджарский хребет, оказались в степи Иргизского уезда Тургайской области. Специального обоза не имелось, так как запасов продовольствия и фуража не было. И раньше ощущался в этом большой недостаток, а теперь, при поспешном выезде, было и негде достать, да и некогда. Людям было объявлено, что каждый будет получать продовольствие — 2 фунта сырой баранины. Хлеба и других продуктов, за полным отсутствием таковых, выдаваться не будет.

Все движущиеся по Тургайской степи группы представляли из себя то длинную живую ленту, то отдыхающую на лоне степи пеструю толпу. Все спешили, чего-то боялись, нервничали, ссорились, бросали вещи и даже лишнюю одежду, лишь бы не утомлять лишним грузом себя и свою лошадь. Много казаков, солдат и беженцев отстали от своих частей и групп, а потому пробирались от одной группы к другой. Каждый пуще смерти боялся остаться без лошади, а последние очень часто исчезали во время остановок.

С каждым днем наши запасы истощались. Доставать продуктов было негде, так как в пустынной, безводной, песчаной и совершенно лишенной растительности степи не было населения. Если где и ночевали киргизы, то, услыхав, что идут русские, откочевывали куда-нибудь подальше от пути нашего следования. Благодаря питанию одним мясом, начались массовые желудочные заболевания. Смертность сильно повышалась. Были частые солнечные удары, со смертельным исходом. В первую же неделю пути пало много лошадей, в особенности кровных. Многие были оставлены на пути, как отказавшиеся идти далее от изнурения. По всей дороге целыми рядами стояли и лежали лошади, обреченные на верную гибель. Жаль было смотреть на этих

несчастных и невольных жертв человеческих неурядиц: с такою невыразимо глубокою грустью смотрели они на мимо проходящие обозы и людей, делая попытку присоединиться к ним, но от слабости не могли сделать ни одного шага. Очень много лошадей гибло в соляных озерках по степи, когда, после перехода по трудному и безводному пути, они на остановках пускались пастись. Увидав озерко, лошади жадно бросались к воде, но тотчас же вязли в очень топкой грязи, будучи не в состоянии, по своей слабости, выбраться из топи.

Случалось, что по несколько дней в пути не было воды. А когда подходили к озерку, вода в нем оказывалась столь соленою, что не годилась не только для питья, но даже для умывания. Иногда можно было видеть, как у озерка, размером в квадратную сажень-две, лежат трупы утонувших лошадей, и здесь же казак, встав на эти трупы, достает из-под них в котелок воду.

Также нередко можно было наблюдать, как около павшей лошади рыдала вся семья беженца, обреченная остаться в степи на голодную смерть. Кто им поможет в этом горе, и к кому обратиться, когда каждый спасает себя, и, может быть, не сегодня — завтра сам окажется в таком же положении? Чувство сострадания исчезло у каждого. У дороги лежит умирающий человек, который умоляет о помощи, протягивает руки к проходящим, плачет, стонет, но никто не видит и не слышит. Такие картины становились обычными. Вот жена и дети оплакивают мужа и отца, а здесь кто-то бьется в предсмертной агонии, пораженный солнечным ударом... Никто ни на что не обращает внимания. Каждый исполнен только одним желанием: вперед, как можно скорее вперед, ибо каждая минута промедления грозит смертью.

В начале нашего путешествия по голодной степи погода стояла благоприятная, хотя днем бывало иногда очень жарко. Ночи были теплые. К нормальному движению не было особенных затруднений, за исключением плохой дороги и глубокого песка. Утром вставали рано, чтобы успеть до жары сделать полупереход. Во время полуденной жары делались остановки часа на два, на три. А затем продолжали путь вплоть до ночи. Конечно, было бы лучше ехать в ночное время, ибо не страдали бы ни люди, ни лошади от сильной жары, жажды и преждевременного утомления. Но это представлялось, по некоторым причинам, неудобным: в темную ночь легко можно было сбиться с направления и потерять дорогу, которой и так почти не было; кроме того, лошади во время ночной прохлады лучше ели и отдыхали. В дневную жару лошади не ели, а лезли к воде, стараясь избавиться от жары, комаров и овода.

Местами степь была так безводна и мертва, что ни одного зверька, ни одной птички, ни одного насекомого нельзя было увидеть. Никаких признаков жизни. Каждый день мы видели необъятное пространство степи. Каждый день все тот же вид, все те же картины. Монотонно, однообразно... И настроение все то же: тяжелое, подавленное, с нехорошими предчувствиями. Я часто видел миражи: вдали — красивый большой город, с многочисленными церквами, башнями и красивыми зданиями. Или чудный оазис с дивною растительностью, садами, рекою и проч[им]... Порой мираж представлялся так ясно, что я начинал уже верить в действительность его; я не хотел, чтобы это был только обман зрения, галлюцинация. Иногда бывало и обратное: реальная действительность представлялась сном или галлюцинацией.

Продуктов в пути почти не было. Мясо, единственный продукт, который служил нам питанием, нередко портился от жары. Не было в степи и топлива. Считалась очень редкою и счастливою та остановка, где можно было найти сухие травяные корни и можно было сварить чай, конечно, если есть вода, а то может быть одно, но не быть другого.

Однажды во время пути разразилась гроза, продолжавшаяся более суток, с сильным дождем и ветром. Движение стало невозможным, так как глубокий песок пропитался водой. Мы промокли до костей, ибо у всех нас, кроме шинелей, не было ничего, чем бы можно было предохранить себя от дождя. Спать во время остановки приходилось на мокрой земле, без всякой подстилки и прикрытия, под сильным дождем. Мы страшно измучились физически и нравственно, прозябли и были голодны. Зажигать огня было нельзя: нет топлива, а если были травяные корни, то они были смочены дождем и не горели.

После грозы мы продолжали наш путь с невероятными трудностями, по грязи и глубокому мокрому песку. На первых трех верстах пути, измученные лошади начали останавливаться, некоторые издыхали. Каждый из нас предпочитал лучше умереть самому, чем остаться без лошади, и для облегчения лошадей, до полного изнеможения, сами помогали им тащить телеги. Хозяин павшей лошади бросал на дороге телегу и все имущество, а сам пешим присоединялся к своим спутникам, рассчитывая на милость последних и полагая, что они не дадут ему умереть голодною смертью. Лошади значительно с каждым днем убывали. Пеших стало больше, чем конных.

Так шли мы по степи несколько дней.

Наше положение стало улучшаться лишь при приближении к маленькому городу Иргизу. Здесь стали попадаться киргизские кибитки, хотя и вдали от пути нашего следования.

Сейчас же были посланы команды казаков и солдат, для реквизиции верблюдов, которыми и были пополнены все наши обозы. Каждый из оставшихся в живых путешественников с благодарностью будет вспоминать этих милых животных, которые дали нам возможность продолжать ужасное отступление.

Перед приходом в Иргиз каждый предвкушал удовольствие отдохнуть, запастись продуктами и проч[ее]. Вечером 13 сентября мы увидели, впервые за все путешествие, населенный пункт. Это был уездный город Иргиз, Тургайской области. Трудно описать нашу радость, когда мы увидели сиявший, при блеске солнечного дня, церковный купол, а затем и весь город. Город расположен на берегу реки Иргиз и представляет живописный и привлекательный оазис. Все дома выглядят очень скромно; сделаны они из глины. Население состоит из татар и киргиз; есть несколько русских правительственных учреждений.

К сожалению, нам не только не удалось осмотреть город, но и запастись продуктами и подкормить здесь верблюдов и лошадей. Через сорок минут после нашего прихода в Иргиз нам пришлось с лихорадочною поспешностью продолжать свое путешествие, так как было получено известие, что в двадцати верстах от города, со стороны Челкара, появилась кавалерия красных. Перед нами лежал путь на Тургай. Хотя здесь дорога была немного лучше, но вообще этот переход оказался тяжелым. Люди устали. Много было больных. На пути очень часто встречались могилы, а то и совершенно не зарытые трупы, оставленные впереди идущими. Дорога была такая же однообразная и монотонная, как и до Иргиза. На этот раз каждый ободрял себя тем, что он увидит многолюдный областной город Тургай, бойкий торговый пункт, где можно будет достать хоть маленький кусочек пресного или кислого хлеба, отдохнуть и запастись продуктами. Знали мы также, что в Тургае находится штаб армии и командующий армией, а потому все ожидали получить здесь ободряющие новости. Вечером 20 сентября мы подошли к городу и расположились вблизи него, так как город был переполнен прибывшими воинскими частями остатка Южной армии и беженцами. Помимо этого, верблюдов и лошадей нам нужно было кормить подножным кормом, так как фуража у нас не было.

Каково было наше разочарование, когда мы, вместо большого города, увидели маленькую деревушку с глиняными домишками. Дос-

тать что-либо из продуктов в Тургае было абсолютно невозможно, ибо все было уже захвачено прежде прибывшими. В городе имелись некоторые правительственные учреждения и жило немного русских; остальные жители — татары и киргизы. Город является главным торговым пунктом в Тургайской степи, имея торговые сношения с Оренбургской губ[ернией], русским Туркестаном и Сибирью.

Вот в этом самом городе, утром 21 сентября, генерал Белов, собрав все остатки Южной армии, которые успели подойти к этому времени сюда, в последний раз говорил перед нами, как командующий армией, но ничего утешительного не сказал. Он, назвав нас всех «чудо-богатырями», приказал всем группам на следующий же день последовательно отбывать дальше на поселок Державинский, первый русский поселок в Тургайской степи. Из слов командующего армией мы узнали, что нас, таких «чудо-богатырей», осталось от Южной армии еще около двадцати тысяч, которые идут на Сибирь.

Утром 22 сентября, пробыв в Тургае менее двух суток, мы снова двинулись в путь. Дорога стала немного лучше. Чаще попадалась вода и хороший подножный корм для верблюдов и лошадей. На известных расстояниях пути здесь уже выставлялись комендантские этапы. Хотя на них никаких запасов продовольствия и не было, но все же они устанавливали нормальный порядок движения и остановок. Этапные коменданты давали проходившим группам различные справки и объединяли их; указывали путь следования и следили за порядком и нормальным движением.

Было уже начало октября месяца. Выпал первый снег, но скоро стаял. Начались холодные ветры, в особенности ночью. А нам днем и ночью приходилось быть в одних шинелях, которые каждому заменяли матрац, подушку и одеяло. Осень сильно давала себя чувствовать. Понемногу нам стали изменять и наши последние друзья — верблюды. Они останавливались в пути, вследствие плохого корма и изнурения от больших и трудных переходов. Хотя до поселка Державинского оставалось немного, но нужно было из-за верблюдов двигаться медленнее и делать дневки.

Днем 5 октября мы увидели сначала купол церкви, ветряные мельницы, а затем и весь поселок. Русский поселок! Нашу радость и восторг невозможно описать. Крики: ура! прокатились по дикой степи. Каждый в душе горячо молился и приносил слова благодарности Богу. Нам казалось, что Тургайский поход был для нас гораздо опаснее, чем пребывание на фронтах германской и гражданской войны. «Мы еще живы! Мы спасены!» — раздавались возгласы с разных сторон.

Грустные и мрачные лица, бывшие у всех до этого, стали радостными и веселыми. Казалось, что мы все уже забыли: что видели и что пришлось перенести. Мы не знали еще тогда, что готовит злая судьба нам в будущем.

Поселок Державинский находится в Акмолинской обл[асти], основан переселенцами из центральных губерний России. Крестьяне поселка очень зажиточны, приняли нас гостеприимно. Все было переполнено пришедшими группами и беженцами, а потому, в целях разгрузки поселка, все прибывавшие немедленно отправлялись на Атбасар[1].

С Державинского до Атбасара путь лежал уже по линии сел и деревень. По прибытии в Атбасар штаб армии и некоторые части разместились в городе, а остальные — в окрестных селах. Остатки Южной армии, для соединения с Сибирской армией, должны были выйти на Петропавловск, но были получены сведения, что Петропавловск уже сдан. Предположено было поэтому выйти на Омск. А пока люди должны были отдохнуть, части — сформироваться. Командующий Южной армией, генерал Белов, выехал по вызову в Омск, в ставку Верховного Правителя. Из остатков Южной армии была сформирована Отдельная Оренбургская армия. Командующим был назначен из ставки Верховного Правителя войсковой атаман Оренбургского войска, генерал-лейтенант Дутов.

Вскоре Отдельной Оренбургской армии было приказано двигаться на Кокчетав и Омск, но уже было поздно: Омск пал, а поэтому Оренбургская армия пошла на Акмолинск и Каркаралинск, с целью пробиться на Семипалатинск и Новониколаевск, где предполагалось соединиться с Сибирской армией. Но и тут оказалась неудача: Семипалатинск пал от внутреннего восстания. Таким образом, Оренбургская армия оказалась совершенно отрезанною.

Какие же были перед нами возможности? Пробиваться на Семипалатинск — нет достаточного количества патронов и снарядов, и нужно было, кроме того, выдерживать напор преследующего нас противника, напирающего с тыла. Армии ничего не оставалось, как идти через Каркаралинск на Сергиополь и в Семиречье, для соединения с отрядом генерала Анненкова.

В это время красные стали проявлять особенную активность, делая попытку совершенно окружить армию. Начались внезапные набеги на тыл и с фланга на центр отходящим группам армии. Бои ве-

---

[1] Уездный город Акмолинской области, станица Сибирского казачьего войска.

лись одновременно: в авангарде, в арьергарде, на флангах, а иногда и в центре армии. Красные захватывали много обозов и людей и препятствовали нашему нормальному и спокойному движению.

В одной из таких внезапных схваток с красными погиб доблестный генерал Вишневский, начальник Сызранской дивизии. В его лице как Сызранская дивизия, так и Оренбургская армия понесли чувствительную утрату. Тут же погиб известный своею храбростью и подвигами полковник Булгаков[1]. Ко всем бедствиям прибавилось еще одно: появились эпидемии тифа сыпного, брюшного и возвратного. Эти эпидемии унесли людей больше, чем пало их на поле брани. Едва ли сохранился хоть один человек, не болевший тифом, начиная от генерала и кончая казаком. Смертность доходила до ужасающих размеров.

Путь из Каркаралинска[2] до Сергиополя лежал через Каркаралинские степи и был очень продолжителен. По пути следования здесь в известных пунктах выставлялись киргизские летние кибитки, в коих помещались коменданты этапов. Назначения своего кибитки, конечно, не оправдывали, так как при 30° и 40° холода было почти безразлично: находиться ли под открытым небом или в дырявой летней киргизской кибитке, без всякого отопления. Если чем и были полезны эти кибитки, то только тем, что указывали направление следования частей и содействовали связи и объединению проходивших частей. Умерших в пути следования проходившие части сдавали этапным комендантам для погребения, конечно, без всяких уж религиозных обрядов. Комендант поручал похороны подчиненному своему киргизскому старосте, а последний — еще кому-нибудь.

К 15 декабря 1919 года части армии стали прибывать в Сергиополь[3].

Здесь мы узнали, что между командующим Отдельной Оренбургской армией, генерал-лейтенантом Дутовым, и командующим семиреченским отрядом, генерал-майором Анненковым, достигнуто было соглашение, по которому наша армия вливалась в семиреченский отряд, сохраняя наименование «оренбургского отряда». Семире-

---

[1] Булгаков Александр Матвеевич (?–1919) — полковник (на 24 октября 1918 года). В 1918 году — начальник партизанского отряда, есаул (31 июня 1918 года). Состоял в комплекте конных полков Оренбургского казачьего войска. За боевые отличия произведен в войсковые старшины. Командир 13-го Оренбургского казачьего полка. Погиб в Голодном походе. — *А.Г.*

[2] Каркаралинск — станица Сибирского казачьего войска, родина нашего национального героя и русского патриота Корнилова.

[3] Сергиополь — станица Семиреченского казачьего войска, находится около двухсот верст от западной границы Китая.

ченский отряд переименовывается в «Отдельную Семиреченскую армию». Генерал Анненков оставался командующим этой армией, а генерал Дутов получал назначение военным генерал-губернатором Семиречья, с подчинением командующему Отдельной Семиреченской армией. Командующим оренбургским отрядом назначен был генерал-майор Бакич, бывший лихой командир 4-го корпуса Южной армии, с непосредственным подчинением командующему Семиреченской армией. Одновременно оборона Семиречья была разделена на два участка: Учарал и Лепсинск — Семиреченской армии; а от Сергиополя до Бахты — оренбургскому отряду. Атаман Дутов, имея маленький отряд как конвой, мог выбирать местонахождение по своему усмотрению, но не теряя связи с генералом Анненковым.

Хотя оренбургский отряд и занимал свои позиции, удерживая таковые, но не мог уже быть по-прежнему боеспособным, так как почти весь отряд превратился в повальных больных тифом. Части с каждым днем таяли. Смертность была ужасающая. Медикаментов никаких почти не было, а также и ухода. Хотя госпиталь Красного Креста и принимал больных, но на весь отряд было мало госпитальной администрации. Медицинским персоналом делался обход по квартирам расположения частей, где находились больные. Иногда среди больных два, три человека умирали и лежали вместе с больными по несколько дней, так как не только вынести умерших, но подать пить больным было зачастую некому. Случалось, что, вследствие недосмотра, один или несколько человек, находясь в сильном бреду, выходили из квартир в одном белье, босые, и разгуливали, при 25–30° холода, по снегу.

От каждой части назначались особые команды, которые беспрерывно рыли могилы и носили туда умерших. Зарывали в одну могилу иногда до 25 человек. Жители сел, в которых размещался отряд, тоже повально были все больны; их положение было еще хуже, так как похоронить умершего, вырыть могилу было некому. Приходилось обращаться только к помощи казаков, в то время когда они зарывали своих в могилы. Но казаки не соглашались ни за какие деньги зарывать в одну могилу не принадлежащего к отряду. Только после горячей мольбы благосклонно соглашались иногда присоединить к своим и «штатского».

Тут же еще киргизы, видя слабость русских, не преминули отомстить своим вековым врагам, а потому стали заниматься грабежами и убийствами. Отдельным лицам, едущим в командировку, приходилось рисковать часто жизнью. Вот один из многих случаев. По

служебным делам ехало пять человек русских: три офицера и два казака. Был сильный холод; ехавшие озябли и свернули с дороги в ближайший киргизский аул обогреться. Пока грелись, в саклю набралось очень много киргиз, человек до шестидесяти. Вдруг киргизы бросаются на русских. Завязывается борьба. Одному из офицеров удается освободиться и выдернуть из рук киргиза браунинг. Вооружившись, офицер произвел в упор два выстрела и убил наповал двух киргиз. Больше в браунинге патронов нет. От неожиданности отпора киргизы растерялись и приостановились. Воспользовавшись этим, один из казаков выдернул из рук киргиза винтовку, и, пока заряжал ее, киргизы бросились бежать. Казак пустил вдогонку по пуле, и четверо остались на месте. Пятой пулей казак промахнулся: «выбирал поздоровее», как он потом рассказывал. Впоследствии выяснилось, что в этом же ауле за два дня до указанного происшествия был убит казначей одного из полков оренбургского отряда и с ним казак. Это было между Сергиополем и Урджаром, в средине декабря 1919 года.

Подобный же случай был на китайской границе, в начале января месяца 1920 года. Шесть человек офицеров было командировано в город Зайсан из станицы Урджарской. Так как китайская граница клином врезается между Урджаром и Зайсаном, то, в целях сокращения пути, офицеры поехали через китайскую границу. По пути следования они узнали, что Зайсан занят большевиками, а потому вернулись обратно. По дороге их задержали вооруженные киргизы и представили киргизскому старосте, для выяснения личности. У офицеров оказался только консульский документ, который староста и посмотреть не пожелал, говоря, что русский консул теперь человек маленький, и его документы ничего не значат, и просил дать документы, написанные по-китайски или по-мусульмански. Так как такового документа не оказалось, то офицеров арестовали и подвергли самому тщательному обыску. Отобраны были все подозрительные вещи. В число последних попали, конечно, перочинные ножички, ножницы, серебряный портсигар и прочее. Оружия офицеры не имели, так как, согласно положению, сдали его русской пограничной страже. Задержанным объявили, что их под большим конвоем отправят в Зайсан, где большевики; киргизы, очевидно, надеялась получить за каждого доставленного русского денежную награду.

Через некоторое время смотреть на русских пленных собралось более ста киргиз. Все со смехом, ликующе указывали пальцами на

русских, и каждый считал долгом внимательно рассмотреть того ненавистного «гяур-уруса», перед которым сотни лет трепетали его предки. Некоторые, не веря глазам, переходили к осязательному анализу: щупали нос, голову, волосы, руки и одежду задержанных. Офицеры, побывав во многих боях в германскую войну и стоя все время перед лицом смерти в гражданскую войну, казалось бы, должны была привыкнуть ко всякого рода опасностям. Но здесь они пали духом. Тяжело было издевательство киргиз, уверенных в превосходстве своей силы над беззащитными людьми. Находившийся с офицерами военный чиновник не выдержал и заболел нервным расстройством. Офицеры знали, что много русских было убито и ограблено киргизами. Знали также, что в районе Семипалатинска большевиками производились вылавливания, при помощи киргиз, отдельных лиц и беженцев из Семипалатинска и Каркаралинска. Перед ними обрисовалась картина: гибель от киргиз или от большевиков, которым выдадут офицеров за деньги. Оставалось бежать, но уйти из-под такого многочисленного конвоя было невозможно. Откупаться — дорого запросят, нет денег. Но все же пленные упросили старосту отпустить их на свободу за выкуп. Староста взял с них: 3 коня, с каждого по 500 руб[лей] романовскими деньгами, по две пары белья и одну пару сапог; отобранное при обыске не было возвращено. Пленные расплатились и в ту же ночь покинули своего гостеприимного хозяина, возвратившись пешком в Чугучак, а оттуда в свою часть, которая была недалеко на русской границе.

Одновременно с этим красные заняли Сергиополь, но дальше не пошли, так как нужно было наступать через Тарбагатайский перевал, между Сергиополем и Урджаром. В зимнее время этот перевал очень труден, а во время буранов и непогоды невозможен. Поэтому красные решили выждать для дальнейшего наступления более теплого и благоприятного времени. Оренбургский отряд от Сергиополя отступил и занял от перевала до границы Китая все мелкие деревушки и три больших станицы: Урджар, Маканчи и Бахты[1]. К этому времени наш отряд мог располагать только стоверстным плацдармом в глубину.

---

[1] Станицы Семиреченского войска — это главная база по пути отходившего оренбургского отряда.

От Урджара до границы Китая около ста верст. Маканчи переименовано в «Анненково», находится на старой границе России с Китаем, в 45–50 верстах от новой границы.

Жители Бахты — переселенцы из разных губерний России; но затем приписались к Семиреченскому войску. Бахты находится почти на самой границе Китая. В мирное время здесь стояли войска для охраны границы и пограничная стража.

В таком положении оренбургский отряд находился до средины февраля месяца 1920 года.

«Горные орлы» (так называли себя большевики, засевшие в горах Тарбагатая, куда ушли еще год тому назад из ближайших сел и деревень, от преследований отряда генерала Анненкова), стали делать набеги на населенные пункты, где помещались беззащитные и больные оренбуржцы.

В конце февраля большевики, выждавшие благоприятной погоды, повели наступление на оренбургский отряд, сбили его и перевалили Тарбагатай. Вследствие этого, оренбургский отряд выставил на позиции все, что можно было только набрать для защиты. С одной стороны были большевики, с другой — китайская граница. Оставалось защищаться или переходить китайскую границу, сдав оружие китайцам. Обстановка была все же достаточно ясною: держаться уже негде и не с кем, отряд не получал питания ни продовольствием, ни огнестрельными припасами. Кроме того, борьба не могла вызываться ни тактическими, ни стратегическими соображениями, и потому не было смысла в напрасной трате людей.

Поэтому следовало бы, пользуясь моментом, отводить людей из опасной полосы и сосредотачивать к самой границе Китая. Но генерал Бакич не хотел переводить своих славных оренбуржцев через границу на положение простых беженцев, а потому приказал держаться до последней возможности. Болезненные, перенесшие три вида тифа, без отдыха, страдая от холода, при плохом обмундировании и продовольствии — были втянуты в бои казаки и солдаты былой Оренбургской армии.

Еще раз дрались оренбуржцы хорошо и не раз били зарвавшихся красных. В этих боях был тяжело ранен генерал Шеметов, начальник 2 Оренбургской казачьей дивизии.

«Отец-командир», как его называли казаки, был очень популярен среди них.

Своим беспрерывным пребыванием на фронте в течение полутора[1] лет, он заслужил самое теплое к себе отношение и зарекомендовал себя редкою храбростью. Он был хорошим начальником и чутким, внимательным человеком.

Красные, сосредоточив большие силы, заставили все же оренбургский отряд отходить и, заняв станицу Урджарскую и Маканчи, прижали его к границе Китая. В это время генералом Бакичем ве-

[1] В оригинале ошибочно — «полуторых». — *А.Г.*

лись переговоры с китайскими властями о переходе границы русским отрядом. Переход границы был разрешен.

Все госпитали, учреждения и обозы были эвакуированы за границу, в китайский город Чугучак, стоящий в 18-ти верстах от станицы Бахты, между которыми проходит русско-китайская граница. 13 марта 1920 года отряду было приказано перейти китайскую границу и сдать оружие китайским властям. Утром 14 марта арьергард отряда с боем стал подходить к русско-китайской границе. Красные, ожидавшие сдачи отряда на границе, поняли, в чем дело, а потому, не желая отпускать своих врагов, в конном строю бросились в атаку, дабы окружить и задержать, а в крайнем случае, изрубить отступавших. Казаки и солдаты открыли сильнейший пулеметный и ружейный огонь. Кавалерия красных, понеся порядочные потери, отступила обратно. Оренбуржцы же, расстреляв почти все патроны и сделав все, что можно было сделать, с сознанием исполненного долга, перешли пределы своего многострадального отечества и вошли в чужую страну. Это было часов в 6–7 утра 14 марта 1920 года.

Перешедших было свыше десяти тысяч человек, не считая беженцев. К моменту перехода опомнившаяся кавалерия красных торжествующе подъехала к китайской границе, но перейти последнюю не посмела, так как китайцы для охраны границы сосредоточили много войск. Долгое время со стороны красных неслось пение революционных песен, крики: «ура!», видны были насмешливые и угрожающее жесты по адресу перешедших.

Наши части были интернированы китайцами. Китайцы приказали всем сдать оружие холодное и огнестрельное, даже офицерам не разрешили иметь при себе почетного оружия. Все полученное оружие китайцы отправили в Чугучакскую крепость. Так очутились мы в чужой стране, среди чужого народа.

Всех нас разместили в военный лагерь, находившийся под открытым небом, на берегу реки Эмиль, в 40 верстах от города Чугучака. Здесь на десятиверстном пространстве, по правому берегу реки Эмиль, все части была симметрично расположены, сохраняя свое прежнее управление и названия частей. Для представительства и надзора от китайских властей был назначен при лагере русский комендант с командою китайских солдат. Довольствие было от китайцев, но за наличные средства отряда, с таким расчетом, что каждый интернированный, будь то солдат или генерал, получает продовольствия в сутки: 1/4 ф[унта] баранины и 1 ф[унт] хлеба. Конечно, если бы доставка продовольствия, в особенности хлеба, происходила

нормально, то хоть голодно, но все же существовать можно было бы. Ввиду же того, что хлеб доставлялся неаккуратно и с опозданием, отряд иногда должен был голодать. Китайские чиновники несвоевременную доставку хлеба объясняли тем, что будто бы здесь мало мельниц и они не успевают вымалывать достаточное количество хлеба, необходимое для китайского населения, гарнизона и русского отряда. Этого на самом деле не было. Заботливым Бакичем было обнаружено, что китайцы выгодно сбывают муку на сторону.

Казаки и солдаты оренбургского отряда, будучи до конца верными своему долгу, во имя которого перенесли так много страданий, не могли сносить голода и лишений на чужбине, среди неприветливого чужого народа. Многие приуныли и стали выражать желание возвратиться обратно в Россию — домой. Никаких препятствий к возвращению в Россию, как со стороны командного состава, так и китайских властей, не ставилось. Казаки и солдаты уходили «домой» группами, так как отпустить всех желавших сразу не разрешили китайские власти. Каждый из нас знал, что ни один из них не попадет домой, а будут все еще по дороге мобилизованы или посажены по тюрьмам большевиками. Командиры частей, а равно и все остающиеся в лагере, к уходящим отнеслись с должным вниманием. Были отслужены напутственные молебны. Трогательно было расставание с людьми, с которыми у нас в течение столь долгого времени были одни интересы, одни печали и радости. Теперь каждый, отдавшись в руки судьбы, хотел найти лучшее. В то время было трудно сказать: тот ли счастлив, кто идет в Россию, на милость вчерашних врагов, поближе к своим родным очагам, или тот, кто останется, претерпевая разные лишения, на чужбине.

Командир 15 оренбургского казачьего полка, полковник Глебов, когда подошла очередь отправки казаков названного полка, приказал собраться всем офицерам и остающимся в лагере казакам на молебен и проводы уходящих. Полковым священником был отслужен молебен, после которого священник с крестом в руках обратился к уходящим со словом. Он указал казакам на их заслуги перед Церковью, защиту ими религии, на их подвиги, жертвы и лишения, во благо нашей родины, для которой они сделали все, что могли, а, потому ни св[ятая] Церковь, ни родина не забудут их. Сильные рыдания, как среди уходящих, так и среди остающихся, заглушили слова священника. После священника обратился к ним с речью полковник Глебов. В своей прекрасной речи он сказал: «Я не хочу упрекать вас за то,

что вы покидаете нас; неизвестно еще, какая судьба ожидает нас, здесь остающихся. Но я хочу указать вам на ваши жертвы, которые вы принесли на благо дорогой нам родины и родного войска. В течение почти двух лет я все время был среди вас; я видел ваше искреннее желание освободить свое отечество от большевистского засилья. Много вы сделали ради этого, много ваших братьев-станичников и однополчан пало смертью храбрых на поле брани. Благодаря создавшимся обстоятельствам, мы оказались здесь. Я верю в вас, как и всегда, а также верю, что вы, уйдя в советскую Россию, где будете, быть может, мобилизованы большевиками, останетесь все же верными казаками. Счастливый путь! С Богом!..»

Казаки, слушая своего любимого командира, появление которого среди них во время боя решало часто судьбу последнего, сквозь рыдания кричали: «Приходите снова с оружием в Россию, мы снова будем с вами, никогда не будем с большевиками!»

После этого колонна уходящих казаков стала удаляться по направлению к русской границе. Долгое время мы смотрели вслед им, удаляющимся к неизвестному будущему. Никто из нас не подумал даже послать им упрек вдогонку. Никто не мог этого сделать, ибо каждый понимал этих оборванных, полубосых и измученных людей.

После ухода казаков и солдат в Россию в лагере осталось немного меньше половины того количества, которое перешло границу, не считая беженцев и тех частей, которые находились у атамана Дутова и генерала Анненкова. По сдаче нами станицы Маканчи, с указанными частями связь была прервана еще в феврале месяце 1920 года, и мы о них ничего не знали. И только почти через месяц после перехода границы мы узнали, что вышеуказанные отряды тоже перешли китайскую границу недалеко от города Кульджи[1].

Жизнь на новоселье первое время была тяжела. Стали развиваться хандра, уныние и беспокойство за будущее. Но мало-помалу люди начали привыкать к своему новому положению, и жизнь стала входить в колею.

23 апреля, день Георгия Победоносца, который является традиционным войсковым праздником Оренбургского казачьего войска, решено было, по примеру прежних лет, отпраздновать, устроив скачки на лошадях с призами, джигитовку, состязания, сокольскую гимнас-

---

[1] Кульджа — китайский город, находится на западной границе Китая, верст 750 южнее города Чугучак; сообщение между этими городами весьма трудное и только караванное, т.е. на верблюдах и ослах.

тику и военные игры. На праздник были приглашены русский чугучакский консул и чугучакский военный губернатор со свитою. В день праздника при штабе отряда был отслужен торжественный молебен, а затем все собрались к месту игр. К 4-м часам дня сюда же приехали русский консул и китайский губернатор. К моменту приезда последнего все части были построены в одну общую колонну для встречи. Так как губернатор приехал в экипаже, то ему была подана верховая казачья лошадь для осмотра и поздравления русских. Губернатор верхом объезжал фронт и важно возглашал: хо! Казаки и солдаты громогласно отвечали тоже: хо! своему новому «союзнику», как называли его казаки. На губернаторе была простая казачья шашка, браунинг в простой кобуре и офицерский бинокль. Свита его была вся вооружена самым разнообразным видом оружия, конечно, русского, быть может, того же, которое отобрали у нас. Затем были исполнены последовательно все номера программы игр и состязаний. Губернатор был очень доволен и все ревел со своею свитою: хо! даже когда уже все кончилось. Больше всего ему понравилась казачья джигитовка и сокольская гимнастика. В одном из номеров джигитовки было исполнено: казак похищает жену другого казака. Казачка лихо садится на одну лошадь вместе с возлюбленным, и они стараются ускакать, но муж казачки, догнав похитителя, убивает его, а жена лихо уезжает от преследования мужа. Роль женщины исполнял переодетый в женский костюм казак, и исполнял хорошо. Губернатор принял казака за настоящую женщину, и с удивлением произнес: «У казаков даже и женщины умеют очень хорошо ездить на лошадях!» После чего губернатор, сияющий и довольный, пообещал, что он постарается улучшить продовольствие интернированного русского лагеря, и отбыл, сопровождаемый вперемежку криками: хо! ура! и проч[ими].

Постепенно жизнь лагеря начала оживать. Настроили из талов себе балаганы; строили и один для себя, или вместе по несколько человек. Право на постройку давалось без всяких земельных и крепостных формальностей на недвижимое имущество. Впрочем, едва ли можно было назвать балаган недвижимым имуществом: иной беспокойный жилец не раз перетаскивал свой балаган с места на место. Делать всем было нечего, жилось хоть голодно, но не скучно. Появились бандура, краса русской музыки — гармония. Понеслось милое, родное русское: «Вниз по матушке по Волге», «За Уралом за рекой» и «Камаринский». Звуки замирали где-то в дали пустынных китайских полей. Казалось, Тар-

багатай, склонив свои снежные вершины, внимал чуждым ему звукам. Жаворонок, единственный певец местных полей, прекращал свою песню в небесной лазури. Порой думалось, что тут собрались люди праздного досуга, с целью повеселиться.

В центре всего лагеря помещался Красный Крест, где было много сестер милосердия.

Едва только спадет дневная жара, как уже толпою идут визитеры, по направлению Красного Креста. Здесь седой полковник, юный корнет и даже робкий прапорщик. Во всех четырех направлениях вокруг расположения Красного Креста томно разгуливала публика попарно и группами, причем обмен рассказов и впечатлений был так весел, что все время слышался громкий смех: то звучный или тоненький девичий голосок, то приятный баритон корнета или низкая октава военного чиновника. Конечно, относительно разнообразия костюмов и нарядности лучше будет промолчать.

Все четыре аллеи, идущие от палаток Красного Креста, получили свои названия. Первая улица, как и всегда, была названа Атаманскою, хотя на ней не было ни одного атамана; вторая называлась — Невский проспект; третья носила название — Поэзии и Грусти, и четвертая — Любви.

Эти улицы всегда были оживлены. Здесь коротали свое время люди, так много перенесшие, но не потерявшие все же своей жизнерадостности и бодрости. Здесь же, на этих аллеях, можно было получать самые свежие новости (из авторитетных источников), чуть ли не непосредственно из Москвы, Петрограда, Лондона, Токио, Парижа и проч[их]. По этим сведениям, уже давно Япония разбила Америку, Деникин, совместно с поляками, взял Москву, Сибирь до Урала уже очищена от большевиков, и всюду восстания и восстания против большевиков! Увы! Это были только «вести»! Здесь же можно было встретить разных знаменитостей: если кто выиграл партию в шахматы или нарисовал удачно карикатуру, картинку, то об этом сейчас же можно было здесь узнать.

Были у нас и поэты, время от времени разражавшиеся «гениальными» произведениями в прозе и в стихах.

Был и любительский драматический театр, где ставили даже такие пьесы, как «На дне» Горького.

Театр, концерты и прогулки по улицам Поэзии и Грусти привели кое-кого к намерению, под охраной доблестной китайской стражи и просвещенных граждан этой страны, зажить в своем собственном

балагане тихим семейным счастьем. Для этого требовалось немногое: износить две пары сапог (чего не было даже у самого Бакича) по улицам разных названий и затем закрепить создавшуюся симпатию самым законным русским браком. А где же церковь и венцы? Но в этом остановки не было. Влюбленный в один день устраивал прекрасную таловую походную церковь. Сюда приносили иконы из батюшкиного походного ящика. Влюбленная подруга в тот же день делала из лыка чудные венчальные венцы. Полковому батюшке — что? Привычное дело. Только посмотрит внимательно в лицо: русский ли, мол, а то можно по ошибке и китайца обвенчать. Самым серьезным образом, в течение лета 1920 года было обвенчано в таловой церкви и лыковыми венцами свадеб больше десяти. Конечно, выдавались соответствующее документы, как и у нас на Св[ятой] Руси. Итак, часто наряду с трагическим можно было видеть и комическое.

Все же положение русских в лагере, в общем, было безотрадным. Лето стало уже проходить, а отряд продолжал жить на летнем положении. Всех пугала зима. Из отряда началось массовое бегство в разные стороны, но больше всего на Ургу и далее, откуда многие имели в виду добраться до частей атамана Семенова или проехать на Восток. На зимовку отряду не разрешили разместиться среди китайского населения, а приказано было китайскими властями тут же, на месте летнего расположения, вырыть зимние землянки. До этого все ждали, что на зиму их переведут куда-нибудь среди населения, а потому такое распоряжение тяжело подействовало на всех. Роющие землянки говорили, что они роют себе могилы. Пожалуй, это походило на правду. Жизнь в сырых землянках, без топлива, обмундирования и при полном недоедании могла сказаться на лагере гибельно. Врачи предсказывали цингу и другие неизбежные эпидемии.

В конце августа 1920 года, с большой грустью, расстался я с русским лагерем, имея целью проехать на Восток, через Великий китайский караванный путь, до Пекина. Я не знаю, как этот лагерь перенес зиму этого года, и что с ними сталось вообще… Боюсь и думать об этом.

О том, как эти люди попали в лагерь и стали изгнанниками из родного отечества, перенося невероятные трудности, лишения и национальные унижения — я считал своим долгом поведать в этом скромном повествовании. Записки мои весьма кратки, они не захватывают сотой части той действительности, которой я и многие другие были свидетелями.

Эта действительность выражалась в разных ярких особенностях: беззаветная преданность своему долгу истинных сынов своего отечества; траурный путь от Урала вплоть до границы Китая; те дикие азиатские степи, где теперь с миром покоятся былые бойцы в забытых могилах... Бедные казачьи и крестьянские избушки, киргизские сакли... И берега почти никому не ведомой китайской речки Эмиль, которой волей судеб предначертано было приютить у себя мужественных людей, достойных граждан своей Родины.

В тени угрюмого Тарбагатая, под тихое журчание струек Эмили, несутся к тебе, о наша далекая Матушка-Россия, благословения, надежды и мечты многих преданных и верных твоих сынов...

Пекин, 10 марта 1921 г.

Еловский И. Голодный поход Оренбургской армии: (Из воспоминаний участника похода). Пекин: Типография Успенского монастыря при Русской Духовной Миссии, 1921. 24 с.
(ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–2м об. Типографский экземпляр.)

Синзянский

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ОТДЕЛЬНОЙ ОРЕНБУРГСКОЙ АРМИИ

Из дневника конвойца

Вот мы и в Карка[ра]линске! Здесь командующий армией А.И. Дутов решил отходить на Семипалатинск, но через день получились сведения, что Барнаул и Семипалатинск заняты большевиками, а отряд Анненкова из Семипалатинска отошел на Сергиополь.

Снова противник оказался у нас в тылу, да и весьма глубоком. Создавалась угроза быть совершенно окруженными. Если бы Анненков оставил Сергиополь, как Семипалатинск, то группа большевиков, наступающая от Семипалатинска, естественно соединилась бы с наступающими от Верного к Семипалатинску.

Учитывая это, атаман Дутов не теряя времени решил отходить на Сергиополь, а в это время большевики от Павлодара на Карка[ра]линск двинули значительные силы, чтобы не дать армии Дутова сделать запас для похода по пустыне.

От Карка[ра]линска до Сергиополя предстояло пройти 550 верст. Нужны были запасы довольствия дней на 20. Здесь нам посоветовали (кто бывал в этой голодной пустыне) запастись жареной пшеницей или пшеном, так как в пути ничего достать нельзя. 3 декабря армия вступила в пределы голодной Карка[ра]линской степи.

Морозы стояли суровые, измученный беспрерывными походами людской состав армии был болен всеми видами тифа. Не успеет человек оправиться от возвратного — его снова валит сыпной.

Весь путь, где проходила Оренбургская армия, усеян трупами лошадей и курганами наскоро зарытых станичников.

Карка[ра]линская голодная степь, пройденная Оренбургской армией, это в полном смысле «ледяной поход».

Весь путь Оренбургской армии, от родных берегов Урала до границы Китайского Туркестана, пройден пешим порядком, больными,

измученными воинами. — Этот путь, ее крестный путь, а Карка[ра]линская голодная степь и перевал Кара-Сарык в 18 тысяч футов высоты — ее Голгофа.

В Карка[ра]линске было решено, что армия будет отходить по трем направлениям. По главной линии отхода со стороны Сергиополя Анненковым были выставлены пикеты, на каждом пикете было по несколько киргизских юрт.

По этой линии должен был пойти ген[ерал] Бакич с корпусом, по средней — атаманский дивизион, уездная милиция города Троицка. Слева шел полковник Степанов с бригадой и полк атамана 2-го округа Захарова.

Кто шел главной линией, тот прошел сравнительно легко, но по остальным линиям путь был чрезмерно тяжел.

Пройдя дней пять, т.е. четвертый путь, все с ужасом стали замечать, что запасы иссякают. Впереди был голод и холод.

Мороз давал себя чувствовать, стали появляться помороженные. Кругом унылая степь, солончаки, засыпанные снегом, кругом мертво — ни души. Спать приходилось под открытым небом, хотя снег и был не глубокий — 3–4 вершка, но спать голодным — холодно.

После каждого привала, или ночлега, вырастали все новые и новые могилы, наложенные из груды камней, так как рыть могилы были не в состоянии.

На 15-й день скитаний по пустыне стал остро вопрос с довольствием.

На привалах пришлось резать лошадей и верблюдов. На 19-й день мы подходили к озеру Балхаш. Здесь встретили киргиз, которые передали нам, что Копал, куда мы шли, занят большевиками из Верного.

Тогда мы повернули на Сергиополь, куда и пришли на 21-й день нашего странствования.

Здесь был уже ген[ерал] Бакич с корпусом. На последнем пикете пред Сергиополем мы должны были регистрироваться, причем выяснилось, что нас прошло всего 33 тысячи из 60 тысяч, остальные все погибли в пути от голода и болезней.

Синзянский. Крестный путь Отдельной Оренбургской армии. Карка[ра]линская Голодная степь 1919 г.: (Из дневника конвойца) //Луч Азии (Харбин). 1937. № 32/4. Военный отдел (пагинация раздельная). С. 7.

Н. Динской

СУДЬБА ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ ИЗ АРМИИ АДМ[ИРАЛА] КОЛЧАКА

В конце 1919 г., когда Западная и Сибирская армии адмирала Колчака начали отходить на восток, Оренбургская отдельная армия также отходила через Атбасар и Акмолинск в Семиреченскую область, где и была включена в состав 4-го Армейского корпуса генерала Бакича. Вскоре эта армия в Семиреченской области распылилась, а ген[ерал] Бакич с 4-м армейским корпусом (до 15 тыс[яч] человек) вступил в пределы Китая и был интернирован в городе Чугучаке[1].

Через короткое время из г. Чугучака отряд ген[ерала] Бакича двинулся на восток, но, преследуемый большевиками и китайцами, был частью уничтожен, частью захвачен в плен.

Из всего отряда уцелело лишь до 650 Оренбургских казаков под командой генерала Карнаухова (генерал Бакич погиб), которые были вновь интернированы китайцами и находятся в настоящее время на границе Монголии и Китая.

Одновременно с ген[ералом] Бакичем из Семиреченского края выступил по направлению к Китайской границе и генерал Дутов с отрядом до 1500 Оренбургских казаков, который был также интернирован и находится в настоящее время в Кульдже (в январе 1920 г.[2] ген[ерал] Дутов был убит большевицкими агентами.)

Обе указанные группы Оренбургских казаков до настоящего времени стойко переносят выпавшие на их долю тяжкие лишения и испытания.

Полная невозможность найти в районе Кульджи какой-либо заработок поставила казаков в крайне тяжелые материальные условия.

---

[1] Автор ошибается — *А.Г.*

[2] Автор ошибается, Дутов был убит в феврале 1921 года — *А.Г.*

Поддерживая кое-как свое существование за счет двухфунтового пайка муки, выдаваемого китайскими властями, казаки вынуждены нередко буквально голодать, не говоря уже о том, что за три года пребывания в Кульдже от одежды и обуви у них остались жалкие отрепья, едва пригодные, чтобы несколько прикрыть наготу.

Сохранив еще веру в лучшее будущее, кульджинские казаки нашли способ командировать в г. Харбин одного, из своих станичников, депутата Войскового Круга Н.П. Скобелкина, который через пустыню Гоби и Монголию верхом проехал в Пекин, а затем в Харбин, но оказался бессильным найти способ помочь казакам и посодействовать их переселению из Кульджи в другой пункт с более благоприятными условиями подыскания заработка.

Последние достоверные сведения о положении Оренбургских казаков в Кульдже получены были из Харбина от упомянутого Н.П. Скобелкина, в письме от 23 февраля 1923 г. на имя ген[ерала] Акулинина, находящегося в Германии.

Получив сведения о положении означенных групп казаков в начале июня с[его] г[ода], Комитет «Казачья Помощь» обратился в Российскую Дипломатическую Миссию в Константинополе с просьбой немедленно возбудить ходатайства: 1) об эвакуации казаков из Кульджи в полосу отчуждения Восточно-Китайской жел[езной] дороги и об оказании помощи им впредь до эвакуации и 2) о выяснении судьбы казаков под командой ген[ерала] Карнаухова и размещенных на границе Монголии и Китая, об оказании им помощи, об эвакуации их туда же — в полосу отчуждения Восточно-Китайской жел[езной] дороги.

Динской Н. Судьба Оренбургских казаков из армии адм[ирала] Колчака //Казачьи Думы (София). 1923. 30 июля. № 6. С. 12–13.

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА АНДРЕЯ СТЕПАНОВИЧА БАКИЧА

31 декабря 1878	—	в Черногории родился Андрей Степанович Бакич.
7 февраля 1900	—	зачислен на службу в 4-ю роту 60-го пехотного Замосцкого полка с зачислением в Одесское пехотное юнкерское училище.
26 мая 1900	—	оставлен в училище на второй год в младшем классе.
6 мая 1901	—	произведен в унтер-офицеры.
19 мая 1902	—	утвержден в должности командира отделения.
8 августа 1902	—	переименован в подпрапорщики.
5 сентября 1902	—	на Курских маневрах в Высочайшем присутствии произведен в подпоручики.
14 февраля 1904	—	переведен на службу в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и выехал на Дальний Восток.
11 июня 1905	—	переведен в 41-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
31 января 1906	—	награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.
9 июня 1906	—	назначен на службу в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
20 ноября 1906	—	произведен в поручики.
16 января 1909	—	рождение у Бакича сына Михаила.
16 января 1910	—	переведен в 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
20 ноября 1910	—	произведен в штабс-капитаны.
29 марта 1911	—	рождение у Бакича сына Владимира.
2 декабря 1912	—	рождение у Бакича дочери Елены.
12 июня 1913	—	ушел в отставку по состоянию здоровья.
31 июля 1914	—	мобилизован в пешее ополчение по Приморской области.
22 сентября 1914	—	выехал на фронт в составе 56-го Сибирского стрелкового полка.
Ноябрь 1914	—	вместе с полком участвовал в Лодзинской операции.
1 декабря 1914	—	ранен в боях у города Сохачев.
28 января 1915	—	награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Январь–май 1915	—	участвовал в боевых действиях на реке Равка.
19 мая 1915	—	награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.
28 мая 1915	—	награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.
12 июня 1915	—	«за отличия в делах против неприятеля» награжден Георгиевским оружием.
23 апреля 1916	—	переведен в 53-й Сибирский стрелковый полк.
29 августа 1916	—	награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.
Октябрь–декабрь 1916	—	участвует в боевых действиях на Рижском фронте.
17 декабря 1916	—	произведен в полковники.
28 декабря 1916	—	контужен в бою у Скудр-Огле.
23 января 1917	—	назначен командиром 55-го Сибирского стрелкового полка.
11 апреля 1917	—	по требованию нижних чинов вместе с двумя офицерами был вынужден покинуть полк.
30 апреля 1917	—	отчислен от должности командира полка с назначением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа.
15 июля 1918	—	назначен начальником частей Народной армии Сызранского района.
24 июля 1918	—	назначен начальником 2-й стрелковой Сызранской дивизии.
17–19 августа 1918	—	наступление войск Бакича на Инзу.
3 октября 1918	—	Сызрань занята частями РККА, подрыв Александровского железнодорожного моста через Волгу.
7 октября 1918	—	падение белой Самары.
11 октября 1918	—	назначен начальником гарнизона Бузулука.
15 октября 1918	—	вступил в командование боевым участком Бузулукской группы.
20 октября 1918	—	вступил в командование войсками Бузулукской группы.
29 октября 1918	—	оставление Бузулука белыми.
12 января 1919	—	награжден «Лентой отличия» Оренбургского казачьего войска.
22 января 1919	—	занятие Оренбурга частями РККА.
16 февраля 1919	—	назначен командиром IV Оренбургского армейского корпуса.
22 февраля 1919	—	«за личную храбрость и услуги, оказанные войску» зачислен в казаки Оренбургского казачьего войска.
23 марта 1919	—	переход корпуса Бакича в наступление.
5 апреля 1919	—	произведен в генерал-майоры.
18 апреля 1919	—	начало боев за Оренбург.
23 апреля 1919	—	максимальные успехи корпуса Бакича в наступлении на Оренбург.
26 апреля 1919	—	поражение частей корпуса в бою за переправу в районе хутора Архипов, переход к обороне.

2-я половина июня – начало июля 1919	—	переброска корпуса под Верхнеуральск.
15–20 июля 1919	—	разгром Бакичем 213-го стрелкового полка красных.
25 июля 1919	—	оставление белыми Верхнеуральска.
Сентябрь 1919	—	отступление корпуса на Атбасар, боевые действия в районе Кустаная.
Конец ноября – декабрь 1919	—	«Голодный поход» Отдельной Оренбургской армии в Семиречье.
6 января 1920	—	назначен начальником отряда атамана Дутова.
2 февраля 1920	—	назначен командующим Северным фронтом Отдельной Семиреченской армии.
27 марта 1920	—	вместе с отрядом через пограничный пункт Бахты перешел в Китай, интернирован в лагере на реке Эмиль.
Июнь–июль 1920	—	произведен атаманом Дутовым в генерал-лейтенанты.
22 июля 1920	—	самоубийство гражданской жены Бакича О.Ф. Якименко.
30 января 1921	—	отрешен атаманом Дутовым от командования отрядом.
7 февраля 1921	—	гибель атамана Дутова.
24 мая 1921	—	переход частями Туркфронта китайской границы для уничтожения корпуса Бакича, начало похода корпуса через Джунгарию.
3 июня 1921	—	бой у реки Кобук.
2 июля 1921	—	войска Бакича взяли город Шара-Сумэ.
25 июля 1921	—	по инициативе Бакича организован съезд правителей Шара-суминского (Алтайского) округа Синьцзяна.
1 сентября 1921	—	конный бой под Бурчумом.
4 сентября 1921	—	начало похода Бакича в Россию.
12 сентября 1921	—	советско-китайское соглашение о вводе частей РККА на территорию Китая для уничтожения войск Бакича.
19 сентября 1921	—	соединение с отрядом есаула А.П. Кайгородова у монастыря Сарголь-гун.
21 сентября 1921	—	неудачный штурм монастыря.
Конец сентября – конец октября 1921	—	осада монастыря войсками Бакича.
11–15 ноября 1921	—	Бакич с отрядом прибыл в район Уланкома.
8–10 декабря 1921	—	неудачные бои с красными урянхайскими партизанами.
30 декабря 1921	—	сдача отряда красномонгольским частям Хатан Батора Максаржава.
3 февраля 1922	—	выдан монгольским правительством советским представителям.
25 мая 1922	—	судебный процесс над Бакичем и его соратниками в Новониколаевске, Бакич приговорен к смертной казни.
Не позднее 8 июня 1922	—	казнь генерал-лейтенанта А.С. Бакича.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдулаева Н.И. 8
Айрапетов О.Р. 8, 179, 183
Акимова Е.Н. 8
Аксаков С.С. 104
Акулинин И.Г. 7, 65, 72, 74, 78, 81, 181, 187–188, 230
Александр III 12
Алексеев М.В. 25, 179, 183
Алескеров Ю.Н. 179, 192, 194
Анисимов Н.С. 100, 115, 119, 120, 130, 131, 135, 136, 138, 141
Анненков Б.В. 6, 97, 99–101, 103, 104, 106–111, 115–117, 127–129, 131, 139, 181, 194, 215, 216, 219, 222, 227, 228
Антонов А.С. 159
Арбузов 100
Архипов П.С. 120

Бабац Д. 182
Байкалов К.К. (Некундэ) 7, 165, 166, 168, 171, 181, 200, 201
Бакич А.М., внук генерала 174, 202
Бакич В.А., сын 17, 174
Бакич Е.А., дочь 17
Бакич Л.А., министр 11
Бакич О.К., супруга 17, 71, 123
Бакич О.М., внучка 174
Бакич М.А., сын 17, 174
Бакич М.З. 11
Балабанов 132
Бао-Эньту 160
Бараев В. 149
Бармин В.А. 179, 198
Башкин В.Н. 5, 8, 202
Белов Е.А. 150, 180, 197, 199, 201
Белов П.А. (Виттекопф Г.А.) 61, 64, 81, 82, 87–90, 192, 207, 213, 214
Биктеев 149
Бобренев В. 181, 194
Богданов Ф.А. 208–209
Болдырев В.Г. 7, 66, 181, 189
Борзаборатов 105
Бронштейн см. Троцкий Л.Д.
Брянцев 130
Буарович Л.Б. 124, 197
Бубнов А.С. 180, 190, 191, 194, 202
Будберг А.П. 7, 66, 181, 189
Булгаков А.М., полковник 98, 215
Булгаков В.Ф. 180, 205
Булыгин А.А. 135
Бурлаков Г.З. 152
Бурлин П.Г. 70
Бурмистрова Т.Ю. 8
Бухарин 162
Былим-Колосовский С.П. 21

Вагин А.Н. 58, 59, 100, 115
Валидов А.-З. (Тоган З.В.) 7, 60, 181, 189
Васильев Ф.Н. 19
Вацетис И.И. 37, 181, 186
Ведерников 96
Вин Дже-гоу 162
Винокуров П. 173

Виттекопф Г.А. см. Белов П.А.
Вишневский В.А. 98, 215
Власенко 100
Волков Е.В. 5, 8, 180, 185, 187, 189, 190, 192
Волков С.В. 180, 182, 193
Воробьев В.Ф. 180, 187, 190, 191
Воробьева А.Ю. 182
Врангель П.Н. 131, 157
Вукотич Я. 11

Гаврилов 42
Гавронский А. 185–186
Гагкуев Р.Г. 180, 191
Гай Г.Д. (Гая-Гай) 7, 42–44, 73, 74, 79, 181, 187, 190, 191
Гайлит Я.П. 35
Галкин Н.А. 39, 83, 84, 90, 186
Георгиевский Ф.М. 172
Гергенредер А.Ф. 7, 37, 73, 186, 190, 191
Гергенредер И.А. 5, 7, 37, 186, 190, 191
Гинденбург П. фон 21, 183
Глебов 105, 117, 118, 221
Голеевский Н.Н. 7, 181, 187
Головин Л., военный врач 7, 94, 181, 193
Головин Н.Н., генерал 7, 66, 181, 189
Гоппер К.Я. 7, 90, 181, 192
Горбатовский В.Н. 27, 28
Губельман М.И. см. Ярославский Е.М.
Гуськова Е. 182

Данич К.А., генерал 17
Данич О.К. см. Бакич О.К., дочь генерала, супруга генерала Бакича
Деникин А.И. 66, 72, 157, 202, 224
Денисов Н.А. 104
Дерлюгов 166
Дерябин А.И. 179, 185, 189
Джо-у-Сюэ 148
Динской Н. 229, 230
Дитерихс М.К. 92
Добржинский 53
Долбежев В.В. 110, 114–116, 132, 136
Доможиров В.Н. 151
Донсков Н.А. 149, 199
Дутов А.И. 3, 6, 46–48, 50–52, 54–60, 69, 87, 88, 92–96, 98, 101–104, 106–109, 111, 112, 115, 116, 118–120, 123, 125, 129, 130, 133–135, 139–142, 192–193, 195, 197, 205, 214–216, 222, 227, 229, 233
Дутов Н. 7, 181, 195, 196
Дымша 35
Дьяков А.А. 116

Евгеньев 105
Евсеев Н.Ф. 7, 164, 181, 200
Егоров Н.Д. 180, 185, 192
Еловский И. 5, 7, 103, 182, 192–196, 205, 226
Енборисов Г.В. 7, 182, 196
Ефимов А.И. 7, 145, 146, 152

Жежелевский В.В. 23

Зайончковский А.М., генерал 180, 183, 184
Зайончковский П.А., исследователь 182
Зайцев И.М. 109
Залесский К.А. 180
Захаров В.Н. 84, 90, 95, 97, 105, 169, 228
Захарьина Е.В. 5, 199

Ибрагимов Ю. 142
Иванов В.М., исследователь 187
Иванов К.С., вестовой ген. Бакича 124, 197
Иноятов Х.Ш. 179, 198
Ипатович-Горанский А.И. 53

Йович Т. 182

Кайгородов А.П. 149, 153, 164, 165–168, 173, 197, 233
Каменев С.С. 180, 190, 191, 194, 202
Камский 182, 193–199,
Каппель В.О. 4, 84, 87, 88, 179, 180, 185, 188
Каревский А.А. 179–181, 185, 188, 191
Кареев Н.И. 3
Карнаухов Н.П. 56, 62, 92, 229, 230
Каширин В.Б., современный исследователь 8
Каширин, сотник 149
Керсновский А.А. 27, 180, 183, 184

Киреева Ю.В. 8
Кирхман Д.Н. 105, 110, 170, 172
Кирюхин Н.И. 7, 182, 187, 188
Клаузевиц К. фон 21, 183
Клевцов В. 200, 201
Климушкин П.Д. 41, 185, 186
Козлов 100
Козьминых 172, 173
Кокарев И.И. 140, 169
Колесников И.А. 179, 187
Колокольцов А.С., генерал 105, 111, 119, 148, 172
Колокольцов К.С., войсковой старшина 105
Коломиец М. 186
Колчак А.В. 4, 6, 56, 60, 66, 69, 71, 72, 79, 81, 93, 94, 99, 101, 107, 115, 157, 180, 181, 188–193, 229, 230
Кондратьев В. 187
Корнилов Л.Г. 215
Костров 139, 169, 172
Кочетов С.К. 170
Кочнев Д.В., полковник 105, 152, 167
Кочнев, сотник 149
Кравцов 32
Краснов В.Г. 180
Красноярцев В.А. 64
Кручинин А.С. 8, 189
Кудашев Н.А. 115–116, 139
Кузеванов О.А. 182
Кузнецов И.И., современный исследователь 201
Кузнецов, полковник 105
Куйбышев В.В. 142
Купцов И.В. 180, 185, 192
Куропаткин А.Н. 14, 15

Лавровский К.П. 162
Лампе А.А. фон 175–178, 202
Лацис Я.Я. 42
Лебедев, старший врач 105
Лебедев В.И., член партии эсеров 40, 186
Лебедев Д.А. генерал 67, 92, 93, 94
Лейбург А.Ю. 6, 77, 81, 95, 97, 98
Ленин В.И. (Ульянов) 143, 161, 188
Линевич Н.П. 16
Липин В. 173, 202
Лубков А.В. 200
Лукашев 162
Лю Си-цзин 159, 160
Лютин Г.В. 82, 123–125, 196

Макензен Август фон 21, 22, 25
Максаржав Х.Б. 170, 233
Малеев 105
Малюков 105
Малятин 96
Мамиев Б.Х. 150, 152
Марков Л.Л. 180
Марковчин В.В. 194
Мартинович Д. 11, 179, 182
Масянов Л. 193
Махин Ф.Е. 36, 44, 45, 47, 50, 51, 52, 54, 91
Махно Н.И. 159, 177, 200
Медведев В.Г. 179, 185
Милан Обренович 12
Миллер Е.К. 66
Милютин Д.А. 13
Михаил Александрович, великий князь 31
Мишич Ж. 7, 182
Мовчин Н. 202
Могилев 198
Могильников 20, 22
Молоков И.Е. 3, 179, 199, 201
Мордвинов Р.Н. 187
Мосевнин 123
Мошкин С.В. 179, 198
Мощанский И. 186
Мурзиков 105
Муртазин М.Л. 7, 68, 88, 181, 189, 190

Нагаев В.Н. 90, 96
Нагамини 130
Науменко Г.М. 8, 171, 201, 202
Нейзель В.К. 62, 75, 77
Некундэ см. Байкалов К.К.
Никита (псевдоним) 191
Никитин И.Н., генерал-майор 105, 135, 191, 192
Николай II 15, 31
Новицкий Ф.Ф. 79, 191, 192
Носков К. 7, 182, 197–201
Нэх В.Ф. 200
Огородников Ф.Е. 60, 180, 188, 189, 191
Остроухов 141

Панцов А.В. 178, 198
Папенгут П.П. 135, 137, 138
Пашич Н. 12, 182
Персиц М.А. 198
Перхуров А.П. 88, 92, 93
Петржик 36, 51
Петров В.И. 7, 171, 181, 201
Пе́трович-Негош Н. 12, 182
Петрушева Л.И. 8
Пишон 82
Плотников И.Ф. 180
Погодин И.М. 159, 160, 166
Полански П. 8
Полонский 105, 110
Полосин М.П. 193
Полынов 172
Поляков Н.А. 50
Понятовский 162
Попов В., командир повстанческого отряда (генерал-майор) 159
Попов Ф.Г., исследователь 179, 187
Попов, генерал-майор 105
Попов, полковник 30, 32
Посадский А.В. 185
Приданников А.О. 7, 92, 181, 192
Прокопьев А.П. 105
Пудовкин 166
Пульченко Н.В. 185

Радко-Дмитриев Р.Д. 28, 29
Раздобреев 144
Раушер В. 23, 183
Рева И.Ф. 8
Рейснер Л.М. 41, 182, 186
Ренненкампф П.К. 19
Рибо см Рябухин Н.М.
Рогожкин И.В., сотник 7, 54, 58
Рогожкин, есаул 167
Розенбаум Я.М. 35, 110
Ромадин С. 186
Рузский Н.В. 22, 23, 25
Рябиков П.Ф. 62
Рябухин Н.М. (Рибо) 124, 197
Ряннель Т. 182, 201
Савельев Н.А., генерал-лейтенант 57
Савельев Т.О., полковник 105, 145, 169, 172–174
Савельев, войсковой старшина 94, 98
Савин 105, 112, 119, 133, 135, 141
Савина Л.А. 8
Савинков Б.В. 186
Салтыков К.А. 113
Сато 130
Сахарова Л.Н. 8
Севастьянов П.А. 171
Семенов В.Г., современный исследователь 8, 181, 190, 193, 194
Семенов Г.М., генерал 100, 115, 119, 130–131, 197, 225
Семенова В.П. 190
Сергеев 105
Сергей Александрович, великий князь 14
Серебренников И.И. 5, 7, 119, 181, 196, 197, 199
Серов М.Г. 56
Сизухин И.З. 172, 173
Синзянский (псевдоним) 182, 193, 194, 227–228
Скобелкин Н.П. 230
Скорняков А.И. 105, 162
Слащов Я.А. 60, 189
Смирнов М., вестовой 124
Смирнов, командир полка 198
Смольнин-Терванд И.И., генерал 61, 62, 70, 82, 102, 106, 123, 124, 126, 127, 129, 138, 139, 153, 156, 164, 170, 172, 173, 197
Смольнин-Терванд М.И., супруга генерала 124, 197
Собенников П.П. 7, 162, 164, 181, 199, 200
Сокольницкий В.Ю. 167
Соловьев 35
Спирин Л.М. 85, 180, 191
Сталин И.В. 172
Стариков В. 30
Старков 162
Степанов 172
Степанов А.П., полковник 36
Степанов Р.П., генерал-майор 3, 68, 70, 84, 90, 92, 94, 105, 136,145, 150, 152, 162, 169, 170, 172–174, 228
Столыпин Д.И., поручик 124, 125, 197
Столыпин П.А., председатель Совета министров 78
Стоянов Н. 186, 187
Стрыгин 19

Суворов Д. 185
Суслов 35

Таежный В. 172, 202
Тимирева А.В. 193
Тимошков С. 180, 192
Тихменев Е.Н. 76
Тоган З.В. см. Валидов А.-З.
Токарев С.Г. 143, 144, 152, 159, 172, 173
Троицкий 172
Троцкий Л.Д. (Бронштейн) 67, 143
Тухачевский М.Н. 7, 37, 43, 182, 186, 187

Ульянов В.И. см. Ленин В.И.
Ульянов И.Э., современный исследователь 189
Унгерн фон Штернберг Р.Ф. 4, 150, 151, 167–169, 172 , 173, 180, 181, 199
Утешев Ф. 7, 86, 181, 192, 193

Фаддеев Г.М. 65, 70, 79
Федюхин А.А. 8
Ферсман Е.А. 14, 15
Филатьев Д.В. 7, 66, 175, 182, 189, 202
Финицкий И.М. 34
Фокин Н.И., современный исследователь 193
Фокин, подъесаул 208
Фомин 149
Фортунатов Б.К. 91, 93
Фролов Д.С. 169
Фрунзе М.В. 89, 142, 181, 192
Фукин М.И. 19

Хайрулин М. 187
Ханжин М.В., генерал 4, 66, 67, 180, 189
Ханжин, сотник 149
Хвесин Т.С. 43
Хисамутдинов А.А. 180, 202
Хитун С.Е. 7, 112, 182, 194–196
Хромов П. 180, 184

Цветков В.Ж. 8, 200
Церетели З.Ф. 84
Цуга 130

Чемоданов 105
Чечек 40, 50, 52
Чжан, губернатор 113, 114, 144
Чжан Сылинь, генерал 143,
Чигарин 105
Чижова Л.М. 185
Чичерин Г.В. 161, 168

Шабуневич 32
Шалагинов В.К. 3, 34, 173, 179, 182, 183, 185, 197, 200–202
Шапошников 169
Шевченко Т. 116, 136
Шеметов А.С. 105, 136, 139–141, 164, 170, 172, 173, 219
Шергин Д.П. 8
Шишкин В.И., современный исследователь 198
Шишкин В.Н., генерал 56, 58, 61
Шишкин Д.Я., есаул 133, 141, 197
Шкарбанов С.Д. 42
Шоков В.А. 8
Шольп А.Г. 182–183
Шрамков П.П. 27–29
Штейфон Б.А. 7, 182, 189
Шулдяков В.А. 179, 190, 197, 198, 200, 201

Щепихин С.А. 6, 39, 46, 47, 81, 85–88, 176, 177, 192
Щербаков Н.М. 70, 190

Эвстратов 172
Эйдеман Р.П. 180, 190, 191, 194, 202
Энгельгардт 42, 43
Эпов 167

Юзефович Л.А. 199, 201

Якименко О.Ф. 93, 123–125, 233
Ян-Цзунсин 122
Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) 34, 172, 202

Fleming F. 180
Hopkirk P. 180, 198
Moulis M. 180

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Черногорец на русской службе: генерал Бакич

Мирные годы 11
На германской войне 18
Революционные потрясения 29
Герой Сызрани 33
На оренбургском направлении 46
Бремя испытаний 59
Весеннее наступление 66
Салмыш 71
Борьба за Урал 81
В степях 90
Голодный поход 95
В Семиречье. Атаман Анненков 99
На чужбине 109
Новый поход 141
Мирная передышка 149
В Россию! 159
Последние бои 167
Заключение 174

Примечания 179

Приложение

И. Еловский. Голодный поход Оренбургской армии.
Из воспоминаний участника похода 205

Синзянский. Крестный путь Отдельной Оренбургской армии.
Из дневника конвойца 227

Н. Динской. Судьба Оренбургских казаков
из армии адм[ирала] Колчака 229

Хроника жизни и деятельности генерал-лейтенанта
Андрея Степановича Бакича 231

Указатель имен 234

Ганин А.В.

Г 19 Черногорец на русской службе: генерал Бакич. – М.: Русский путь, 2004. – 240 с., ил.

ISBN 5–85887–200–X

В книге на широкой источниковой базе предпринята попытка создания научной биографии генерал-лейтенанта русской армии, черногорца по происхождению Андрея Степановича Бакича (1878–1922) — одной из ключевых фигур в истории антибольшевистского движения на Востоке России. Автор показывает перипетии судьбы Бакича, вынужденного в молодости покинуть родину и перебраться в Россию, его героическое участие в Первой мировой войне, трагедию и ожесточение завязавшейся позднее братоубийственной войны, раскрывает сложные и противоречивые взаимоотношения между героем книги и белыми вождями Б.В. Анненковым и А.И. Дутовым, исследует полные драматизма скитания оренбургских казаков, совершивших в 1919–1921 годах вместе с Бакичем несколько тяжелейших походов по России, Китаю, Монголии и Урянхайскому краю.

ББК 63.3(2)6

Андрей Владиславович Ганин

ЧЕРНОГОРЕЦ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ:
ГЕНЕРАЛ БАКИЧ

Художник *Е.Л. Вельчинский*
Технический редактор *Т.Л. Белкина*
Корректоры *А.З. Лазуткина, Н.В. Петрашова*
Оригинал-макет *И.Ю. Домниной*

Подписано в печать 1.12.2004. Формат 60x90/16
Заказ № 3217 Тираж 2000 экз.

ЗАО «Издательство "Русский путь"»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
www.rp-net.ru
ISBN 5-85887-200-X

9 785858 872009 >

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

«Доблестные войска корпуса[!] Враги нашей Великой Родины коммунисты с их комиссарами доживают последние свои дни, окруженные со всех сторон стальным кольцом верных и преданных людей, восставших за восстановление на Руси правды и порядка и жертвующих своею жизнью для того, чтобы изгнать с ее пределов изменников народа, ее разорителей... Круг крепок, и в общем движении все сильнее и сильнее сжимают вооруженную толпу большевиков, и не далек тот час, когда все те, кто борется за единую Великую Россию соединяются в ее сердце Москве, дабы здесь окончательно вместе с подлинными избранниками народа решить дальнейшую судьбу Родины...»

Из приказа А.С. Бакича
по IV Оренбургскому армейскому корпусу.
11 июня 1919 года.

Русский Путь